

7 (697) ИЮЛЬ, 2015

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

www.uralstalker.com

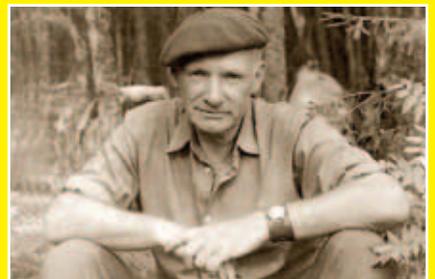
ISSN 0134 - 241X

ПЕРВАЯ АРКТИЧЕСКАЯ
ЭКСПЕДИЦИЯ

ПО РОДОВЫМ УГОДЬЯМ

АКМ
В «УРАЛЬСКОМ СЛЕДОПЫТЕ»

Июль 2015

Главный редактор — М.Ю. Фирсов.

Редакторы разделов —
Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго.

Литературный консультант —
В.Э. Абоян, А.А. Бочаров.

Худ. редактор, верстка — С.А. Секисов.

Набор — В.М. Кадочникова.

Корректор — Л.В. Ким.

Интернет — Е. Марков.

Фото на 1 стр. обложки: «Старты на Майском экстриме — 2015». Автор Евгения Фирсова.

На 4 стр. обложки: Из серии «Дедский мир». Рисунок художника Леонида Баранова (г. Первоуральск).

Редакция, издатель —
общественная организация «Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт».

Редакционный совет —
Владислав Крапивин, Сергей Казанцев,
Геннадий Пращкевич, Олег Поскребышев,
Юрий Казарин, Вадим Осипов,
Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет —
• Сергей Захаров, Председатель Челябинского ро РГО
• Алексей Прокашев, Председатель Кировского ро РГО
• Иван Рысин, Председатель Удмуртского ро РГО
• Игорь Кузнецов, Председатель Ученого Совета ро РГО в ЯНАО
• Сергей Ларин, Председатель Тюменского ро РГО
• Николай Назаров, Председатель Пермского ро РГО
• Александр Чибилев, Председатель Оренбургского ро РГО
• Дмитрий Шиллер, Председатель отделения РГО

в республике Татарстан
• Борис Ткачев, Председатель отделения РГО в ХМАО
• Виктор Христоролюбовский, Председатель Курганского ро РГО
• Михаил Горюнов, Председатель Свердловского ро РГО
• Виталий Лажнецов, Председатель

Ками республиканского отделения РГО
• Камил Зиганшин, Председатель отделения РГО

в республике Башкортостан
• Виктор Байдуков, Свердловское отделение РГО

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке: Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям РФ.

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ». 2015 г.

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:
620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Телефон: +7(343)295-61-27

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

«Уральский следопыт», №7 (697), 2015.

Издается с 1935 г., возобновлен в 1958 г.

Учредитель — ООО «Уральский следопыт».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой

по надзору в сфере связи, информационных

технологий и массовых коммуникаций по РФ

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218,

выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Материалы принимаются по электронной почте, на электронных носителях (CD, DVD, флеш-картах). Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. Автор несет ответственность за предоставление материалов и иллюстраций, обремененных правами третьих лиц. **Рукописи не рецензируются и не возвращаются.** При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле **тема**. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна. Материалы, помеченные знаком **ix**, публикуются на правах рекламы.

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com» вы можете через:

- Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413
- Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе
- Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России
- Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего зарубежья

Встречный ветер

Быть молодым — здорово!

А. ЧМАЕВ
Знамя победы 4

ФОТОЛЕТОПИСЬ

М. ГОРЮНОВ, А. СЕЛЕЗНЕВ, Е. ФИРSOVA
Город в экстриме 24

Экспедиция
И. КУЗНЕЦОВ
На стойбище
Аграфены
Сопочиной 30

Версия
В. КАРЕЛИН
Где кончаются
Уральские
горы 36

Река времени

Музей одной фотографии

Е. БИРЮКОВ
«Ленин жив
в заветах!» 3

Литературное краеведение

Л. НОВИКОВА
Снегоборцы 7

Тропой поиска
Ю. ДЕМЧЕНКО
Хроника
еманжелинской
Победы 12

Портреты
Е. ЗАШИХИН
Свой человек
в «Следопыте» 16

Далекое-близкое

О. МАКАРОВА
Уралец с ледокола
«Вайгач» 19

Наши проекты

Ю. ГОРБУНОВ, К. ЩУР
История России.
Река Чусовая 41

Журнал в журнале

Евгений Бирюков

Краевед, историк фотографии на Урале. Собиратель и хранитель коллекции, старший научный сотрудник и экскурсовод екатеринбургского Музея фотографии (Дом Метенкова). Автор книги «Метенков и К — фото».

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

«ЛЕНИН ЖИВ В ЗАВЕТАХ!»

Эта фотография попала ко мне в стопке лишенных подписей, выброшенных за ненадобностью. Но я таки взял в руки лупу...

Году в 1960-м довелось быть в Нижнем Тагиле (на практике, учился в УПИ). Набрел там на необычный памятник: пирамида из книг с клинописью цитат, на книгах — земной шар с рельефом материков. И... Ленин! Сфотографировал. Поинтересовался и историей.

В январе 1924 года умер Владимир Ильич Ленин. Но партия (большевиков) решила сделать его символом на пути в светлое будущее. Началось массовое кустарное создание и воздвижение памятников вождю. Однако специальная комиссия запретила эту самодеятельность и рекомендовала повсеместно ставить каноническую фигуру с поднятой вперед рукой — именно такой Ленин работы скульптора В. В. Козлова стоит перед Смольным дворцом в С.-Петербурге. Всего по городам и весям было установлено более 7 тысяч памятников. На Урале они появились в Невьянске, Златоусте, Соликамске...

А в Нижнем Тагиле — памятник на особицу. Там объявили конкурс на пьедестал, и победителем был признан проект «Ленин жив в заве-

тах!», предложенный школьным учителем рисования Алексеем Фроловым. «Книжки» и «Шар» заказали в артели «Мраморский кустарь», доставку организовали лошадьми на санях (несколько тонн везли частями, земной шар — из двух половинок).

7 ноября 1925 года на предзаводской площади города состоялось открытие. Предварительно с площади убрали многофигурный памятник Демидовым — кончилось их время. Вот это многолюдное событие и было запечатлено фотографом с колокольни близстоящего Входа-Иерусалимского собора (в 1930-м его снесут).

На площади с памятником Ленину проходили торжественные события, например, здесь принимали в пионеры... Кстаги сказать, школе, где работал учитель А. Н. Фролов (1897-1962), присвоили имя Н. К. Крупской, жены Ленина. Потом площадь озеленили, образовался сквер Рабочей молодежи. В пылу идеологической перестройки Ленину на памятнике отломали руку (бронза — вторсырье!). Но руку нашли и восстановили. **УС**

Знамя победы

В феврале-мае 2015 года в Свердловской области прошла серия военно-спортивных игр «Знамя Победы», посвященных 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов.

Главной целью проведения серии игр стали совершенствование системы патриотического воспитания, обеспечивающей формирование у молодых граждан Свердловской области прочных основ патриотического сознания, здорового образа жизни, чувства верности долгу по защите своего Отечества, а также содействие становлению активной гражданской позиции, понимания силы и устойчивости России.

Военно-спортивные игры в Свердловской области традиционно проводятся ежегодно, но в этом году основной особенностью стало то, что серия объединила в себе несколько направлений – «Зарничка», «Зарница» и «Орленок», рассчитанные на школьников разного возраста, «Защитник Отечества» – школьники старших классов (по существу это Спартакиада молодежи России допризывного возраста), «Патриоты Урала», где соревновались учащиеся специализированных кадетских классов и воспитанники военно-патриотических клубов (Спартакиада допризывной молодежи по военно-прикладным и техническим видам спорта) и «Казачий сполох» (для подростков – членов казачьих обществ и объединений).

Организаторами серии военно-спортивных игр стали Министерство физической культуры, спорта и молодежной политики Свердловской области, государственное автономное учреждение Свердловской области «Региональный центр патриотического воспитания», Региональное отделение ДОСААФ России Свердловской области, Свердловская областная общественная молодежная организация «Ассоциация патриотических отрядов «Возвращение».

Общее руководство организацией и проведением серии игр в Свердловской области осуществлял Областной организационный комитет, который возглавил заместитель Председателя Правительства Свердловской области В. И. Романов.

Соревнования проходили в четыре этапа: школьный – образовательные

учреждения, муниципальный – муниципальные образования Свердловской области и районы города Екатеринбурга, окружной – управленческие округа Свердловской области и город Екатеринбург и областной.

В ходе областного финала ребята соревновались по различным дисциплинам в нескольких блоках.

Первый блок – «Готов к труду и обороне» – проводился в соответствии с нормативами Всероссийского физкультурно-спортивного конкурса «ГТО» и включал в себя бег на 30, 60, 100 м (в соответствии с возрастной группой ВФСК «ГТО»), бег на 1, 2, 3 км (в соответствии с возрастной группой ВФСК «ГТО»), подтягивание из виса на высокой перекладине (юноши) или сгибание-разгибание рук в упоре лежа

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Андрей Чмаев

Заместитель директора государственного автономного учреждения Свердловской области «Региональный центр патриотического воспитания».

(девушки), поднимание туловища из положения лежа на спине, прыжок в длину с места и стрельбу из пневматической винтовки, метание мяча или гранаты и плавание.

Второй блок – творческо-теоретический: конкурс-тест по истории России, родного края и Российской армии, конкурс по основам медицинских знаний «Если ты остался один на один с пострадавшим», конкурс «Визитка» (представление команды) и конкурс «Боевых листков».

Третий блок – военные и военно-прикладные дисциплины: строевой смотр, соревнования по разборке-сборке автомата Калашникова, соревнования по разборке-сборке автомата Калашникова, общее контрольное упражнение на общевойсковой polo-се препятствий, перетягивание каната.

Четвертый блок – специальные дисциплины: тактическая игра на местности, соревнования «Меткий стрелок», пейнтбол, «Стрелковый поединок», спортивное ориентирование, вождение автомобиля и биатлон.

Областной финал для направлений «Защитник Отечества» и «Патриоты Урала» проходил с 25 по 26 апреля 2015 года в Первоуральске, на базе физкультурно-оздоровительного комплекса «Гагаринский». На церемонии открытия участников соревнований приветствовали: замести-

тель министра физической культуры, спорта и молодежной политики Свердловской области Сильчук Е. В., Герой России, директор ГАУ СО «Региональный центр патриотического воспитания» Родобольский И. О., Председатель Регионального отделения ДОСААФ России Свердловской области Воробкало А. А., главный судья соревнований – начальник отдела информационно-аналитической и методической работы ГАУ СО «РЦПВ» полковник запаса Ю. В. Артамонов.

В соревнованиях приняли участие команды: «Алмаз» (Северный УО, г. Нижняя Тура), «ПВСК Патри-

от» (Южный УО, ГО Сухой Лог, МАОУ СОШ № 4), «Ирбис» (Западный УО, ГО Красноуфимск, МАУ «ЦТДиМ»), «Сталкер 2» (Горнозаводской УО, г. Кушва, МАОУ СОШ № 20).

По результатам соревнований места распределились следующим образом:

- ♦ по направлению «Защитник Отечества» первое место у команды «Сталкер» (Горнозаводской УО, руководитель – Денисов А. А.), второе место заняла команда «Альфа» (Северный УО, руководитель – Еремеев С. Б.), третье место у команды «Кадеты Елани» (Восточный УОО, руководитель – Хитрин В. С.);

◆ по направлению «Патриоты Урала» первое место заняла команда «Алмаз» (Северный УО, руководитель – Аксенова Е.В.), второе место – команда «Ирбис» (Западный УО, руководитель – Ужегов Д.А.), третье место – команда «ПВСК Патриот», руководитель – Дмитриев Д.В.).

◆ По направлениям «Зарница» и «Орленок» областной этап проходил 10–11 мая 2015 года в Екатеринбурге на учебно-спортивной базе «Динамо». В нем приняли участие 11 команд – победителей окружных этапов.

С началом соревнований юнармейцев поздравили заместитель министра физической культуры, спорта и молодежной политики Свердловской области Е.В. Сильчук и директор государственного автономного учреждения Свердловской области «Региональный центр патриотического воспитания» Герой Российской Федерации И.О. Родобольский.

По итогам соревнований призовые места распределились следующим образом:

Направление «Зарница»:

3 место – команда Северного управленческого округа «Кли-

нок» (п. Лобва, руководитель – Елохин А.В.);

2 место – команда Южного управленческого округа «Исетская застава» (МАУО «Покровская средняя школа», руководитель – Аввакумова Л.В.);

1 место – команда Южного управленческого округа «Лидер» (Кочневская СОШ № 16, руководитель – Кошкарёв В.В.).

Направление «Орленок»:

3 место – команда Западного управленческого округа «Отважные» (МКОУ «Средняя общеобразовательная школа № 13» Дружининского го-

родского поселения, руководитель – Кокшаров Ю.В.);

2 место – команда Южного управленческого округа «Знамя» (МАУО «Лицей № 17» городского округа Сухой Лог, руководитель – Гордеев А.И.);

1 место – команда города Екатеринбурга «Отважные» (МАУО «Средняя школа № 167», руководитель – Кузьмина О.В.).

Команды, ставшие победителями и призерами соревнований по всем направлениям, были награждены грамотами и ценными призами, а все участники получили свидетельства об участии в областном этапе военно-спортивной игры «Знамя Победы», посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», подписанные директором государственного автономного учреждения Свердловской области «Региональный центр патриотического воспитания» Героем Российской Федерации И.О. Родобольским.

Подобные соревнования планируется сделать ежегодными, привлекая к ним как можно большее количество участников. **VC**

Мартовским утром 1997 года Валентина вышла из маленького отеля, расположенного на окраине немецкого города Дорстен, куда накануне поздно вечером ее закинула судьба при шокирующих обстоятельствах. Закинул, правда, с тремя товарищами по несчастью на своем авто вполне конкретный субъект — господин Кремерскоттен, немецкий предприниматель, по вине которого отчасти и произошло вчерашнее чрезвычайное происшествие. Но измыслило все перипетии не иначе как Провидение.

Снегоборцы

Вчера все случившееся казалось ужасным и вызывало отчаянный протест. Но сегодня в душе Валентины наступил штгиль. То ли весеннее солнце растопило лед отчаяния, то ли замечательный природный ландшафт, открывшийся за порогом гостиницы, то ли радостное щебетанье птиц или эта симпатичная альпийская горка за оградой пригости-ничного сада, усеянная группками невысоких растений с белоснежными цветками-колокольчиками, свисающими на хрупких цветоножках.

— Подснежники! — воскликнула Валентина.

Ее с детских лет радовали эти необыкновенные цветы. Когда-то она с дотошностью филолога навела справку о них и открыла для себя немало любопытного.

На латыни подснежник называется Galanthus, что в переводе означает «молочный цветок». По-английски этот цветок обозначается словом Snowdrop — «снежная капля», по-немецки звучит как Schneeglöckchen — «снежный колокольчик». Что и говорить — очень поэтично! Но на всех этих названиях, включая русское «подснежник», лежит печать созерцательности, поверхностного восприятия. Другое дело — французское слово

Perce-neige и скалькированное с него слово Neĝborulo на языке эсперанто, который Валентина с большим энтузиазмом изучала со студенческих лет. Как же перевести эти слова на русский? Буквальный перевод означает «буравящий снег», но эта дословность мешает романтическому восприятию смысла этого неординарного названия. Правда, корень bor ассоциируется у русскоговорящего не только с бор-машинной стоматолога, но и со словами «борьба», «борец». Да, пожалуй, так и нужно перевести — «снегоборец». В этом названии, в отличие от других, схвачена самая суть уникального цветка — его огромная жизненная стойкость, несмотря на внешнюю скромность и обманчивую беззащитность. Ему не страшны ни снег, ни губительные для других цветов морозы, которые он отважно преодолевает в своем неудержимом стремлении к солнцу.

В европейской культуре подснежник символизирует надежду. По старой легенде, в тот момент, когда Адам и Ева были изгнаны из райского сада, Ева страдала от мысли, что холодная зима никогда не кончится. Тогда ангел превратил снежинки в цветущие подснежники, подарив Еве надежду на приход весеннего тепла.

Людмила Новикова

Родилась в городе Миассе Челябинской области. В 1975 году окончила филологический факультет Челябинского пединститута. Работала учителем русского языка и литературы, библиотекарем. Переехав на постоянное жительство в Москву, работала в системе Главмосстроя, а также по совместительству на филологическом факультете Российского университета дружбы народов.

**ЧЕЛЯБИНСКАЯ
ОБЛАСТЬ**

Вот и Валентина теперь, глядя на эти чудесные цветы, почувствовала в душе надежду на то, что несчастье, неожиданно свалившееся на нее и ее товарищей, благополучно разрешится. Мысли вернули ее ко вчерашнему дню.

* * *

— Achtung! Achtung! Alle sollen verlassen den Bus! Der Bus ist auf gehalten!¹

Эта фраза, обращенная немецким полицейским к пассажирам международного автобуса, прозвучала для Валентины как гром среди ясного неба.

— Как покинуть?! Почему?! Что это значит?! А что будет с нами потом?! — Мысли загудели в голове, как встревоженный пчелиный рой.

Инцидент произошел во время очередной остановки автобуса в немецком городе Эссен. Валентина кинулась за разъяснением к водителям автобуса, которые попеременно вели его по маршруту «Москва — Амстердам — Москва». Те сообщили, что полицейские, обследовав на остановке автобус, нашли его технически не пригодным для движения по дорогам Германии.

— Но ведь автобус исправный, мы ехали из Амстердама нормально! Что случилось с автобусом?!

— Ничего не случилось. Они проверили документы и обнаружили, что срок эксплуатации машины истек — в Германии он не должен превышать пятнадцати лет. А этот автобус хозяин российской фирмы «Тэтсман и К®» приобрел у своего германского компаньона Кремерскоттена по сходной цене после того, как тот списал его по немецким правилам. Отвечать за эту сделку приходится теперь всем нам.

— Но как мы теперь будем добираться до Москвы? Мы ведь заплатили за обратную поездку в фирме Тэтсмана в Москве! Вы можете нам сейчас вернуть деньги?

— Увы, нет. Этот жмот Тэтсман не выдает нам никаких резервных денег в дорогу. Как хочешь выкручивайся в критических ситуациях!

Валентина кинулась к своей спутнице, сидящей в кресле автобуса и никак не реагирующей на происходящее:

— Вероника, у тебя есть деньги? Сколько?

— Нисколько! — угрюмо ответила Вероника. — Пусть herr² Тэтсман везет нас. Мы ему заплатили.

Валентина, обратившись к выходящим из автобуса пассажирам, которые заплатили за проезд водителю и теперь забрали свои деньги, узнала, что проезд до Москвы поездом с пересадкой в Дортмунде стоит на двоих

около пятисот немецких марок. Какой кошмар! У нее в кошельке осталось только сто долларов.

В панике Валентина закричала полицейскому, мешая английские и немецкие фразы:

— We cannot leave the bus³! Dies Frau ist blind⁴!!! We don't have money⁵!!!

— It is your problem⁶, — безучастно ответил полицейский и вышел из автобуса.

На какое-то время в салоне автобуса все затихло. Водители остались, и это дало Валентине слабую надежду на то, что, может быть, все обойдется и полицейские дадут им возможность продолжить путь в Россию на автобусе.

А как прекрасно все шло! В феврале к ней обратилась Вероника, москвичка из клуба незрячих эсперантистов, и попросила ее о сопровождении на традиционное мероприятие в Голландии под названием «Semajnfino NOSOBE»⁷. После некоторых колебаний Валентина согласилась — ответственность за инвалида в дальней поездке пугала, но очень уж хотелось посмотреть Голландию, овеянную ореолом Петра Великого и современной славой одной из самых прекрасных и культурных стран Европы. В Амстердам они приехали благополучно, где их встретила и радушно приняла в своем уютном доме в пригороде Амстердама супружеская чета известных эсперантистов — Роберта и Норы Мербек, которые были главными организаторами мероприятия. С их помощью Валентина и Вероника успешно выполнили всю программу пребывания в стране.

Помимо самого мероприятия, являвшегося целью их поездки, Валентина и Вероника посетили штаб-квартиру Всемирной Эсперанто-Ассоциации в Роттердаме. Ознакомились путешественницы и с Амстердамом, этой знаменитой «Северной Венецией» с ее каналами, разноцветными старинными домами и великолепными музеями.

Валентина задумалась над вопросом: зачем все-таки Вероника так мечтала попасть в Голландию? Ведь она не может наслаждаться видом всех этих красот, не может видеть лиц замечательных друзей-единомышленников. По дороге в Амстердам Валентина многое узнала о судьбе Вероники. Она не была от рождения незрячей. Когда-то она работала геологом в Сибири на разведках залежей нефти, вела наравне с мужчинами суровый образ жизни в тяжелых условиях Севера. Была активной, жизнерадостной девушкой, занималась спортом, изучала язык эсперанто и мечтала с его помощью повидать весь мир. Ослепла она в результате несчастного случая — по-

пала в автомобильную катастрофу в Москве. Помимо зрения, она почти полностью потеряла слух и теперь слышала только с помощью слухового аппарата. Плюс ко всему ее сломанная в аварии нога срослась неровно, и Вероника сильно хромала.

Откуда у нее это упорное стремление, несмотря на весь трагизм своего положения, осуществить свою давнюю мечту о дальних путешествиях? Что придает ей силу духа переносить трудности, которые порой и здоровый человек не знает, как преодолеть? Вот как сегодня — такой неожиданный удар: ни в чем не повинных людей вышвыривают на улицу в чужой стране, в незнакомом городе, без денег, без знания языка, без помощи друзей и знакомых. Даже эсперанто не поможет, потому что нет возможности связаться с кем-либо из местных эсперантистов, да и неизвестно, есть ли они в этом Богом забытом Эссене.

Эссен... Валентина посмотрела в окно автобуса на серые, невзрачные здания города, и ее вдруг осенило: а ведь это тот самый Эссен, центр знаменитого Рурского бассейна, в котором с давних времен было расположено множество угледобывающих шахт. В одной из этих шахт более восьмидесяти лет назад работал дед Валентины Николай, плененный немцами на полях сражений Первой мировой войны. Валентина сама не слышала рассказов деда об этих событиях, она родилась уже после его внезапной смерти от «разрыва сердца», но эти рассказы превратились в семейное предание, которое она много раз с интересом слушала.

Мистика! А теперь я, его внучка, тоже помимо своей воли оказалась в этом же месте, попав в какой-то немислимо абсурдный плен!

Ее размышления прервал вновь появившийся в автобусе полицейский:

— Verlassen sie unverzüglich den Bus! Der Bus wird abtransportiert!⁸

Валентина почувствовала, как передняя часть автобуса начала задираться вверх — это прибывший эвакуатор за прикрепленные тросы ставил передние колеса автобуса на свою платформу.

— Вероника, скорее выходим! Иначе нас увезут черт знает куда!

Вероника уже без сопротивления стала на ощупь продвигаться к выходу за Валентиной и водителями.

— Schneller! Schneller!⁹ — нервно подгонял их полицейский.

* * *

— Schneller! Schneller, russische Schweine!¹⁰ — кричали конвоиры

русским военнопленным, стоящим на платформах товарняка, прибывшего на железнодорожную станцию Эссена.

Николай, двадцатипятилетний солдат, один из сотен пленных, с трудом спрыгнул на землю. Он, как и остальные его товарищи по несчастью, был измучен долгим переездом в холоде, антисанитарии и без еды.

Николая призвали на фронт в августе 1914 года сразу же после объявления Германией войны России. Война разрушила его только начавшуюся счастливую семейную жизнь: за год с небольшим до этого Николай женился на односельчанке Наталье, которая в мае 1914 года родила ему первенца, сына Ванюшку. Все, что составляло смысл жизни Николая, все, к чему он стремился всей душой, было отнято у него в одно мгновение по прихоти сильных мира сего.

Попав в составе уральского пехотного полка на Юго-Западный фронт, он добросовестно исполнял свой солдатский долг, участвуя в разгроме войск Австро-Венгрии в Галиции, в боях за взятие хребтов и перевалов Карпат в тяжелейших условиях зимних гор с их обледенелыми кручами.

Но с началом 1915 года победоносное продвижение русских войск по территории Австро-Венгрии сменилось повсеместным отступлением под ударами мощной германской армии, пришедшей на помощь своим австрийским союзникам. Германия многократно превосходила Россию по техническому оснащению и вооружению, и поражения русских были неизбежны. В феврале 1915 года в жесточайшем сражении под польским городом Августов, в лесах у Мазурских озер, где полк в течение восьми дней героически пытался прорваться из окружения под беспырявыми ударами немецких гаубиц, Николай, будучи раненным в руку и не в силах более оказывать сопротивление, попал в плен к врагам.

Теперь он брел по германской земле в колонне таких же, как он, бедолаг под злобными взглядами немецких конвоиров.

Их пригнали в Arbeitkommando — один из рабочих лагерей военнопленных, расположенный на окраине Эссена. Это был участок с несколькими бараками, огороженный колючей проволокой. Пленные находились в лагере только ночью и в воскресные дни, а по утрам будней конвойные разводи-

ли их партиями к местам работы. В Эссене это были в основном угледобывающие шахты, число которых к началу войны достигало нескольких десятков. Работа длилась с шести утра до восьми вечера с получасовым перерывом на обед. Воскресенье было выходным днем.

Николая среди других пленных разместили в неотапливаемом бараке и определили на работу в одну из угольных шахт, находящуюся от лагеря сравнительно недалеко. Так началась его жизнь в плену, длившаяся неизмеримо долго — более трех лет.

Немецкая система принудительного труда военнопленных в годы Первой мировой войны была относительно гуманной. Еще не существовало государственной политики массового истребления военнопленных и интернированных гражданских лиц, которая потрясла человечество впоследствии, когда германский фашизм ввел в практику беспредельную жестокость к пленным и гражданскому населению. Правительством и военное командование кайзеровской Германии в основном старалось соблюдать положения международных конвенций об обращении с военнопленными.

▲ В. Е. Новиков с женой Натальей и детьми

▼ Солдаты Первой мировой. Московский Дворец пионеров на Воробьевых горах 23 февраля 2015 г. Реконструкция событий Первой мировой войны студентами военно-инженерного вуза. Фото автора

В частности, запрещалось иметь у военнопленных их личное имущество. Все имущество Николая состояло из зимней шинели, сапог, карманных часов и обручального кольца. Но даже это небольшое очень пригодилось ему. Шинелью он укрывался ночью в продуваемом всеми ветрами бараке. А уж часы и кольцо однажды просто спасли его!

Пленным офицерам регулярно выплачивалось жалование, и их не привлекали к принудительному труду. Рядовых военнопленных заставляли работать, но им тоже платили за труд, хотя и в мизерных размерах. Средний дневной заработок подневольного рабочего составлял 30 пфеннигов, три четверти из которых удерживались в качестве компенсации за его содержание, а оставшиеся деньги выдавались на руки.

В начале 1915 года в лагерях еще функционировали специальные лавки, где на заработанные деньги пленные могли купить сигареты и кое-какие продукты в дополнение к скудному лагерному питанию. Но вскоре, когда в Германии наступили голодные времена и продукты населению стали выдавать строго по карточкам, лавки закрыли.

Николай не курил, и получаемую зарплату он с крестьянской скрупулезностью копил в расчете на «черные» дни. Эти дни не преминули наступить. Из-за голода в стране, вызванного английской морской блокадой, военнопленным также резко урезали пайки. Работать по 12 часов в шахте, в неизменно тяжелых условиях без достаточного питания было невыносимо. Николай, будучи добродушным и общительным малым, быстро нашел общий язык (и в прямом смысле тоже, так как он быстро схватывал наиболее ходовые слова и фразы немецкого языка) с немногими немецкими рабочими, которые по каким-либо причинам не были мобилизованы на фронт и продолжали работать на шахте. Некоторые из этих рабочих жили в пригородах и имели подсобное хозяйство, которое спасало их от голода. Николай поочередно покупал у них картошку, яйца, молоко, а иногда даже мясо.

Казалось бы, худо-бедно можно было жить и в плену. Николай, обладая природным здоровьем и крестьянской привычкой к физическому труду, стойко переносил все тяготы жизни в неволе. Невыносимо было одно — безмерная тоска по родине, по дому, по любимым жене и сыну. Из-за безграмотности он не мог писать письма домой и получать их от такой же безграмотной жены. Полная потеря связи с родными,

беспокойство о них постоянно терзали его душу, неподъемным камнем давили на сердце. Он постоянно вспоминал до мельчайших деталей родной поселок Тургояк, расположенный на берегу одноименного озера, свою широкую улицу с рядом деревянных домов, один из которых он сам строил с помощью братьев и резными наличниками окон которого так гордился. Озеро с его ключевой водой и окаймляющими его невысокими скалистыми горами, покрытыми хвойными лесами, часто снилось ему, а один сон повторялся чаще всего — Николай забрасывает удочку в воду и наблюдает в прозрачной воде, как красноперый окунь подплывает к крючку и дергает за насаженного на него червяка. Сон всегда прерывался в этом месте, и Николаю так и не суждено было узнать, сумел ли он поймать того окунишку.

С самого начала Николай, как и многие пленные, мечтал о побеге. Побег из лагерей случался часто, но редко были удачными. «Летчиков» (так на лагерном жаргоне называли совершивших побег) быстро излавливали и возвращали в лагерь. Николай заметил, что главными причинами таких неудач были две: незнание немецкого языка и отсутствие местной гражданской одежды. Он поставил перед собой задачу освоить как можно лучше немецкий язык. Для этого он не чурался общаться, разговаривать с окружающими немцами при всяком удобном случае, спрашивать их о значениях и особенностях непонятных слов и выражений. Он также понял еще одну истину — ничто так не располагает человека к тебе, как внимание к его родному языку. Поэтому он и продукты питания мог покупать у местных немцев, а потом и старую одежду с обувью прикупил у них. Может быть, они и догадывались, для чего Николаю понадоби-

лась немецкая одежда, но шли ему навстречу, так как в душе сочувствовали ему, не воспринимали его как врага.

Лишь в мае 1918 года Николай осуществил задуманный побег. Убежал он ранним утром во время перехода их рабочей группы из лагеря к шахте. В то утро стоял густой туман, который и помог Николаю незаметно ускользнуть в сторону от строя пленных. Он перед выходом из барака надел под черную лагерную робу гражданские брюки и рубашку, а также засунул за пазуху ботинки. Отбежав на значительное расстояние, Николай сбросил с себя униформу и надел ботинки. Весь день он бежал полями и перелесками, ненадолго останавливаясь перевести дух. К вечеру он достиг леса, где и решил переночевать. Забравшись на высокое дерево, он привязал себя к нему ремнем.

Утром его разбудил собачий лай.

— Это конец! — с отчаянием подумал Николай. — Догнали-таки!

Но оказалось, это были местные охотники. Их было двое.

Николай слез с дерева и приветствовал их по-немецки. Но те, конечно же, догадались, что перед ними беглый пленный. На минуту повисло молчание. Затем один из охотников разглядел на пальце Николая обручальное кольцо и заинтересованно коснулся его рукой. Николай, быстро сообразив, снял кольцо и отдал его охотнику. Тот удовлетворенно улыбнулся. Зато его товарищ стрельнул недовольным взглядом. Николай, вспомнив про часы, достал их из кармана брюк и протянул второму охотнику.

— Alles Gute!¹¹ — радостно осклабился он, и охотники пошли своим путем.

Николай думал, как ему пробираться дальше. Денег у него не было, он не мог воспользоваться каким-либо транспортом, да и слишком риско-

▼ Поселок и озеро Тургояк

▲ Е. В. Никольский. В Тургояке

ванно это было. Оставалось одно — идти пешком и наниматься батраком-поденщиком к селянам с целью что-то заработать. Это тоже было рискованно, но другого выхода не было.

К удивлению Николая, его охотно брали в батраки. Из-за войны повсюду чувствовался недостаток мужских рабочих рук, и беглый пленный, который работал почти даром, — с ним расплачивались продуктами питания — приходился всем ко двору. За три месяца, пока Николай добирался таким образом до границы, не было ни одной попытки выдать его властям.

Дойдя в августе до левого берега Вислы, которая в своей южной части служила границей между Германией и Австро-Венгрией, Николай решил в последний раз наняться в батраки в ближайшем хозяйстве, а затем попытаться пересечь границу. Если бы он знал, какое потрясение его ожидает!

Когда после первого ночлега он вышел во двор, то увидел там умывающегося немецкого офицера.

— Ловушка! — ужаснулся Николай. — Уж этот-то обязан сдать меня!

Но Ганс (как выяснилось, это был сын хозяев) не только не сдал Николая, но довел его до Вислы, показал брод, через который было легко перейти границу, и пожелал Николаю удачи.

Что было причиной такого благосклонного отношения к Николаю большинства немцев, встретившихся на его пути: то ли присущее простым людям всего мира милосердие, сочувствие к человеку, попавшему в беду, то ли тот факт, что к этому времени между Германией и большевистской Россией был заключен сепаратный мир и Николай уже не являл-

ся неприятельским солдатом? Однако германское правительство не спешило возвращать русских военнопленных на родину — дешевая рабочая сила была очень нужна Германии для восстановления разрушенной войной экономики. Лишь в 1922 году были освобождены последние русские пленные.

Долгие полгода добирался Николай, забытый часто сменяемыми правительствами своей страны, до родного Урала. На его пути рушились империи, возникали новые страны, разгорались революции и гражданские междоусобицы, заключались мирные соглашения между воюющими сторонами. Мир изменился до неузнаваемости. А он все шел и шел на восток, навстречу восходящему солнцу.

* * *

Валентина задумчиво посмотрела на чернеющий за полями лес. Не там ли дед Николай скрывался от своих преследователей в первую ночь после побега?

Вдруг ее осенила мысль, смутно зревшая в ее голове до сих пор. Она даже вскрикнула от озарившей ее догадки:

— Дед, а ведь это ты вчера выдернул меня из злополучного автобуса! Зачем?! Ах, да, я понимаю зачем. Для того чтобы я хоть на несколько дней побыла в твоём положении несчастного пленника, почувствовала всю горечь отчаяния от несправедливости судьбы, всю тяжесть унижения и бесправия, какие испытал ты. Ведь я дважды ехала через Эссен — по пути в Амстердам и обратно — и даже не вспомнила о тебе! Не вспомнила о том, как долго

ты страдал здесь, вдали от родины и самых близких людей. Не поблагодарила тебя за твой подвиг, за то, что ты стойко перенес все ужасы войны, за то, что благодаря твоему несгибаемому стремлению к свободе, к родной земле появилась позднее на свет твоя дочь, ставшая потом моей мамой, а я тоже родила дочь, твою правнучку, а она потом родит твоих праправнуков. И твоему роду не будет конца! Прости меня, дедуля, за мое беспамятство! Спасибо тебе за то, что ты был, за то, что ты выжил всем смертям назло! Я буду помнить о тебе всегда и накажу помнить моим потомкам!

Валентина не могла сдержать нахлынувшие слезы. То были слезы покаяния, и Валентина чувствовала, как они смывают с души пыль каждодневной суеты.

Ее взгляд снова упал на подснежники.

— Ну, что, снеговорцы? Прорвемся? Прорвемся! — уверенно произнесла она и, смахнув слезы, решительным шагом направилась в сторону центра города. Через три дня прибудет автобус из Москвы и доставит «пленников» в Россию. Нужно найти банк, поменять оставшиеся доллары на марки и купить еды для Вероники и для себя.

2014 г. **ВК**

1 Внимание! Всем покинуть автобус! Автобус задержан! (нем.)

2 Господин (нем.)

3 Мы не можем покинуть автобус (англ.)

4 Эта женщина слепая (нем.)

5 У нас нет денег (англ.)

6 Это ваша проблема (англ.)

7 Выходные дни Нидерландского Общества слепых эсперантистов (эсперанто)

8 Немедленно выходите из автобуса! Автобус будет эвакуирован (англ.)

9 Быстрее! Быстрее! (нем.)

10 Быстрее! Быстрее, русские свиньи! (нем.)

11 Всего хорошего! (нем.)

Фотографии из музея Еманжелинской школы

Хроника еманжелинской Победы

Вот 1930-й год. Делопроизводство поставлено на поток. Впервые с послереволюционных времен выдаются не разрозненные листки, а добротные подшивки документов. И первая же бумага — «Протокол №1 избиркома при Еманжелинском сельском совете от 19 февраля 1930 года». Обсуждали списки избирателей и «лишенцев», то есть тех, кто голосовать права не имеет. Последних только в Еманжелинке и окрестных деревеньках набралось 227 человек! В перечнях указаны причины лишения избирательных прав: имел батраков, эксплуататор (это чаще всего), а также «поповская семья», «служитель культа», «есть сельхозмашины», «закупка и перепродажа хлеба», офицер. Ущемлялись в правах не только сами «виновники», но и их дети. Напротив некоторых фамилий — резолюция: «выселить».

Следующее заседание посвящено уже чистке собственных рядов. Переглядывали список бедняков, вошед-

ших в состав Совета. Было 25 процентов, а требовалось 32. Кандидатуры обсуждали тщательно. Вердикт: батрака В. Свинолупова из числа кандидатов убрать «как присваивающего кулацкое имущество», середняк Кунгин Александр Федорович тоже не годится, причина — «частая выпивка», а Петр Кононов подходит по всем статьям, но его брат-комсомолец состоит в ревкоме, а два начальника из одной семьи — это перебор. В итоге утвердили Устьянцеву Ульяну, Устьянцева Никандра, Ярушину Агнию и середняка Силкина Александра. Судя по количеству исписанных листов, споры заняли не один час. Основательно люди работали!

А гражданское собрание поселка Еманжелинского от 15 марта того же года закончилось сварой. Вопросы-то на повестке дня вроде бы мирные — «зачитка» наказов новому составу сельского Совета и выбор народных заседателей, однако, когда прозвучал наказ закрыть церковь и отдать здание куль-

кто считает, что в архивах скучно, тот там никогда не работал, не прикасался к истории напрямую. Мне повезло несколько раз побывать в хранилищах документов: искала сведения о главах местного самоуправления к юбилею села. Читала протоколы общих собраний граждан, отчеты депутатов и руководителей на сессиях местного Совета... Какие неподдельные страсти кипели! Документальный детектив.

► 14 августа 1931 года. Еткульские, бектышские, батуринские, еманжелинские пионеры в Еткульском бору

► 4 ноября 1939 года, еманжелинские школьницы

◀ Красноармейцы. 1938-1939 гг.

ЧЕЛЯБИНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Юлия Демченко

Директор павленковской библиотеки Еманжелинского сельского поселения Челябинской области. Кандидат педагогических наук. Руководимая ею сельская библиотека — одна из лучших в области. На ее базе учились сельские библиотекари. Курирует и пополняет школьный музей, проводит экскурсии по историческим местам села и района. Автор нескольких очерков в нашем журнале.

турному учреждению, зал взорвался. В протоколе замелькали пометки: «крики» или «выкрики» из зала. Слово попросил Лобашев Василий и сказал, что о культурном учреждении «никто не говорит, а о церкви говорят, ... а сейчас на собрании присутствует большинство от старообрядцев, к церкви не причастных». В общем, изъясняясь канцелярским языком, повестку потребовал изменить, так как собрание нелегитимно. Ему возразил один из организаторов, Казанцев, объяснив, что «вопрос о закрытии церкви решался уже в сторону закрытия, и требуется лишь последний раз подтвердить желание верующих школы». Имеется в виду требование расширить помещения школы за счет церкви. Тут же откликнулся М. Бельков. Его фраза записана дословно: «Верующих в поселке 600 человек, а закрыли (проголосовали за прекращение богослужений) 16 старух». Его поддержал Осип Носков. Вмешалась акти-

вистка Сморчкова. Она укорила женщин, которые не участвовали в мужском споре, и заметила: «Видимо, большинство таких попали под влияние бузотеров собрания Белькова и Носкова». После чего «бузотеров» обвинили в попытке срыва обсуждения, выпроводили из зала и постановили летом начать подготовку к разрушению храма.

Дальше собрание протекало мирно и единогласно решило: коллективные хозяйства укрупнить, поля расширить за счет выкорчевывания лесов, школе к будущему году «закупить волшебный фонарь, диапозитивы и агрономические картинки», здравоохранению «добиться постоянной акушерки при нашем медпункте, а также открытия детской консультации».

Впрочем, 30-е годы надолго спокойную жизнь гарантировать не могли даже в уральской глубинке. Людей звал новый мир, менялись привычные устои. Перед 8 марта товарищ Сморчкова выступила с докладом «Задачи перевыборов Советов и участие женщин». Трудно удержаться от искушения и не привести хотя бы небольшой отрывок из Протокола общего собрания женщин: «Учитывая историческую важность перевыборов сельского Совета все женщины, имеющие избирательные права, должны явиться на перевыборные собрания, на 100%, оправдывая название «Челябинский округ опытно-показательный». Для обеспечения 100-процентной явки женщин сельзбиркому необходимо в каждой двадцатидворке уполномочить одну актив-

▼ Музейная встреча «Ленинградцы, дети мои», на которой прозвучало стихотворение Р. Д. Вдовиной

ную женщину, на которую возложить ответственность за аккуратную, т.е. 100-процентную явку женщин. Провести точный учет детей, принять меры к полному обслуживанию их путем организации отрядов красных нянь из девушек до 18-летнего возраста».

Неизвестно, вдохновил ли доклад всех без исключения жительниц села бороться за звание «опытно-показательного округа», но для развития системы образования и воспитания в Еманжелинке сделано было много. На теперешней улице Чекарева (тогда Береговая и Вокзал) открыли колхозные ясли. Группы были большими, иногда по сорок детей, а следили за ними две-три женщины. В период посевной и уборочной присматривать за малышами оставляли девочек-подростков или старух. Особых занятий не было: воспитанников кормили, умывали, отправляли гулять.

Выросло число учащихся в школе. В 1931-м при ней появляется первый пионерский отряд. До этого, начиная с 1926 года, пионеры объединялись в отряды по месту жительства, а не учебы. В 1934 году школа стала семилетней. Выявился недостаток помещений и наглядных пособий. Проблемы то и дело обсуждались на сходах граждан. Речь заходит о строительстве специального здания для школы силами колхозников. Вроде противников нет.

Однако протоколы конца тридцатых годов написаны гораздо суше. Идет скупое перечисление вопросов и краткие резолюции по ним. Обращается внимание на работу сельпо, социально-бытовые условия жизни колхозников, организацию их досуга, дорожное строительство и т.д.

В начале войны короткое молчание, а с сентября 1941 года бумаги опять разворачиваются серыми убористо исписанными «простынями». Депутаты собираются иногда два-три раза за месяц. Слишком много неотложных вопросов, слишком мало сил: одни уходят на фронт по призыву, другие — добровольцами. К 5 сентября 1941 года в армии уже 8 из 34-х депутатов. Об этом сообщают в начале заседания, а дальше переходят к текущим вопросам. Главное — низкие темпы уборки. Решают привлечь резервы, отправить людей копать и жать вручную. Ситуация не исправляется, и 26 сентября следует новое постановление: «На все вспомогательные работы мобилизовать коров и быков, освободив 70% лошадей для лобогреек и возки зерна государству. Запретить пользоваться лошадьми бригадам, кроме тракторной, поваров, скирдовщиков, копнителеев и комбайнеров. Мобилизовать учащихся 4-7 клас-

▲ 1938 год, 6-е классы Еманжелинской школы

сов на уборку урожая до 5 октября. Закрывать Камышитовый завод, передавать рабочим, лошадей и необходимый инвентарь колхозу «Всходы».

Работы затягиваются до снега. Только 20 ноября А.И. Кожевин, председатель колхоза имени XVII партсъезда, Блоденев (колхоз «Красный колос»), А.В. Дубровин (колхоз имени Буденного), Пивоваров (колхоз «Всходы») отчитываются, что уборка завершена. Однако не на чем возить зерно на элеватор. Выход предлагает директор предприятий. Машины, днем занятые на производстве, ночью отправлять в колхозы и делать не менее двух рейсов к железнодорожной станции. Стоит отметить: водители те же, сменщиков нет.

Тут же, в ноябре, новая проблема. На станцию прибывает поезд с ленинградскими детьми. Работников школы поднимают телефонограммой. Надо встречать эвакуированных, а нет ничего: ни помещений, ни постелей, ни продуктов. Срочно освобождают одно из школьных зданий. Парты даже не вытаскивают, подпиливают у них ножки и делают топчаны, мешки набивают соломой — это матрацы

▲ В. П. Шундеев

и подушки, из домов несут лоскутные одеяла. Колхозы выделяют подводы, и, буквально за день, население Еманжелинки увеличивается на две с лишним сотни измученных и голодных людей.

14 января 1942 года председатель совета Иван Петрович Карпенко докладывает, что в Еманжелинке 83 хозяйства эвакуированных, два детских сада для ленинградских детей, и просит у колхозников помощи в обеспечении этих людей продовольствием. Заведующая детским садом № 32 П.Г. Забарова жалуется на почти полное отсутствие медицинской помощи. Недавно в ее группе умер ребенок, потому что фельдшер Бобылева пришла к больному спустя два дня после вызова. Она и директор школы В.В. Лимова недовольны тем, что на продуктовые карточки выдается мука, а не хлеб, ведь в их учреждениях нет ни пекарей, ни специальных печей, а сельпо постоянно допускает обвесы.

Положение отчаянное, но заседание совета проходит не зря. На работу принимаются фельдшеры из числа эвакуированных, председатели колхозов Дубровин и Ярушин обязуются снабжать детские сады и школу дровами, а также выпекать для них хлеб в своих пекарнях, учителей закрепляют за чайной, где хотя бы раз в день можно получить горячий обед и даже унести его домой, для старших подростков открываются курсы по подготовке к армии.

Несмотря на трудности, школа действует. Среди выпускников 44-45-го годов уже есть ленинградцы. В школьном музее хранятся воспоминания В.П. Шундеева. Уже после войны он написал об учениках из интерната: «Помню их и сейчас такими, какими они были тогда. Вот Рожков Юра, тайком от учителя читающий «Дети капитана Гранта» в то время, как мы всем классом тянем по слогам «ма-ма мы-ла ра-му». Вот Рая Вдовина, каждую свободную минуту рисующая лошадей, которые у нее всегда были превосходны, где бы они ни были нарисованы. Не забыть

▼ Старая школа в Еманжелинке. Начало 50-х гг.

и Эдика Гукасыяна с его бесконечными вопросами «а почему», «а для чего», и Лизу Городинскую с ее частыми огорчениями из-за помарок в тетради, и маленького непоседу-школьника Поцелуева Алика».

Весной 45-го года многие ленинградцы возвращаются в родной город, а для школы начинается новый, послевоенный период жизни.

Хотя это потом. Если следовать хронологии, нужно снова обратиться к бумагам военных лет. В 1943 году начинается массовый падеж скота. Свиристуют чесотка и ящер. Председатели колхозов жалуются на ветфельдшера Прохорова, который или не выезжает на пастбища, или проводит осмотр животных спустя рукава. Исполком сельского Совета тут же принимает суровое решение: «Работу ветфельдшера Прохорова считать вредительством, так как она направлена на заболевание скота, и передать дело на Прохорова в органы НКВД, а также исполком просит произвести обыск, а самого посадить, так как его работа вредительская, контрреволюционная».

То ли Прохоров действительно «вредил», то есть работал спустя рукава, то ли с холодами эпидемия прошла сама собой, но жалобы на плохое состояние овец и коров прекратились, и к 1945 году колхозы справлялись с планами по молоку и мясу.

К концу войны протоколы застрели почти одинаковыми заявлениями: семья погибшего красноармейца просит оказать помощь, многодет-

ная мать обращается за поддержкой, инвалиду по ранению требуются дрова на зиму — и так страница за страницей. И выделяли... Что могли. Кому дрова, кому лошадь вспахать огород; если очень повезет, немного зерна. И тут же распространяли подписку: был твердый план, сколько рублей собрать с колхозников, сколько с МТС, не освобождались от денежной повинности даже старики и домохозяйки. Люди не роптали: верили, что каждая отданная копейка приближает Победу.

Удивительно только, что первые послевоенные документы тоже весьма сухи. Нигде никаких восторгов по поводу долгожданного мира. А, может, и не стоит слишком удивляться... Это в сознании современников 9 мая пролегла резкая граница между войной и миром, а тогда, семьдесят лет назад, некогда было думать о праздничных мероприятиях, нужно было работать, работать и работать, чтобы бои и разруха на самом деле остались только в архивных подшивках.

...Когда уже в 2015-м мы отмечали День снятия блокады Ленинграда, в библиотеку принесли письмо от петербургской поэтессы Раисы Дмитриевны Вдовиной. Помните девочку из воспоминаний В. П. Шундеева, которая любила рисовать лошадок? Она тоже не забыла своего первого учителя. Правда, прочитать письмо он уже не смог, но оно прозвучало для детей и внуков его учеников, потомков еман-

желинцев и ленинградцев, собравшихся в актовом зале школы.

Первому учителю моему — Владимиру Петровичу Шундееву.

*Владимир Петрович Шундеев,
Вы помните ль нас, грамотеев,
И наши из фетра пимы
В разгаре уральской зимы.*

*Была мне тогда непривычна
«Отлична», а Родина — мать!
И вдруг Вы оценку «отлично»
В мою написали тетрадь.*

*Отлично по чистописанию,
По чтению и рисованию,
По пению и по письму —
По Вашему и моему.*

*И с этой «отлично» отметкой,
Как с именем Коркино, Еткуль,
Спозналась я в те времена,
Пока продолжалась война...*

*Простите, я Вам не писала,
Когда возвратилась с Урала,
Быть может, Вы ждали письма.
Вы были учитель отличный,*

*Классический, сельский, титичный,
Собой симпатичный весьма.
Ужели урок Ваш насмарку?!
Найду я красивую марку*

*И почерком давних времен,
И перышком с легким нажимом,
Классическим и нерушимым
Пошлю Вам привет и поклон. **УС***

Иллюстрации из семейного архива А. К. Матвеева

Свой человек в «Следопыте»

У книги «Не просто прожитая жизнь», недавно вышедшей в издательстве Уральского университета, есть подзаголовок: «Биография А. К. Матвеева в документах и воспоминаниях». Жанровое уточнение определяет главное в этом объемном, на 640 страниц издании о выдающемся русском лингвисте, члене-корреспонденте Российской академии наук — невыдуманность сюжетов.

«Свой» Матвеев

Каждый из шести десятков авторов сделал попытку выйти — пусть хотя бы и фрагментарно, штрих-пунктиром — на совместно с Александром Константиновичем пережитое (прочувствованное, продуманное и т. д.). Не столько отдать дань памяти и выразить уважение (хотя, ясное дело, без этого и быть не могло), сколько реконструировать портрет «своего Матвеева», воссоздав «штучный» образ человека.

Оттого более десяти тематических главок с обобщенными названиями «Кафедра», «Экспедиция», «Библиотека» и т. д. — только лишь

направления случившейся нарезки материала: потому как и лекции/семинары профессора на кафедре общего языкознания Уральского университета, которую он создал и долгие годы возглавлял; и деятельность основанной и до самой его кончины в октябре 2010 года руководимой им Топонимической экспедиции УрГУ; и многое другое из будней и праздников доктора филологических наук Матвеева легко могли бы найти свое место и в других разделах — в той же «Биографии», в «Науке», в «Увлечениях» и т. д. (Оно и впрямь так обстояло: занятия лингвистикой были для

Евгений Зашихин

Филолог, доцент УрФУ и ТюмГУ, литературный редактор. Работал в журнале «Урал», в издательствах: Средне-Уральском, «Со-крат», «У-фактория». Сейчас трудится в издательстве Уральского университета.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

А.К. работой, главным увлечением и еще наукой, чтобы в итоге пред-
стать биографией).

Составитель — Т.В. Матвеева — структурируя тексты разнообразного авторства (включая и наиболее заметного в книге — самого А.К.), сумела добиться целокупности материала. В нем неразрывны как воспоминания и мемуаристика, стихотворные поздравления и экспедиционный «фольклор» о нем, так и его собственные тексты: вузовские лекции и научные доклады, оппонентские отзывы и полевые дневники, деловая переписка и служебные рецензии, те же матвеевские стихи и проза, обнародованные впервые. Именно все то, чем каждодневно занимался А.К. и чем он будет по-настоящему интересен даже тем, кто, как говорится, не имел счастья... Но теперь стоит только открыть книгу.

АКМеист из Свердловска

Назову пару-тройку моментов многогранной жизни АКМ (так в своем кругу — для краткости, но с явным намеком на грозное изделие российской оборонки — называли его студенты и коллеги-преподаватели).

Начну с бесчисленных километров, что за десятилетия исследований географических названий и местных диалектных говоров ученый прошел по просторам Русского Севера, Восточной и Западной Сибири, Урала.

Матвеев и сформировался-то в качестве авторитетного лингвиста именно в этих походах. К тому же по-

сле каждой из топонимических экспедиций оставались те сотни и тысячи карточек, что давали возможность интерпретации топонимов как памятников истории и культуры населявших и населяющих нашу страну народов, уточняя карту былого расселения племен.

Случались поистине фантастические находки. Так, в июне 1963-го у подножия Саян филологами из УрГУ была обнаружена единственная из еще помнивших родной язык представительница народности камасинцев. А.К. Матвеев тогда откликнулся на эту удачу заметкой «Последняя из калмажей» в «Уральском следопыте» (1964, № 1). Затем были очередные экспедиции к камасинцам — и новые публикации (А. Матвеев. Снова в стране калмажей. УС. 1966. № 5).

В личной библиотеке ученого особое место занимало лирическое наследие Николая Гумилева, того, кто дал имя Музе дальних странствий, поэта, расстрелянного большевиками в 1921-м и долгие десятилетия не издававшегося. Александр Константинович не только высоко ценил гумилевские стихи за их жизнеутверждающий пафос («Как в этом мире дышится легко...»), но и, зная многие наизусть, часто читал их вслух — в частности, в экспедициях, у соединяющих участников походов вечерних костров.

И здесь в глаза бросаются странные совпадения. Во-первых, Гумилев, как и его тогдашнее окружение (Гордецкий, Мандельштам, Ахматова

и т.д.), звались акмеистами, от древнегреческого акмэ — острое копьё или высшая точка чьего-либо развития. Надо ли особо оговаривать созвучие нашего уважительного АКМ с акмэ? Все случайности не случайны...

С широким адресом

Составитель издания особо оговаривает «личную предрасположенность, особую жилку» Александра Константиновича к популяризации. Его перу принадлежат нескольких топонимических словарей, адресованных широкому читателю, сборники научно-популярных статей о собственных именах и давно уже ставшая библиографической редкостью сувенирная книжка-миниатюра «Семь названий на карте Урала» (1979).

Александр Константинович нередко обращался к широкой аудитории и при помощи СМИ, как печатных, так и эфирных, в частности, во время подготовки комплексной программы «Духовная культура Урала» — он был одним из ее разработчиков. Плодотворно и постоянно сотрудничал и с нашим журналом.

«На застекленной книжной полке стоит подсвечник из орской яшмы, — читаем в книге. — К одной из его полированных граней прикреплен эмалевый значок: маленький широко шагающий человечек в красной куртке с капюшоном и с ледорубом в руке. Это следопыт, символ журнала, а подсвечник — память о премии «Уральского следопыта», присуж-

даемой журналом за лучшие публикации года.

С сотрудниками следопытского журнала его сближали краеведческие интересы, активность жизненной позиции, заинтересованность в читателе. А. К. любил приходить в «Следопыт», его привлекала мощная энергетика этого коллектива, споры-разговоры в редакции, он дружил с главным редактором Станиславом Федоровичем Мешавкиным и Анаголием Петровичем Поляковым, возглавлявшим отдел краеведения, с пиететом относился к Юрию Михайловичу Курочкину, знатоку Урала, члену редакционной коллегии, зачинателю литературного краеведения в регионе. В «Следопыте» А. К. учился искусству популяризации. Почти двадцать лет дружбы и общих просветительских дел — это много, это очень ценно».

За эти годы АКМ не только опубликовал в журнале около трех с половиной десятков статей, но и получил для себя более чем полумиллионную (а именно таким был тираж «УС» в последние советские годы) читательскую аудиторию.

«Александр Константинович Матвеев, педагог и ученый, — еще листаю книгу, — привнес на страницы журнала «Уральский следопыт» научную скрупулезность и основательность, а журнал, в свою очередь, научил его разговаривать с читателем на общедоступном языке. <...>

Не будет преувеличением сказать, что практически все книги А. К. Матвеева — «Неройки караулят Урал», «Вверх по реке забвения», топонимические словари, ставшие настольными для ученых и краеведов, начинались на страницах «Уральского следопыта» в виде заметок, очер-

ков и статей. <...> Особенно много материалов публиковалось в 70-е годы, в частности, словарь «Географические названия Урала» прошел полную апробацию в «Уральском следопыте». Научная публицистика А. К. Матвеева приглашала читателей в увлекательное путешествие по «странам» ономастики и топонимии и для многих, может быть, стала окном в науку, в профессию, в увлечение.

Пребывая всегда желанным автором «Следопыта», Александр Константинович был в то же время и научным рецензентом журнала. Его оценке доверяли, к его мнению прислушивались — и авторы, и редакторы. Легким прикосновением пера или советом он мог придать статье

научную достоверность, исправить ошибку, а иной раз и подсказать автору тему, нужный журналу ее акцент».

Приведу для примера отзыв о статье С. В. Попова «Капризы арктической топонимики».

«Статья содержит интересные факты, написана живо и доступно, в целом стилистически грамотно. Для популярного журнала подходит.

Несколько замечаний.

Надо уточнить, как некогда называлось Карское море — Нярзамским или Нярземским (стр. 3) Ср. «к Нярземскому морю» (Открытие русских землепроходцев и полярных мореходов XVIII века. География 1951. С. 77, 552).

Вместо харе «торос» (С. 3) лучше писать харэ. А вообще надо иметь в виду, что эта этимология очень хороша для названия Карского моря (ср. ненецкое Харэ `ям` «Карское море»), но странна для названия реки (река «Торос»?). Осторожнее было бы ее пока снять.

Автор не указывает, к какому языку восходит наименование Aike сар (стр. 3), которое было переведено на английский. Поэтому надо или уточнить или сразу начинать объяснение с английского Aike сар «Гагарий остров».

Плохо звучит «передали в английском звучании Аук» (С. 4). Здесь речь идет о побуквенной передаче английского слова (транслитерации).

На с. 5 есть стилистические погрешности («характер его названий» и т. п.).

Свердловск, 15.03.1975 Рецензент А. К. Матвеев». ❏

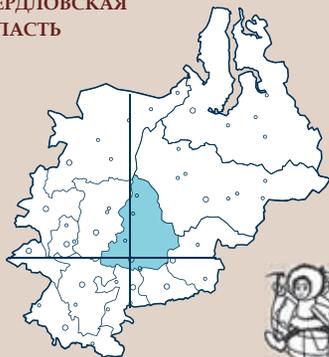
Группа участников экспедиции в Северный Ледовитый океан на ледоколах «Таймыр» и «Вайгач». Снимок сделан в 1913 году в Петропавловске-на-Камчатке. В. Г. Мизин во втором ряду первый справа.

Ольга Макарова

Младший научный сотрудник Свердловского областного краеведческого музея, хранитель фондов в Сысертском краеведческом музее. Член Сысертского окружного историко-краеведческого общества им. Турчанинова. Печатает статьи в местной и областной прессе.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Уралец с ледокола «Вайгач»

Сто лет назад, 3 сентября (16-го по новому стилю) 1915 года, русские ледоколы «Таймыр» и «Вайгач», впервые в мире совершив сквозной проход через Ледовитый океан, прибыли в Архангельск. В составе 66 членов экспедиции был и наш земляк-уралец Павел Александрович Ключов.

Новый этап в исследовании и транспортном освоении Северного Ледовитого океана связан с именем знаменитого русского мореплавателя вице-адмирала С. О. Макарова. По его идее и чертежам в 1899 году в Англии был построен первый в мире мощный ледокол «Ермак», который предполагалось использовать для регулярного со-

общения с Обью и Енисеем через Карское море, а также для научных исследований океана до самых высоких широт.

Поражение русской эскадры в Цусимском бою выявило огромное значение для России Северного морского пути, о чем не раз говорили передовые люди отечественного флота. Еще в январе 1897-го в памятной записке управляющему Морским ведомством Тыртову адмирал Макаров указывал, что постоянное содержание большого ледокола в водах Северного Ледовитого океана «может иметь и стратегическое значение, дав возможность нам при нужде передвинуть флот в Тихий океан, кратчайшим путем».

Комиссия, созданная в 1906 году, отметила, что плавание вдоль северных берегов Сибири осуществимо, но предварительно необходимо сделать описание берегов и гидрографические работы на трассе, составить карты и лоции. Для этой цели в Петрограде построили два ледокольных транспорта — «Таймыр» и «Вайгач» — водоизмещением 1,5 т каждый.

Корабли были спущены на воду в 1909 году и зачислены в состав русского военного флота. Экипажи укомплектовали военными моряками, в большинстве своем добровольцами, имевшими многолетний опыт службы. Командир и четыре офицера каждого судна должны были вести и научные наблюдения, то есть имели гидрографическую подготовку. Врачи выполняли обязанности и биологов-натуралистов. Возглавил экспедицию видный гидрограф генерал-майор И. С. Сергеев. В октябре 1909 года корабли вышли в поход и в июле следующего года прибыли во Владивосток. Сразу же начались исследовательские работы. Базой экспедиции, ор-

ганизованной Главным гидрографическим управлением морского министерства, был избран Владивосток.

С 17 августа 1910 года по 12 ноября 1913-го экспедиция производила съемку берегов и островов в Северном Ледовитом океане, ежегодно возвращаясь на свою базу.

В 1913-м перед экспедицией была поставлена задача продолжить гидрографическую опись до Таймырского полуострова и при благоприятных условиях совершить сквозное плавание по Северному морскому пути до нынешнего Мурманска. С выходом в навигацию 1913 года в море тяжело заболел начальник экспедиции И. С. Сергеев. После его отправки на транспорте во Владивосток исполняющим обязанности начальника экспедиции был назначен командир «Таймыра» Б. А. Вилькицкий. Под его командованием корабли довольно свободно достигли мыса Челюскина. Но мыс оказал-

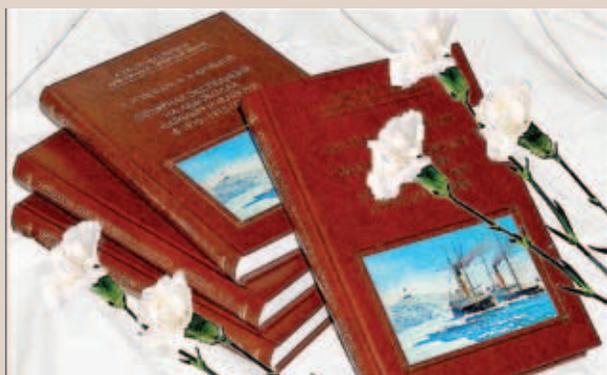
▲ Экспедиция 1910-1915 гг. на ледоколах «Таймыр» и «Вайгач». Фото из архива Н. И. Евгенова

ся блокированным тяжелыми неизломанными льдами. Обходя плотные льды, экспедиция повернула на север.

При исследовании арктических вод на пароходах «Таймыр» и «Вайгач» было обнаружено несколько небольших островов и совершено последнее на планете крупное географическое открытие. Ранним утром 21 августа (3 сентября) 1913 года на 78°24' северной широты, 106°22' восточной долготы вахтенные офицеры двух судов почти одновременно внесли в судовые журналы одинаковую запись: «По носу на горизонте виднеется земля». Ледоколы, сколько позволял лед, прошли вдоль ее берега и нанесли на карту видимую часть земли.

22 августа (4 сентября) того же года на мысе Берга (80° с.ш.) был за-

▼ Книга «Полярная экспедиция на ледоколах «Таймыр» и «Вайгач» в 1910–1915 гг.»

▼ Поднятие российского флага на открытых территориях экспедиции. 1913 год

▲ Группа моряков на борту корабля «Пересвет», во втором ряду второй слева Ключов П.А.

читан приказ начальника экспедиции об открытии новых земель и присоединении их к России и под оружейные залпы на берегу был поднят русский флаг. В приказе начальника экспедиции капитана II ранга Бориса Андреевича Вилькицкого (№ 25 от 22.08.1913 г.) об этом говорится: «При исполнении приказа начальника Главного гидрографического управления пройти (после работ) на запад в поисках Великого Северного пути из Тихого океана в Атлантический нам удалось достигнуть мест, где еще не бывал человек, и открыть земли, о которых никто не думал. Мы установили, что вода на север от мыса Челюскина не широкий океан, как это считали раньше, а узкий пролив. Это открытие само по себе имеет большое научное значение, оно объяснит многое в распределении льдов океана и даст новое направление поискам великого пути».

Об этом событии Вилькицкий телеграфировал в Петербург. По прибытии в столицу по его же предложению открытой земле было дано официальное наименование — Земля Императора Николая II. А острова получили названия: остров Цесаревича Алек-

сея и остров Старокадомского. Название открытой земле было дано не случайно: в 1913 году отмечался 300-летний юбилей династии Романовых. (В январе 1926 года советское правительство Постановлением ВЦИК переименовало остров Земля Николая II в остров Северная Земля, а остров Цесаревича Алексея — в остров Малый Таймыр.)

Исчерпав все возможности пробыть через лед в Карское море, суда повернули на восток и, после захода на Аляску для заправки топливом, возвратились во Владивосток.

24 июня 1914 года корабли вышли в навигацию по Северному морскому пути с целью пробиться к Архангельску. 5 сентября корабли затерло льдами, и они зимовали во льдах, в районе мыса Челюскина до 26 июля 1915 года. Запас провизии не был рассчитан на зимовку, и часть людей отправилась по льдам на поиски поселений на побережье. Несколько человек погибло от недостатка провизии и заболел цингой. Добравшиеся до с. Гольчихи там и зимовали. Когда тронулись льды, корабли вырвались из плена и забрали с берега людей. А 3 сентября прибыли в Архангельск.

Участник экспедиции, наш земляк Павел Александрович Ключов служил на ледоколе «Вайгач». Родился он в Сысерти в 1890 году. Жил на ул. Тимирязева в доме № 35 (старое название улицы Зимовка). Был призван на военную службу и служил моряком на эскадренном броненосце «Пересвет». К слову сказать, на броненосце с 1900-го по 1904-й год (до гибели корабля) служили и три брата Черкасовы: Анатолий, Василий и Петр — праправнуки владельца Сысертского горнозаводского округа Алексея Федоровича Турчанинова. (С 9 июля 1917 года

◀ Ледокол «Вайгач»

по 15 июля 1918-го капитан 1-го ранга Василий Нилович Черкасов занимал должность помощника начальника по технической части оперативного главкомандующего г. Архангельска и Беломорского водного района (после октября 1917 г. — РККФ), а в 1920–1923 годах — руководил морскими путями сообщения на Белом море и в Северном Ледовитом океане.)

А Павел Ключов с 1908 года служил на Дальнем Востоке. В 1909-м добровольцем записан на ледокол «Вайгач». В 1918 году Павел Александрович совершенно больным вернулся со службы в Сысерть, затем переехал жить в Свердловск (Екатеринбург), где и скончался в 1925 году.

По данным сысертского краеведа В. М. Колегова, в экспедиции ледоколов участвовали еще два жителя Сысерти — Митрофанов и Колегов, но о них пока, к сожалению, никаких данных нет. Кстати, в списке матросов «Таймыра» действительно числится Колегов без указания инициалов. Участвовал в экспедиции и будущий Народный артист СССР В. Н. Ратомский (Лаптев). В 1934–1937 годах он был актером Свердловского театра.

▲ Ключов Павел Александрович

▼ Ледоколы «Таймыр» и «Вайгач», участвующие в гидрографической экспедиции в 1910–1914 гг.

▲ Почетный знак экспедиции 1913–1915 гг. на ледоколах «Таймыр» и «Вайгач»

Русская гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана 1910–1915 годов на ледокольных пароходах «Таймыр» и «Вайгач» была плодотворной по результатам. Базируясь во Владивостоке, она за три года выполнила детальную гидрографическую опись от мыса Дежнева до устья Лены и поставила на побережье навигационные знаки. Описала северное побережье Восточной Сибири и многих островов, собрала большое количество данных о течениях, ледовой обстановке, климате и магнитных явлениях.

Результаты экспедиции произвели сенсацию. На карте мира появилось множество новых русских топонимов: кроме уже названных, острова Генерала Вилькицкого, Новопащенко, Дежнева, мысы Жохова, Новопащенко, Неупокоева, Воллосовича, Анучина, Арнгольда, Визе, Давыдова, Евгенова, залив Юргенса, бухта Марии Прончищевой.

Приказом по Морскому ведомству № 510 от 22 ноября 1915 года был утвержден Почетный знак «В ознаменование плавания и трудов Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана по исследованию Великого Северного пути. 1913–1915 гг.». Знак был вручен всем участникам плавания, а также морскому министру адмиралу И. К. Григоровичу, помощнику морского министра вице-адмиралу П. Н. Муравьеву, начальнику Главного гидрографического управления генерал-лейтенанту М. Е. Жданко, первому начальнику экспедиции генерал-майору И. С. Сергееву, а также бывшим

▲ Ключов П.А. в форме моряка корабля «Пересвет». Петроград, 1909 год

▲ Могила В. Н. Ратомского на Введенском кладбище Москвы

командирам «Таймыра» и «Вайгача» капитанам 1 ранга А. В. Колчаку и Ф. А. Матиссену. За казенный счет знаки были изготовлены только для нижних чинов. Все классные чины заказывали их на свои средства. Весь личный состав был награжден орденами и медалями. Б. А. Вилькицкий удостоился Большой Золотой медали Русского Географического общества.

«В мирное время, — писал выдающийся исследователь Севера Руаль Амундсен, — эта экспедиция возбудила бы восхищение всего цивилизованного мира». Но, к сожалению, она закончилась в самый разгар Первой мировой войны. Судьбы многих участников

плавания сложились драматически — некоторые из них участвовали в Белом движении, а затем оказались в русском зарубежье...

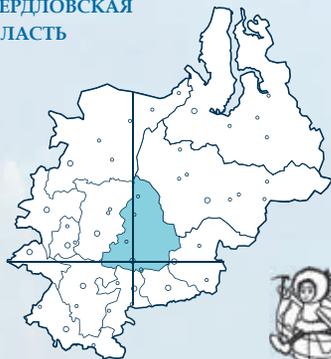
В 2013 году по инициативе и при финансовой поддержке Региональной общественной организации «Полярный конвой» издательство «ГеоГраф» подготовило и выпустило в свет книгу о Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана (ГЭСЛО) — «Полярная экспедиция на ледоколах «Таймыр» и «Вайгач» в 1910–1915 годах». Издание было приурочено к 100-летию открытия этой экспедицией Земли Императора Николая II (ныне — архипелаг Северная Земля). VG

▼ В последние дни весны прошел традиционный фестиваль «Майский экстрим». Начался спортивный праздник в субботу, 30 мая, со старта парусной регаты. На городском пруду состязалось 11 яхт класса «Микро» — первый этап открытого Первенства городов Урала и Сибири. Гоночный день завершился vip-заплывом. Яхта «Бандерилья» детской парусной флотилии «Флагман» приняла на свой борт главу Екатеринбурга Александра Якоба. Город купался в солнце, едва оправившись от месяца непрерывных дождей! Так начался праздник «Майский экстрим», посвященный в этом году 80-летию выхода первого номера журнала «Уральский следопыт». На прощанье глава города поблагодарил организаторов молодежно-патриотического праздника.

Город в экстриме

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Михаил Горюнов

Председатель Свердловского отделения
Русского географического общества.

Антон Селезнев

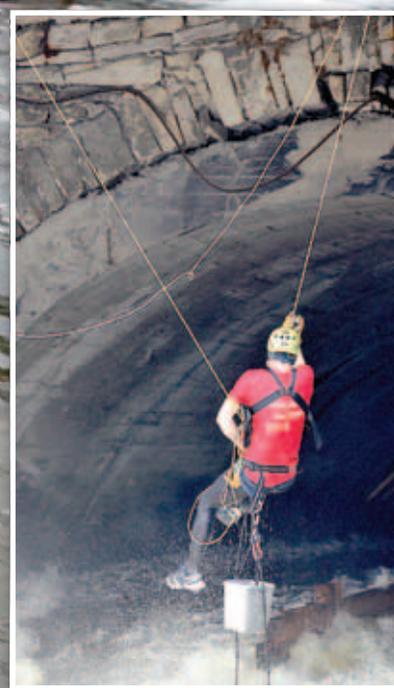
Старший научный сотрудник Коуровской
астрономической обсерватории Уральского
федерального университета. Член Астро-
номического общества, член Европейского
Астрономического общества.

Автор портрета Константин Миронов.

Евгения Фирсова

Студентка Уральского федерального
университета.

▼ Воскресный день 31 мая начался со старта «Майской велопрогулки», который впервые состоялся с площадки «Майского экстрима» — с Плотинки, от памятника основателям Екатеринбурга Татищеву и де Геннину. Первые солнечные выходные вывели тысячи велосипедистов на главную улицу города, для чего было перекрыто движение автотранспорта по пути до выезда в парковую зону. Не все справились с дистанцией 30 километров по бездорожью, которое сменило привычный городской асфальт. Жара, недостаточная физическая подготовка участников, слабое развитие велосипедной и туристической инфраструктуры возле города... Почти десять тысяч велосипедистов получили вместе с картой велопрогулки июньский номер журнала «Уральский следопыт». Еще журнал сопровождался картой месторождений минералов, до которых можно добраться из Екатеринбурга за один день, и одним из образцов.

▲ Майские дожди, предшествовавшие «Майскому экстриму», до краев налили Исеть, поэтому водный праздник на Плотинке удался на славу! Каякеры устроили гонки, стартуя с пешеходного моста. Один из этапов спелеотрассы требовал пронести, не расплескав, ведро воды, почерпнутой тут же, из потока. Катамаранщики показали зрителям умение переворачивать судно и дружным экипажем возвращаться в исходное положение. Городские службы усилили праздник, включив фонтаны во время состязаний! А еще были выступления воздушных гимнастов на полотнах, кольце и пилоне; силовые единоборства привлекали любителей масс-рестлинга, гиревого спорта, армрестлинга. Среди камней Геологической аллеи выступили райдеры велотриала. И еще бесконечные танцы разных направлений: Кенго Джамп, Zumba, Аргентинское танго, Сальса-руэда, БугалУ, выступления воинских оружейных искусств самураев: кендо, иайдо, дзёдо и нагината. Даже байкеры показали свое мастерство в управлении мотоциклом. «Майский экстрим» собрал тысячи участников и гостей Екатеринбурга в молодом задоре!

Отделение Русского географического общества
в Ямало-Ненецком автономном округе представляет:

На стойбище Аграфены Сопочиной

Начало пути

История, которая продолжается до сегодняшнего дня, началась в августе 2013 года, когда мы с Игорем Шароватовым собирали экспедицию на Обскую губу. В то время, когда оставалось четыре дня до выезда на катере от причала Старый Надым и нужно было спешить, раздался телефонный звонок:

— Здравствуйте, меня зовут Наталья Ивановна Вылла, — раздался женский голос.

— Здравствуйте, — отвечаю.

— Вы не хотите приехать к нам?

— Куда?

— На озеро Нум-то. Слышали про это место?

— Конечно, слышал. С какой целью? Мы в экспедицию через четыре дня собираемся совсем в другую сторону.

— С целью сохранения культуры нашего народа лесные ненцы. Именно Вам обязательно надо приехать, — настойчиво продолжала Наталья Ивановна...

Посоветовались с Игорем, нужно было решать... В результате мы перенесли экспедицию на Обскую губу и через два дня уже ехали на поезде в противоположную сторону, на юг. В Сургуте нас встретили Павел Александрович Вылла и его жена Наталья Ива-

новна. Далее путь лежал в г. Лянтор. «Я познакомлю Вас с одной женщиной, с ней обязательно нужно познакомиться», — загадочно пояснила Наталья Ивановна. (Есть смысл отметить, что в тот момент я слабо представлял дальнейшее развитие событий, поскольку следовали на озеро Нум-то — место, где всегда жили шаманы и люди, хорошо знающие древнюю культуру предков... Мы четко понимали, что летом туда можно попасть только на вертолете, но данный вид транспорта у наших новых знакомых не предполагался в плане. Не выходила из головы фраза из телефонного разговора «... именно Вам обязательно надо приехать...») В Лянторе мы познакомились с Аграфеной Семеновной Сопочиной, коротко поговорили за обедом у нее, в городской квартире, и опять отправились в путь. «Теперь поедем на стойбище Аграфены Семеновны, — пояснила Наталья Ивановна, — Вам обязательно нужно посетить стойбище народа ханты по обычаю, перед тем как поехать к Нум-то. Вы впервые едете к священному озеру через землю народа ханты, поэтому и путь у нас такой, по древнему обычаю». Павел молча вел автомобиль, а Аграфена Семеновна весь путь нам рассказывала про удачи и трагедии своего народа, про непростые отношения местных жителей с представителе-

ми нефтегазодобывающих компаний, показывала замечательные леса и высохшие сосны с болотными угодьями вдоль автотрассы. Впервые от нее мы узнали о священном хантыйском озере Имлор, которое своими очертаниями напоминает летящую птицу. «Озеро Имлор и озеро Нум-то духовно связаны. На озере Имлор есть остров посередине священный, на Нум-то тоже расположен священный остров — это очень древние места», — рассказывала Наталья Ивановна.

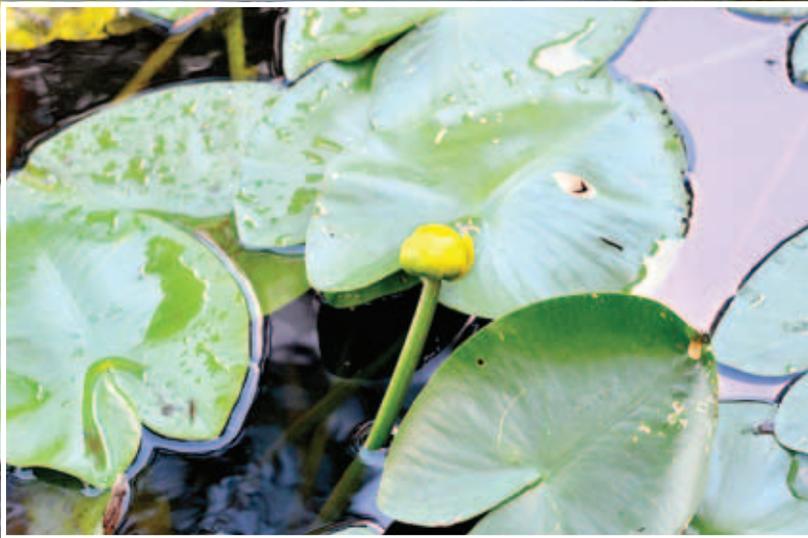
В гостях у Аграфены Семеновны Сопочиной

Мы свернули на грунтовую дорогу и остановились около шлагбаума из жердей. «Вот и начинаются мои угодья», — с гордостью сказала Аграфена Семеновна, и все вместе мы пошли пешком по тропе, далее по деревянному мостику через реку к стойбищу. До сих пор в памяти уютное место: вдоль тропы огромные сосны, прохладный и чистый воздух... в такой атмосфере хочется остановиться и больше никуда не идти. После пребывания в городах и длительных переездов мы оказались в необыкновенной тишине...

Стойбище состоит из нескольких построек, двор необыкновенно чистый, чуть поодаль два лабаза. Мы пошли к реке. «Вот эта речка называется

◀ Озеро среди боров

ся Кедровой, дальше расположено озеро, — начала рассказывать историю этих мест Аграфена Семеновна. — Бор называется сгоревшим, если перевести на русский язык. Здесь в 1952 году был большой пожар. Родители мои, дедушка и бабушка жили на большом озере Малые орлы, а есть еще озеро Большие орлы — совсем огромное. В это время они пасли там оленей, а когда доехали сюда на обласах¹, то уже все сгорело... В начале 20-го века, когда мой дед здесь отсутствовал, купец Кушников послал своих рыбаков осваивать наше озеро... красивое озеро. Пока деда не было, за озеро заступилась двоюродная бабушка Дарья Павловна Комгина. В Сургуте она защиты не нашла и поехала в Тобольск. В ту же осень приехал уполномоченный с бумагой губернатора, в которой было предписано: «Оставить все постройки,

орудия, топоры, стёкла, забрать лошадей, сани и уходить». Так люди Кушникова и ушли. В одном из домов, построенных этими слугами, который

ЯМАЛО-НЕНЕЦКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ

Игорь Кузнецов

Заместитель председателя регионального отделения ВОО «Русское географическое общество» в Ямало-Ненецком автономном округе. Организатор и участник многих экстремальных экспедиций по Крайнему Северу. Совместно с Игорем Шароватовым создал экспедиционную команду «Северный путь», которая уже несколько лет занимается исследованиями труднодоступных мест Ямало-Ненецкого автономного округа. Изучает историю Севера по архивным материалам России и других стран.

облас — деревянная лодка;
каслание — каслать, кочевать, переезжать с места на место;
пимы — обувь из оленьей шкуры (камуса), от слова «пинь» — пешком.

◀ Кубышка на озере

◀ Аграфена Семеновна Сопочина

был в виде креста, я и родилась, в восточной части. В 1952 году все сгорело, и мы остались даже без зимней одежды, хорошо, что олени остались... История нового стойбища началась 1 мая 2001 года. Там, где сейчас бревна лежат, у нас стояла палатка. Сначала навели порядок на участке, убрали горельник. Новый дом у меня шестиугольный, в конструкции которого скомбинированы части трех архитектур: фундамент по-хантыйски сделан, соединения бревен — по-русски, а форма шестиугольника — алтайская. Крыша и потолок держатся на двух столбах внутри избы. Пол уложен прямо на землю, чтобы было теплее. В доме хорошо и комфортно даже при уличной температу-

← Лабаз на стойбище

▲ Река Ляма

сейчас), язык их сохранился в записях, сказках-легендах, которые были собраны в 19-м веке. Было у того народа слово «шопши» (черная смородина). Около этой деревни речка впадает, вдоль которой растет много черной смородины. Вот так в современности дело дошло до шапки. Однажды беру книгу «Город Пыжья», открываю, читаю: «Жила была богиня Пыжьях...». Как это? Какая богиня? По-нашему «пыть» — это силоч для ловли птиц, а «ях» — это таежная речка, по которой можно проехать на обласе. Город стоит именно на такой реке. Нет такой богини, а название хозяйственного происхождения. Бывает же так?!».

Аграфена Семеновна пригласила нас в свой уютный дом, где мы рассказали ей про исследования, связанные с топонимом «Лукоморье», про старинные карты и тексты космографий, про то, что не можем перевести старое название реки «Коссин», которая, предположительно, сейчас носит название «Полуй». Название «Коссин» ведь созвучно с названием «Казым», но расположение рек при сравнении с современными не совпадает. На карте Г. Меркатора 1595 года образ р. Коссин совпадает с р. Полуй на современной карте. «Название «Казым» не знаю, как переводится. Вот Иван Степанович Сопочин — хороший фольклорист — исполнял красивым языком песню Земли, священную песню, — размышляла вслух Аграфена Семеновна, — Богиня Земли решила подняться на Небо к своему мужу и определить судьбы своих детей. Казымская богиня — это старшая дочь, которая покровительствует касланию³. Предки казымских ханты путешествовали: спустились по р. Иртыш, по

ре в минус пятьдесят градусов. Помогали строить стойбище мои племянники, никто сложа руки не сидел. Около реки баню построили и мостик. Чуть в стороне сарай стоит, где техника и горючее хранится. В целях пожарной безопасности специально у реки построили его, и огнетушители есть. Ближе к лесу два лабазы, один из которых я привезла с летнего стойбища отца.

Озеро у нас проточное: в него впадают две речки и одна речка Кедровая выходит. Раньше возле дороги, которая пересекает реку, стоял аншлаг «Ручей». Я с великим трудом заставила его поменять. Говорю: «Как географически написано, так и указывайте. Чего вздумали? Это не ручей, а речка длиной в восемьдесят километров. Какой же это ручей?». На вершине реки Пим тоже написано «ручей», а на карте есть название. Едешь вот так по дороге и надписи мелькают перед глазами: ручей, ручей, ручей... Это неправильно! На картах ведь подписаны названия рек и притоков. Люди потом вот забудут названия речек, а это — история. У нас речка Калинка появилась под Сургутом,

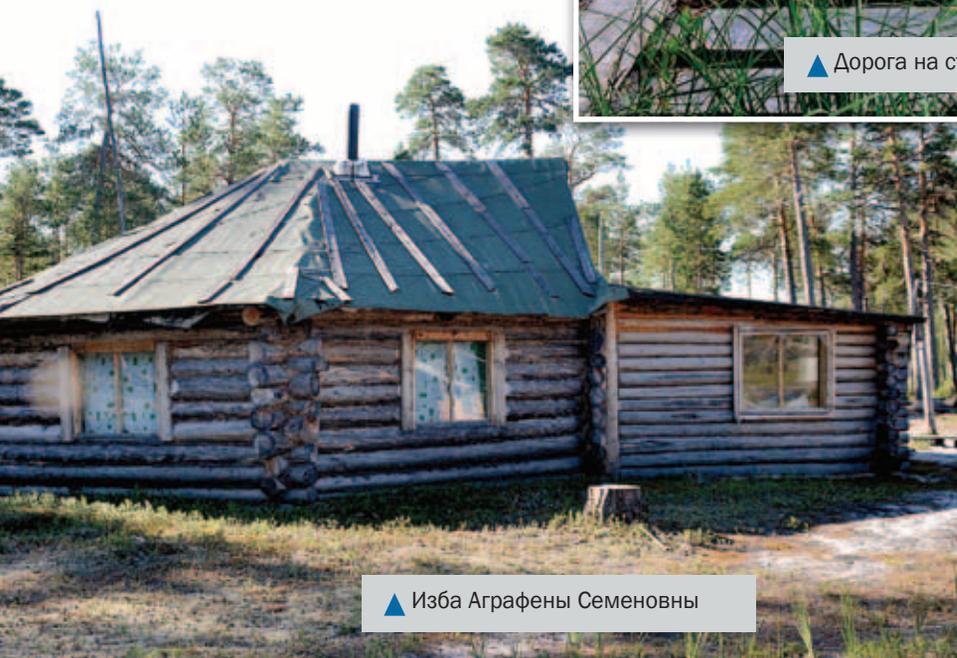
а раньше имела хантыйское название и на картах названа по-хантыйски. Дают новые названия, а исторические забываются и уходят в прошлое. Лет десять назад я сильно смеялась, когда в газете появилась заметка: «Летом летел самолет, и один легчик уронил свой пим², поэтому назвали так речку». Оригинально изложено! С языка народа ханты правильно: «пинь» — пешком (идти). Те люди, которые проживали около этой речки, несмотря на боры с ягелем, имели мало оленей и ходили пешком туда-сюда, поэтому реку и назвали так: Пим (пинь). Река Лямин тоже с неправильной версией — «лямка». На самом деле «ляма» — это крест, к слову прибавился суффикс «ин», получилось слово «лямин». Потом речку начали ласково называть: «Ляма». Если посмотреть на карту, то Ляма разделяется на три части и получается пекрекрестие. Реки не просто так названы. Около Ханты-Мансийска есть деревня Шапша. Говорят, что название появилось от того, что шапку там купец продал. На самом деле название пошло от иртышских ханты (они исчезли

р. Обь и дошли до ее низовьев. Потом они пошли обратно, оставляя по пути людей поселения, завернули на р. Казым. По всей видимости, слово произошло от «каслать», в той стороне были торговые пути. «Касльн» — путешествие, касалание. Русские, когда адаптируют названия, слоги пропускают — не могут произнести. Слоги заменяются созвучными. Название «Коссин», вероятно, произошло от слова «касльн». Кстати, когда я переводила стихи А. С. Пушкина, они очень хорошо ложились на язык ханты. Перевод лился, как река! Я слышала, что Арина Родионовна — няня поэта — с севера. Может, она передала Александру Сергеевичу свой дух и стилистику сказками? Не поверите, я сказку о Царе Салтане перевела за три дня! В нашей культуре есть представления о море, кораблях, пушках... Весь словарный арсенал стихов Пушкина присутствует в нашем языке и представлении. Все это есть в сказках народа ханты, поэтому и переводить было легко, просто: скачут на конях, присутствует серебро, золото, медь, бронза. Много похожего. Перевод — прямо чудо! Сказку о рыбаке и рыбке тоже легко получилось перевести. Это в советское время из издательства меня просили перевести сказки Пушкина. Получилось быстро».

После обеда в сопровождении Аграфены Семеновны мы отправились в путь по родовым угодьям, где огромные сосновые боры, красивое озеро с кубышками, перелетающие с дерева на дерево птицы и очень чистый воздух. «Мы сегодня ближние места посмотрим, а завтра доедем до Лямы. Мусор соберу после «любителей приро-

▲ Дорога на стойбище А. С. Сопочиной

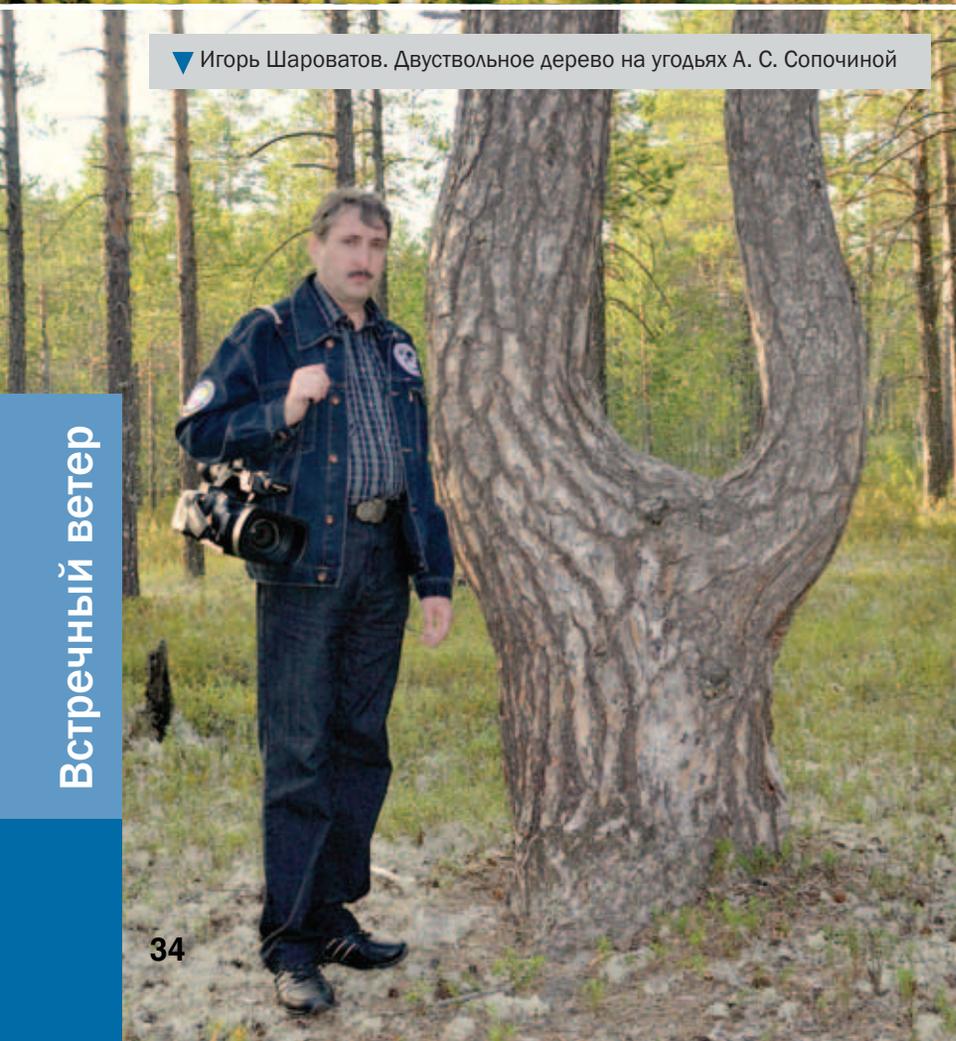

▲ Изба Аграфены Семеновны

ды». «Любителями природы» я называю отдыхающих из города. Они сами так себя называют, говорят: «Мы отдыхаем здесь, потому что природу любим...». После отдыха «любителей природы» я мусор вывожу отсюда на свалку. Натуральные отходы сжечь можно. Пластик и современную упаковку нельзя здесь сжигать, потому что дым образуется химический и весь оседает в природе, попадает в землю, грибы, ягоды», — пояснила женщина. По узкой тропинке мы шли сначала вдоль р. Кедровая, на которой стоит старый деревянный запор для традиционного лова рыбы. Далее тропа уходила по лесистому берегу озера. Спустя время мы вышли на ровную площадку

▲ Сосновый бор. Угодья А. С. Сопочиной

▼ Игорь Шароватов. Двустовльное дерево на угодьях А. С. Сопочиной

в лесу, на которой лежали остатки досок. «Здесь баба Катя Лозьямова жила, ее стойбище, — Аграфена Семеновна показала расположение руками, — здесь изба стояла, которую она сама построила... и олени здесь были...». Подошли к сосне, на которой висело ржавое ведерко, сделанное из большой консервной банки (раньше в таких банках геологи продукты привозили). «Эти банки выкидывали, а мы небольшие ведерки делали, — с улыбкой вспоминала женщина, — в продаже таких не было. Ведерками ребятишки воду носили, помогали взрослым. Я тоже носила, когда маленькая была».

Несмотря на то, что путь был наш долгим и неблизким, шли легко. Свежий воздух и атмосфера спокойствия придавали силы, периодически встречались полуметровые в высоту муравейники, в которых кипела жизнь

Уральский следопыт, июль 2015

но без коры, — кору с них еще моя мама снимала так аккуратно, что березки и сейчас живые, зеленые стоят. Кору нужно уметь собирать, нельзя ножом проводить глубоко до древесины. Нож должен дойти до красного слоя, но не дальше. Если разрез будет до древесины, то дерево погибать начнет».

На следующее утро все вместе мы отправились автомобилем в путь к реке Ляма. Ехали недолго и остановились на дороге, около сопки, рядом с этой рекой. «Лес семи лиственниц — почитаемое место народом ханты. Здесь живут духи, благосклонные к людям. Восточные ханты не поклоняются духам (запрещено), но к этому месту особое отношение из-за того, что духи благосклонно относятся к людям. Дом у духов находится среди лиственниц, притянутых вершинами между собой», — рассказала Аграфена Семеновна про лес на соп-

ках, после чего мы отправились пешком к реке Ляма. Название священного места «Семь лиственниц» одинаково с городом Лабытнанги (в переводе: семь лиственниц), который тоже находится на священном месте, только очень далеко отсюда: в устье Оби, за Полярным кругом.

На мосту проносились большим потоком машины, мы смотрели молча на тихое, уходящее вдаль течение Лямы. Когда-то здесь было тихо и происходила совершенно другая жизнь. Исток этой реки — на увалах Нум-то (часть Сибирских увалов), название которых связано с озером Нум-то. Существовало то, что на огромной территории мест проживания народов Севера все взаимосвязано и нет случайных названий. Наше путешествие только начиналось... Мы расстались с Аграфеной Семеновной и отправились дальше в путь, к озеру Нум-то. **УС**

▼ Остатки избы стойбища бабы Кати

тысяч насекомых-трупяг. Ветра совсем не было, будто мы находились за невидимыми стенами. Впереди остатки еще одного стойбища: остатки изгороди для оленей, рядом бревнышки для дымокура, обломки нартов, половина сруба с завалившейся крышей — остатки стойбища бабы Кати, которая все умела в жизни: дома строила, за оленями следила, на охоту ходила, рыбачила, детей растила. Аграфена Семеновна показала рукой на берег с невысокими кустами: «Озеро среди боров» — так переводится на русский язык. Мой отец рассказывал, что во времена его детства озеро было больше. Вот здесь видна заросшая местность, колышется сверху, а внизу вода... дальше местность — заболоченная вдоль берега».

«Обратите внимание на деревья, — Аграфена Семеновна показала на высокие березы, стволы которых частич-

▲ Традиционные приспособления народа ханты для ловли рыбы

Где кончаются Уральские горы

Урал-батюшка своими каменными хребтами протянулся поперек Евразии, разделяя или, может быть, соединяя Европу и Азию. Северный конец Урала омывается холодными водами Северного Ледовитого океана. А южные уральские края овеваются знойным воздухом прикаспийских пустынь.

Длина Уральского хребта — около 2500 километров. Он проходит через несколько географических зон с разными ландшафтными условиями, широтной зональностью и высотной поясностью. История районирования Урала на области, регионы насчитывает более двух веков. Названия уральских районов утвердились к концу XX века. Среди них для дальнейшего обсуждения интересны:

— Южный Урал. Это название сформировалось в трудах академических экспедиций по России во второй половине XVIII века;

— Мугоджары. Термин вошел в русский оборот во второй половине XVIII века, хотя в арабской литературе он использовался и ранее.

Хотя перечень названий уральских районов стабилизировался, но границы этих районов до сих пор определяются разными авторами по-разному. Вот и в последние годы предпринята, думается, не совсем корректная попытка провести некоторую ревизию схемы районирования Уральского хребта.

В 2010 г. Оренбургский институт степи Уральского отделения Российской академии наук по иссле-

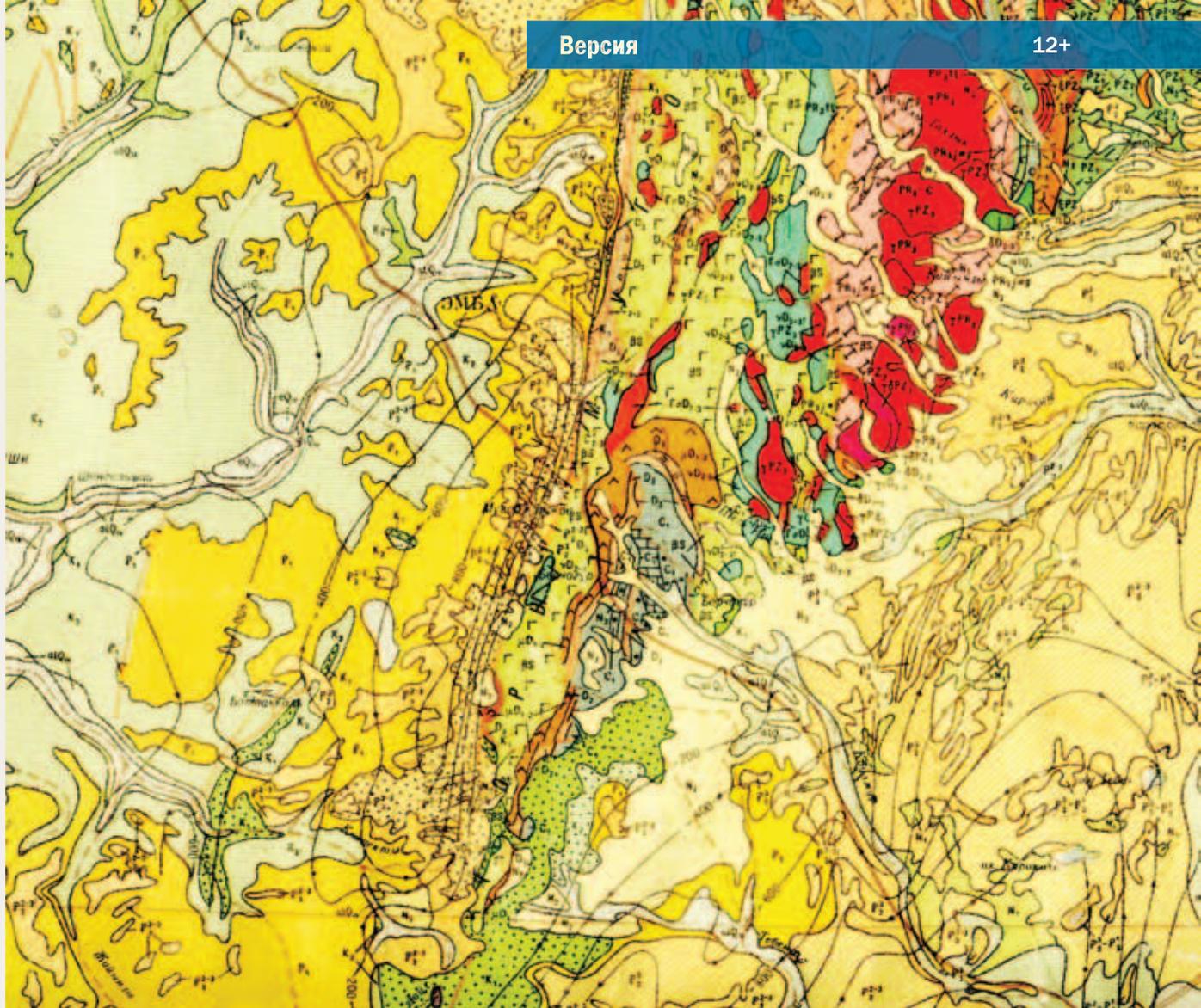
Владислав Карелин

Заслуженный путешественник России, мастер спорта по туризму, действительный член Русского географического общества, уральский краевед, автор более 500 статей, в том числе в журнале «Уральский следопыт», начиная с 70-х гг. прошлого века.

▼ Лесная растительность в некоторых ущельях Мугоджар

Встречный ветер

довательскому гранту, выделенному Попечительским советом Русского географического общества, провел ландшафтно-историческую экспедицию на уральских просторах с целью уточнения, «правильно ли обозначена на картах разделительная линия» между Европой и Азией. По материалам экспедиции опубликовано три книги и около десятка статей в различных изданиях. Руководителем экспедиции был член-корреспондент Российской академии наук, доктор географических наук А. А. Чибилев. Экспедиция такого масштаба в районе Мугоджар проводилась впервые. В опубликованных книгах приведено немало число уникальных фотографий.

В материалах, опубликованных по результатам этой экспедиции, предложено территорию Южного Урала разделить на две области: северную низко- и среднегорную южноуральскую и южную предгорно-возвышенную равнинную прижюжноуральскую. В качестве довода такого разделения приводится «обширность и сложность ландшафтной структуры

▲ На самой южной вершине Уральского хребта Ямантау

СЕКРЕТНО

12-40-10

L-40-X

Издание 1974 г.

Южного Урала». Но каких-либо географических обоснований не представлено. Ведь сложную ландшафтную структуру и обширную территорию имеют и другие уральские области, например, Северный и Приполярный Урал. Значит, и их следует делить на более мелкие единицы? По мнению исследователя, «данное деление... представляется... вполне приемлемым». С этим трудно согласиться по следующим соображениям.

Участники экспедиции заявляют, что деление Урала на области они проводят по «геолого-орографическим признакам». Однако в их публикациях доводы геологического характера до предела минимальны, а основным разграничительным признаком объявляются орографические рубежи, т.е. внешние формы земной поверхности, которые не могут служить ведущими факторами разделения Урала на крупные географические области. Так, например, В.И. Прокаев писал, что для целей сравнительной физико-географической характеристики необходимо использовать в качестве ведущего фактора тектонический признак. А согласно трудам П.С. Воронова деление континентальной коры на крупные блоки следует проводить с использованием структурно-тектонического подхода. По его мнению, формально-географические критерии низших рангов, включая орографический, «полностью утрачивают свое значение в сравнении с тектоническим ведущим фактором». Оренбургские поисковики границы между Европой и Азией ссылаются на публикацию Воронова, но тем не менее не сочли возможным учесть его структурно-тектонический критерий, а использовали менее значимые, в основном орографический. Это и привело их к ошибочным, на наш взгляд, выводам.

Воронов убедительно показал, что сетка трещиноватости земной коры является собой комбинацию систем трещин литосферы, ориентированных вдоль параллелей и меридианов, а также диагональных, имеющих ориентировку на северо-запад и северо-восток. По его данным, образование таких трещин «определяется флюктуациями угловой скорости вращения Земли». Именно такую картину на Урале установили исследования геофизиков (Огаринов И.С. и др.), которые доказали, что Урал представляет собой «подвижный пояс блоков и разломов в оболочке Земли». При этом меридиональное центральное уральское горное поднятие пересекается глубинными разломами северо-западного направления. Их семь: Усть-Обский, Березовский,

Печорский, Серовский, Златоустовский, Северо-Прикаспийский и Южно-Прикаспийский. Между соседними глубинными разломами располагаются блоки земной коры, каждый из которых и фиксирует ту или иную географическую область Урала. Златоустовский глубинный разлом пересекает Уральский хребет примерно на широтном участке р. Уфы в ее верховьях, а Северо-Прикаспийский — примерно по широтным отрезкам рек Сакмара и Орь. Именно между этими глубинными разломами находится единый блок Южного Урала. Чибилев предлагает разделить этот блок примерно по южному окончанию хребта Ирендик. Но в указанном месте отсутствует не только косо секущий глубинный разлом, но и какой-либо другой разлом второго порядка.

Далее следует еще одна новация. Уже более полутора веков общепринято, что на юге Уральский хребет заканчивается Мугоджарскими горами, самой южной точкой которых является гора Ямантау (варианты оронима — Джамантау, Жамантау). Чибилев же предлагает южной границей Уральского хребта считать южные отроги Шошкаккольского кряжа, расположенного южнее Шошкаккольского кряжа и горы Ямантау. В ряде своих публикаций он утверждает: «В настоящее время хорошо известно, что система Уральских гор заканчивается на юге грядой Шошкакколь, южная оконечность которой упирается в районе прохода Шаркудук в уступы Шагырайского плато..., являющегося продолжением чинков (обрывов) Северного Устюрта». В другом месте он пишет: «Южным продолжением Мугоджар является кряж Шошкакколь (405 м), оканчивающийся вблизи северных чинков плато Шагырай». Еще в одной работе сообщает, что южная оконечность осевой части Уральской горной системы заканчивается у подножия плато Шагырай, являющегося естественным продолжением плато Устюрт». Словом, однозначно утверждает, что южную точку Уральского хребта «нужно сместить южнее, к оконечности Шошкаккольской гряды». К сожалению, соображения о том, что южную точку Уральского хребта «нужно сместить южнее» и что это «в настоящее время хорошо известно», ни в одной из его публикаций не подкрепляются какими-либо доказательствами.

Мнение участников экспедиции о южной точке Уральского хребта противоречит высказываниям целого ряда авторов. Приведу некоторые.

В 1825–1826 гг. первая русская научная экспедиция обследовала район,

▲ Мягкие очертания сопки в Мугоджарах

расположенный между Каспийским и Аральским морями. Руководил ею Ф.Ф. Берг. В материалах экспедиции приведены записи сообщений местных проводников, один из них сказал: «Арал-бай Сенгир есть конец Устюрта, место, где он кончается, называется Мусбель, откуда овраги идут в Чаган. При Мусбеле Устюрт соединяется с Мугоджарскими горами. Горы Джамантау и Чакман подходят близко к оному». В ходе экспедиции Алексеев, подпоручик корпуса топографов, составил топографическое описание северной части Устюрта, в котором записал: «Устюрт на севере заканчивается горою Ак-Дюрт-Куль, лежащей в 30 верстах от южной оконечности Мугоджарских гор». Вышеупомянутые горы Арал-бай и Ак-Дюрт-Куль, как и степь Мусбель, находятся в северной части современной Шошкаккольской гряды, и эти географические объекты местное население относил к Устюрту.

В 1840 г. Ковалевский и Гернгрос опубликовали в Горном журнале статью о своей поездке в киргиз-кайсацкую степь. В ней они утверждали, что р. Аты-Джаксы «служит естественной чертой разделения между горами Мугоджарскими и отрогами Устюрта» Отмечу, что истоки р. Ак-Чулак-Сай, правого притока р. Аты-Джаксы, располагаются на южных склонах горы Ямантау, а истоки левых притоков р. Аты-Джаксы (Ак-Шолак, Даул, Кокчекты и др.) — на северо-западных склонах кряжа Шошкакколь. Поэтому именно бассейн р. Аты-Джаксы разделяет гору Ямантау и Шошкаккольский кряж, который Ковалевский и Гернгрос относили к «отрогам Устюрта».

В 1862 г. в том же Горном журнале появилась статья Северцова под названием «Составляет ли Устюрт продолжение хребта Уральского?». В статье сказано: «В отношении орографиче-

ском Устюрт есть продолжение Уральского хребта, с которым он соединен непрерывной цепью высот, но в смысле геогностическом Устюрт самостоятелен». И далее: «Южнее Айрука главный кряж продолжается... с теми же округленными формами своих вершин, и так идет он до горы Ямантау, за которою круто оканчивается. Южнее Ямантау до Устюрта и на этом последнем плутонические образования уже более не выходят наружу; плоский водораздел, идущий от Ямантау к Устюрту, состоит из тех же горизонтальных пластов песчаника и мергеля... Таким образом тотчас от южного конца Мугоджар горизонтально наложенные пласты идут через весь Устюрт, сохраняя совершенно невозмущенное направление». В итоге Северцов однозначно характеризует Шошкаккольский кряж, расположенный между горой Ямантау и собственно Устюртом, как однотишний с Устюртом.

В начале XX века ряд лет геолог М.М. Пригоровский обследовал Мугоджары и северную часть Устюрта. Он составил геологическую карту обследованного им района. В своих публикациях он отмечал, что «на юге Мугоджары резко обрываются крутыми уступами горы Джамантау и сменяются равниной с очень мало расчлененным рельефом». Он также указал, что массивно-кристаллические породы Мугоджар южнее горы Ямантау резко замещаются меловыми породами Шошкакколя. Его точку зрения в 1955 г. подтверждает А.Л. Яншин. В 1962 г. Р.Г. Гарецкий показал, что «зеленокаменные уральские породы в 1 км южнее горы Жамантау находятся на глубине 8–14 м». Наконец, в 1970 г. в фундаментальном XXI томе труда «Геология СССР. Западный Казахстан» сообщается, что по балкам Даул и Карашоки (южнее горы Яман-

▶ Типичная ложбина в южной части Мугоджар

тау) характерные для Уральского хребта зеленые серпентины располагаются на глубине 7–25 м.

Как видим, мнения авторитетные и убедительные. Ряд геологических исследований показал, что герцинские горные породы, характерные для Уральского хребта, в том числе и Мугоджар, южнее горы Ямантау уходят в глубину земной коры и далее на юг на дневной поверхности не появляются. В итоге на протяжении более века у всех исследователей, занимающихся этой проблемой, высказано единое мнение: Уральский хребет на юге заканчивается на горе Ямантау, южной точке Мугоджар. Конечно, оппоненты могут апеллировать к тому, что уральские породы на глубине все-таки присутствуют и южнее горы Ямантау. Однако при физико-географическом районировании структурные элементы, признаки слоев, расположенных ниже дневной поверхности, необходимо рассматривать уже в рамках тектонического глубинного, а не орографического критерия. К сказанному могу добавить тот факт, что продольные оси Мугоджарских гор и Шошкаккольской гряды не совпадают: первая имеет направление, близкое к такому как север-юг, а второе — юго-запад — север-

восток. Именно такое расположение Шошкаккольских гряд указывает на их отличие от Уральских структур. Кроме того северо-восточная часть Шошкакколя, по моим наблюдениям, представляет собой слегка всхолмленную степь с отдельными возвышенностями. Если в Мугоджарах вершины имеют плавные скругленные очертания, то в Шошкакколе в большинстве случаев для возвышенностей характерны крутые склоны, особенно западные и северо-западные. Единственной из известных мне публикаций, в которых имеется «намеком» на однотипность Мугоджар и Шошкакколя, является монография «Казахстан», изданная в 1969 г. институтом географии Академии наук СССР, в которой указано на «орографическую и генетическую» связь Мугоджар и Шошкакколя, без каких-либо доказательств.

В завершение не могу не отметить еще один существенный момент.

В своих публикациях Чибилев написал: «С определенной достоверностью можно сказать, что название Урал (от Аралтовой горы и ее вариантов) относилось к Южному Уралу и Мугоджарам». Это его мнение представляется ошибочным. В современном понимании Южный Урал сопоставляют с восточной цепью гор-

ных хребтов (Уреньга, Уралтау, Ирендък), расположенных западнее долины р. Яик (Урал), информация о которых появилась в XVIII веке. Н.Г. Спафарий, ездивший в 1675–1678 гг. российским послом в Китай, в своих отчетах записал: «...а от верха Тобол реки от востока под западную сторону потекла река Яик подле Аралтовой горы, а на низ плывучи, Аралтова гора на левой руке». Следовательно, Аралтова гора располагается восточнее реки Яик (Урал). Анализ чертежей С.У. Ремезова свидетельствует о том, что на них южная часть Уральского горного хребта показана с крутым поворотом, изменяя направление с северо-юг на восточное. Именно такое изображение хребта показано на широко известном годуновском чертеже Сибири 1667 г. Именно эта южная часть хребта на ремезовских чертежах в те времена именуется Аралтовой горой. Тогда Аралтова гора представляла низкогорный водораздел между верховьями рек Яик и Тобол, а после поворота на восток — водораздел между верховьями рек Тобол и Иртыш. Таким образом, Аралтова гора не имеет никакого отношения к современному Южному Уралу (более подробно см. публикацию в журнале «Уральский следопыт», 2013, № 1). **✎**

История России. Река Чусовая (Фотоэкспедиция)

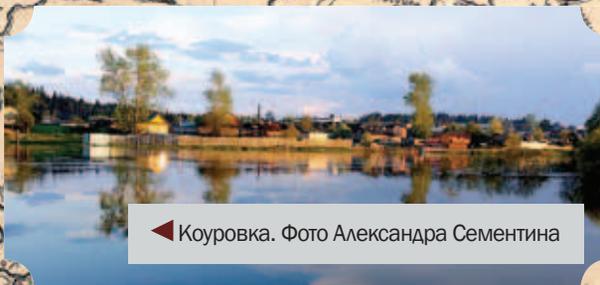
Фото Владимира Трусова

Проект Виталия Воловича
Координатор проекта
Юний Горбунов
При поддержке Уральской
ассоциации туризма

Уральская
Ассоциация
Туризма

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

◀ Коуровка. Фото Александра Сементина

◀ Слобода

◀ Каменка

◀ Нижнее Село

◀ Трека

Соломенная вдова

Бег Чусовой был неудержим. На ходу она срывала с себя остатки одежд со следами огнеделовых объятий, и в плеске ее вод окрестность слышала одни рыдания. Тихо-тихо стояли прибрежные кусты, не было птичьего гомона. В свои двадцать пять лет молодая женщина-река едва ли не впервые всерьез хлебнула лиха, испытала на себе коварство жизни и любви.

Долго ли, коротко ли длился ее убежный путь, но не замечала отчаявшаяся река, как зачастили на ее пути сторожкие прибрежные, таящиеся в зелени деревьев камни... И только полноводный братаец Большой Шишим с целой оравой шишимят вдруг раскрыл ей свои объятия:

— Ну-ну, охолонь, сестрица, — сказал. — Куда это ты спешишь, такая босоногая и бесхозная, и где подрастеряла свои наряды? Накинь вот хоть мою лесоробную спецовку.

Огляделась Чусовая. Коуровская крута пахла и звучала дымом и лесом. Курились бесконечные томильные печи завода Утки Яковлева (Новоуткинск), визжали на разные голоса пилы. Гужевой транспорт, а потом и ненасытные железные составы ждали и глотали обугленные и распластанные тела деревьев, еще недавно стоявших живой поющей тайгой, прибрежными рощами и колками. Значит, и сюда дотянулись загребущие руки Огнедела! Леса изводились огнем и топором, а билимбаевского рачения и ухода не было и в помине.

Наскоро распрощавшись с Шишимом, в одолженном желто-зеленом одеянии Чусовая, однако, замедлила бег и вдруг стала замечать легкое, как дуновение, почти неразличимое присутствие Лесогора. Ведь это его каменные посланцы, едва замеченные ею на бегу, притаились в береговой зелени? И улыбались теперь ей навстречу веселыми названиями: Чирки, Синий, Толстик... А вот и Слободской — она вспомнила его еще Воробьевым. Открытым «бойцом» поднялся он на пути Чусовой, словно бы это сам Лесогор протянул ей спасительную руку. Чуть ниже по ее течению прибрежная каменная гряда — продолжение Слободского — невесомо держала на своих плечах белоснежную церковь великомученика Георгия Победоносца. У подножья гряды, поздоровавшись с Чусовой, пересек реку старый сухопутный Прямой Сибирский путь и тут же свернул в сторону

Рисунки художника Леонида Баранова (г. Первоуральск) из серии «ДеДский мир».

Шишима. Встретила сестрицу-Чусовую убранный самородками Утка-река. И село Чусовская Слобода с его большой казенной пристанью и плотбищем старинно и вольготно разбелалось в окружении речных берегов.

И обопнула здесь женщина-река, дала большого наспешного кругая, приходя в себя от безоглядного бега.

Величие каменной гряды с ее храмовым великолепием, повидавшая виды и не раз горевшая в огне разноименная Слобода, неспешно справлявшая на своем веку самые разные заделья и труды, успокоили смятенную душу Чусовой. Приняв чистые воды Шишима и Утки-реки, она обрела покой и этакую веселую отчаянность соломенной вдовы. От Огнедела, мол, сбегала, до объятий Лесогора еще далековато... А не покутить ли ей, молодой да красивой? Не вернуть ли беспечную детскую пору? У людей вон мохнатые старики впадают в деДство!

И то еще надо держать в виду, что теперь в пути ее неизменно сопровождали и охраняли от напастей камни и «бойцы» — посланцы Лесогора. Смешные, а не страшные Собачьи Ребра с турбазой Общества пролетарского туризма и экскурсий, белый, нависший над водой камень Попов, с коего, помнит она, слободской настоятель благословлял в долгий путь груженные суда, камень Егорьевский маячил часовенкой уходящим баркам, сурового обличья «боеи» Часовой (Гуляй-камень)... И чем ближе к Лесогору, тем гуще и чаще, уже не прячась в береговой зелени, стояла ее каменная охрана. Под таким-то приглядом да не покуражиться!

А начала Чусовая с наряда. Разлетелась по ветру подаренная Шишимом спецовка цвета вареного яйца с луком. Полубовавшись в зеркало воды на себя без одежд, женщина-река неспешно и капризно проворила новое себе одеяние. В волосы струй влила все неброские цветы, что охапкой поднесла ей уральская макушка лета. Мини-юбочку — гулять так гулять — изладила из березово-осиново-сосновых лоскутов. А на плечи набросила широкий платок, весь убранный самоцветами, серебром и золотом, что намыли-наискали ей услужливые и говорливые притоки.

А пока прихорашивалась, вдруг заметила река, что и люди стали на нее иначе смотреть. Все была у них в работах, поилицах да кормилицах, а тут, глянь-ка, залобова-

лись соломенной вдовой! То и дело принялись устраивать на ее берегах, в селениях и на камнях причудливые декорации, рукотворно менять облик реки. То подавай им реку в тоске и печали, то в безудержном веселии, то войны и пожары видятся им на ее берегах, то пиры, свадьбы и гулянья... Такими она людей еще не знала — охотной живущими придуманной, ненастоящей жизнью.

Да и сама река теперь не прочь была полицедействовать. Заправской актрисой безоглядно включилась женщина-река в людские драмы и комедии. По их капризам меняла она свой облик, позволяла одеть себя то в дурнушку, то в красавицу, то в неутешную вдову. И что было удивительно и ново для реки — на мгновения этой игры она действительно становилась ими! Как, например, лихо сыграла неведомую ей далекую сибирскую реку Нижнюю Тунгуску с ее загадочной шаманкой Синильгой (телефильм Ярополка Лапшина «Угрюм-река» по роману Вячеслава Шишкова). Или демидовскую реку Нейву (фильм «Демидовы» того же Ярополка Лапшина). А уж себя любимую не поскупилась явить людям во всей своей древней дикой красе (фильм «Семен Дежнев» В. Ускова и В. Краснополского).

Кого не перебивало на ее берегах от Утки-слободы до Нижнего Села! И неугомонные золотодобытчики, и себе на уме заводладельцы Демидовы, гульливый атаман Ермак — многие были ей знакомы и по настоящей жизни.

Через киноигру река узнавала и пыталась понять людей, их переменчивый нрав, их непростую житейскую круговерть, где мелями и глубинами чередуются смех и слезы. Эту жизнь она прежде видела мельком, пробегала быстро и безоглядно. А в киноиграх она предстала во всей своей правде-лихости и правде-радости. Да ведь и сама река на людей стала походить норомом! Поглядеть, так те же и у нее печали.

Пристальнее стал ее взгляд на людей, прежде только мельтешивших. Вот нестройная колонна сплавщиков идет с поднятыми хоругвями к часовенке Георгия Победоносца, что угнездилась на камне его же имени. Это не игра уже. Люди взывают к своему небесному покровителю перед трудной многоверстой дорогой на тяжело груженных судах. Лесогоровы «бойцы», что стерегут ее, реки, течение и украшают берега, для этих вот трудяг, когда оставляют они хоругви и возьмут в руки судовую потесь, шесть и весла, могут стать смертельными врагами! «Побойся Бога, Лесогор!» — просилось ей воскликнуть, глядя на вздувшиеся венами, словно бы каменные, руки сплавщиков, на их дубелые от ветра лица.

Вот уж как обиходил Лесогор для нее Левинский камень и округу! Заглядение. Художнику-пейзажисту делать нечего — все уже нарисовано. И деревушка Левина уместилась на камне и любовалась округой. Да недолго стояла. Лесогорова невидаль обиходной лодской жизни не дочь, а падче-

рица, грустно поняла женщина-река. Люди неизбежно звялят и на нее свои тяготы и нужды. А невидаль непрочна и ранима. Так пусть лучше будет только красота. И стинула деревушка Левина. А вот и резвая речка Каменка бросилась в объятия своей старшей сестры. В ее устье построили люди плотину и пыльную мельницу на ней. Пруд образовался, а по обоям его берегам — селение с часовней во имя святого Иоанна Златоуста.

Здесь, в Каменке, пригрезилось Чусовой, актрисе и соломенной вдове, во сне ли, наяву, что стоят с ней рядом и Огнедел, и Лесогор, не подавая, однако, друг другу руки. Стоят и смотрят вверх, на камень Каменский, где воздвигли люди древнерусскую крепость для своих киноигр, и землеоткрыватель Семен Дежнев с сотоварищи привычно вершит свое первопроходческое дело. Все смешалось в этой были-небыли, и хохотали Чусовая с сестрицей Каменкой, будто это они отринули границы времени и все-провсе собрали воедино. И весело скалил свои белые зубы камень Каменский.

Но тут же и посерьезнела женщина-река. Это как же она, хоть бы и во сне, допустила к себе ненавистного Огнедела? «Но... — вдруг замерла река, — но чем же промышляли каменцы, что построили эту крепость на высоком ее берегу? Казенки и коломенки ладили, уголь древесный жгли, золото мыли и железные руды копали, извозом зарабатывали. Колхозничали позднее в советские годы... Ведь это же Огнеделово все заделье!.. А крепость — чье? С Семеном Дежневым?»

И не выдавалось с того сна соломенной вдове покоя. Стала взрослой женщина-река.

Задумчиво и тихо миновала зеленые свои острова, что за речкой Грязнушкой. Машинально ответила на лукавый поклон загадочного Шайтан-камня. А в Нижнем Селе с его купеческими пристанями и деревянным Михайло-Архангельским храмом задержалась. И здесь, видела река, трудно жилось людям. Первопоселенцы-хлебопашцы оставляли суровую скудость земли и тянулись к огнеделовым промыслам: сплавщицкому, горнорудному. Целый Уткинский завод на еще одной Утке-реке (Староуткинск) кормился бурными рудами Нижнедеревенского месторождения.

На лесных своих берегах, среди камней и мелких хоронящихся речушек — Афоники, Сафроники, Треки с ее пыльной мельницей и пристанью — стала замечать Чусовая и новые поселенцев. Это были люди нездешние, живущие своими скитами, думами, заботами, верой. Словно бы какое-то новое лицедейство затевали на ее берегах эти кержаки. Женские скиты прятались в трекинских лесах. Пугачевское войско прошло мимо здешних деревень, поселяя в них смуту и раззор. А скиты разграбили лихие люди...

С тихой думой остывала река от людских затей и соломенного вдовства. Неслышно текла среди камней, вбирая воды малых речушек. И вдруг... Вот так встреча!.. Сон-то оказался в руку! **УС**

Поселок Коуровка

Иллюстрации — из фотоархива библиотеки пос. Коуровка

Как до Коуровки дошел «Прогресс»

Изначальную известность здешнему краю подарила река Шишим. На ее берегах и в многочисленных притоках еще в середине XVIII века добывали добротные железные руды, а позднее и мыли золото. Руда «кормила» бывший Уткинский казенный железодельательный и чугуноплавильный завод (теперь пос. Новоуткинск).

Ныне поселок Коуровка — один из тех малоизвестных и многочисленных уголков России, в котором успех или упадок в жизни людей напрямую зависит от процветания единственного предприятия — Коуровского леспромхоза. Он был создан здесь, в месте слияния рек Чусовой и Шишима, в 1958 году, когда местные власти решили объединить Билимбаевский леспромхоз и лесозавод «Прогресс».

В конце 1950-х гг. в цехах и на лесопунктах Коуровского леспромхоза трудились около двух тысяч человек, обеспечивая внушительные объемы лесозаготовок: 380 тысяч кубометров

древесины в год готовили, вывозили и разделявали. Уже к середине 1960-х этот показатель достиг 545 тысяч кубометров. Поначалу все этапы заготовки леса — от валки деревьев до транспортировки готового пиломатериала — проводились вручную. В конце 1970-х на валку леса пришли новые валочно-пакетирующие машины, бесчорерные трактора, аппараты ЛО-72 для обрубки сучьев. На вывозке леса работали КРАЗы, МАЗы, УРАЛы, а на лесопилении — автолесовозы.

До 1991 года Коуровский леспромхоз имел широкие торговые связи за рубежом: значительную часть своей продукции леспромхоз экспортировал в Англию, Австрию, Финляндию, Польшу, Югославию, Венгрию и ГДР. Сейчас эти связи утрачены.

Лошадиные силы, две пары женских рук и сталь для «Катюши»

До создания Коуровского леспромхоза лес заготавливали только ради получения древесного угля, без кото-

◀ Мост через Чусовую. Фото автора

Кристина Щур

Журналист. В 2012 году окончила кафедру периодической печати факультета журналистики Уральского федерального университета. Первые корреспондентские навыки получила на малой родине, в г. Полевском Свердловской области, публикуясь в городской газете «Рабочая правда». Оттуда же, со времен студенческой практики, тянется ее интерес к жизни простых людей и к неизученным богатствам и красотам родной страны. Живет в г. Полевском.

рого была невозможна работа доменных печей Уткинского завода. Каждодневный труд на лесозаготовках был, без преувеличения, невероятно трудным, а между работающими мужчинами и женщинами не делали различий. Обходились только поперечными и лучковыми пилами и топорами. Из лесосек спиленные деревья доставляли на лошадах, а весной и летом появлялся и другой, более удобный способ транспортировки древесины — сплав по рекам Большая Дарья, Чусовая и Шишим от верхних складов лесозаготовок к нижним. Достав лес из воды, его везли на лошадах к кирпичным камерным печам Шварца, где дрова превращались в уголь. За одну рабочую смену две женщины загружали в печь на тачках 55 кубометров однометровых дров и позже выгружали из печи на носилках оставшиеся после жжения 50 кубометров угля. Эту норму выполняли всю войну и несколько послевоенных лет. Качественный чугун, выплавляемый на древесном угле, шел на производство специальных сортов

▲ Бригада лесозаготовителей: сучкорубы, вальщики леса, в центре — тракторист трелевочного трактора

▲ Рабочие УЖД на перекуре

▲ На митинге возле стелы «Павшим в боях за Родину»

▲ Погрузка пиломатериалов на платформы УЖД

стали, которую, в свою очередь, использовали и для изготовления знаменитых «Катюш». В годы войны потребность в чугуне увеличилась, и на заготовку леса стали привлекать все больше женщин и даже детей. Старожилы Коуровки помнят, как в те времена их родителям, дядям и тетям, бабушкам и дедушкам не хватало одежды и обуви, люди голодали, но самоотверженно работали, стремясь приблизить Победу. 32 леспромхозовских работника ушли на фронт и не вернулись — в память о них возле здания поселкового клуба установлена мемориальная стела.

«Живу, а не существую»: донорская кровь и песня как спасение

Юные и взрослые жители Коуровки — люди открытые и сердечные. Мне довелось познакомиться с двумя женщинами — Людмилой Константиновной Быковой, библиотечкарем, и Риммой Федоровной Мичуровой, солисткой поселкового хора «Ивушка». Римма Федоровна родилась в Серове, но в 10 лет вместе с родителями переехала в Коуровку. Сюда их привел лес: на родине леспромхоз закрыли, и семья была вынуждена уехать в поисках ра-

▲ Столяры деревообрабатывающего цеха. На переднем плане — С. А. Новоселов

боты. И родители, и брат, и сама Римма Федоровна — все они посвятили жизнь музыке и лесу. Она сначала пела в детском хоровом коллективе, потом в квартете, а затем стала одной из солисток хора Коуровского леспромхоза.

«Раньше мы все и в горе, и в радости были рядом. На работе устанем,

но если надо бежать на репетицию, то все сразу будто отдохнувшие, бодрые. Это такая отдушника была. Для себя же поем, для души. Нравилось мне это и до сих пор нравится».

А еще Римма Федоровна — Почетный донор России: в 18 лет она впервые сдала кровь, помогая забо-

▲ Бригада столяров деревообрабатывающего цеха

▲ Ветераны войны поселка

▼ Вид на лесоперерабатывающий пункт. Фото автора

левшей сотруднице, и с тех пор делала этого регулярно — всего около 70 раз. Говорит, что после 60-го раза сбилась со счета.

«В любом случае мы должны быть людьми... Поем, лес рубим — надо быть человеком. Какие бы ни были трудности, надо все делать с душой. Несмотря на проблемы, я не унываю, не переживаю, я оптимист. Живу, а не существую».

Поселковый клуб — второй дом для детей, мечтающих стать врачами и юристами

В Коуровке есть многофункциональное здание — поселковый клуб. В его просторном актовом зале жители собираются на праздники, а дети после школы прибегают в библиотеку, находящуюся в том же здании, к Людмиле Константиновне Быковой — взять книгу, поболтать, чем-то помочь или просто посидеть рядом. Дети ожили, когда клуб снова ожил после долгого перерыва, признается Людмила Константиновна. Хор «Ивушка» разучивает очередную песню, а 12–16-летние девочки из коллектива «Силуэт» репетируют танцевальные номера, которым их учит первоуральский хореограф Марина Вениаминовна Дернова.

Эти подростки — маленькие копии Риммы Федоровны и Людмилы Константиновны: они любознательны, легки на подъем и всегда находятся в движении. Ребята учатся в поселковой школе № 29 и о многом мечтают, грациозно и легко танцуют, держат дома черепах, собак, кошек и попугаев, хотят быть врачами, ветеринарами, учителями, юристами и даже полицейскими.

Фундамент строительный и общечеловеческий

До сих пор некоторые жители поселка, заполняя официальные документы, в графе «место жительства» пишут по-разному: кто-то — «Коуровка», кто-то — «Прогресс». Поселок Прогресс как бы прирос к существовавшей

▼ Раскряжовщики пиломатериалов

тогда Коуровке вместе с приходом одноименного лесозавода «Прогресс». Вместе с «раздвоившимся» названием и развитием леспромхоза поселок оброс новыми улицами — Заречной, Первомайской, Лесной, Радищева, улицами Мира и Дружбы.

Поселок оказался смел на эксперименты: в нем построили микрорайон, состоящий из экспериментальных кирпичных коттеджей на две семьи, т.е. двухквартирных. В каждой из двух частей большого дома — три комнаты общей площадью 68 квадратных метров. В основном в этих домах живут молодые семьи. У каждого дома есть крытая веранда, дровяник и прилегающий земельный участок в три сотки. Если хозяева хотят построить баню, леспромхоз выделяет им на это бесплатный строительный материал.

Римма Федоровна, прожившая в поселке большую часть жизни, считает, что наличие хорошего жилья — одна из тех насущных причин, по которым молодые специалисты захотели бы приехать в Коуровку. Некой «идеальной жизни» в этом лесном поселке на берегу Чусовой, как и в любом другом ме-

▲ Художественный руководитель клуба Н. А. Тонкевич на праздновании Троицы

стечке России, нет. И все же, несмотря на это, Римма Федоровна, равно как и Людмила Константиновна, и другие коуровские оптимисты, не изменяют своему девизу: «Будем жить!». **УГ**

▲ Танцевальный коллектив «Силуэт»

▲ Воспитанники детского сада «Березка». Начало 1970-х

▲ Школьницы из танцевального коллектива «Силуэт» на мосту через Чусовую

▲ Вокально-инструментальный ансамбль поселковой школы. 1970-е гг.

▲ «Танцевальный коллектив «Силуэт», июнь 2015 г. Фото автора»

▲ Жительницы поселка — участницы художественной самодеятельности. «Огонек» 1 мая 1981 г.

▲ Современный вид клуба в Коуровке. Фото автора

▲ Экспериментальный дом на две семьи. Фото автора

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим** 1000 0124 - 241X
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим** 1000 0124 - 241X
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
www uralstalker.com

июль 2015

Аэлита

50

Законы Вселенной

ЕВГЕНИЙ ШИКОВ
Стэннер и партнеры

50

71

Координаты чудес

АНДРЕЙ БУДАРОВ
Свет маяка

71

81

Повод для улыбки

АЛЕКСЕЙ ЕРЁМИН
В суде

81

Стэннер и партнеры

Евгений Шиков

Родился и вырос в Москве, работает копирайтером в брендинговом агентстве. Писать начал с детства, публиковаться — с 25 лет. Был опубликован в журналах «Полдень», «Фантастика и детективы», «Космопорт». В фантастике больше всего ценит те рассказы, в которых присутствует психологическая достоверность и интересная, «цепляющая» история.

Часть первая

Домашнее чтение

1

Эдвард Солберг оказался совсем уже стариком, с морщинистым, рябым лицом и искусственными волосами. Он перебирал пальцами по шоуэру, разглядывал Машину анкету и изредка чему-то хмыкал. Маша с грустью подумала о предстоящем полете назад — на челноке сквозь ледяную пустоту космоса, обратно на кружащую над планетой станцию.

— Значит, пять лет удаленного Йоркского Правового и двухгодичный курс на Ольге — семь у Миславского...

— Еще четыре года Эштона, — напомнила Маша.

— Милая моя, если бы нам был нужен лингвист, мы бы и искали лингвиста... — Солберг вновь перевернул лист на шоуэре. — Меня интересует вот что: зачем девушке с таким образованием бросаться на всех адвокатов в системе с просьбой ее отсюда забрать?

— Мой отец...

— Марк Чэмберс, как я полагаю, владелец «Чэмберс и сыновья», — Солберг кивнул. — Я знаком с ним.

— А если вы знаете, так зачем спрашиваете? — Маша поднялась на ноги.

— Странный вопрос для адвоката, не находите? — Солберг кивнул на кресло. — Будьте добры, сядьте, — он дождался, пока Маша не сядет на место, и продолжил: — Так почему же вы бежите от отца?

— Я не хочу с ним работать, — Маша пожала плечами. — Всю жизнь заниматься разводами...

Солберг отложил шоуэр в сторону и скрестил руки на груди.

— У вашего отца было восемьдесят два различных дела только за последние четыре месяца.

— Скучных дел.

— То, что приносит деньги, скучным быть не может, моя милая. Если вы думаете, что межсистемная юрис-

прudence — намного интереснее, то вы сильно разочаруетесь. Те же разводы, те же наследства, те же межевые споры. Мы не так часто участвуем в уголовных делах.

— «Не так часто» звучит лучше, чем «никогда».

Солберг вздохнул и вновь взял шоуэр в руки.

— Милая моя, можно задать вам еще один вопрос?

Клянусь, он будет последним.

— Задавайте.

— Если мы примем вас на работу, не случится ли так, что ваш отец вышлет за нами пару кораблей с наемниками, чтобы привести вас обратно?

— Это исключено. Он пообещал, что, если хоть один корабль согласится принять меня на борт, я могу лететь куда захочу.

— Так почему же ни один пока не захотел? Может быть, потому, что у вашего отца весьма интересная репутация?

Маша молчала. Солберг, кряхтя, поднялся на ноги.

— Молли Чэмберс, — сказал он ей. — Вы приняты на работу в качестве помощника юриста на испытательный срок. Жду вас завтра с вещами.

— У меня все с собой, — Маша почувствовала, как ее лицо расплывается в улыбке. — Все мои вещи на этом челноке.

— Надо же, — Солберг направился к двери. — Что ж, это повод улететь из системы на день раньше. Пойдемте, моя милая, пора познакомиться с вашими коллегами.

2

Гловер поднялся ей навстречу и, улыбнувшись, протянул руку.

— Мисс Чэмберс, рад знакомству. Хайзек Гловер. Вы голодны?

— Я...

— Хотя, конечно же, вы голодны, вы же сюда на челноке прилетели. Не холодно было?

— Ну...

— Конечно же, холодно, понимаю, — Гловер покивал головой и, пропустив Машу в дверях, взял ее под локоть. — Сам на таком летал. При торможении у меня каждый раз отрубалась система отопления.

— Правда? — Маша посмотрела на него. — У меня та же проблема. И что вы делали?

— Не тормозил, — он показал рукой на стол, за которым сидели двое мужчин. — Это — наша столовая. С господином Солбергом вы уже знакомы, а там сидит его младший партнер, Билли. Не знаю, правда, на кой черт госпожа Стэннер его с собой возит.

— Госпожа Стэннер? Я думала, она больше не занимается делами... после тех неудач. Сколько ей сейчас? — спросила Маша. — Я помню, ей было тринадцать...

— Шестнадцать, — сказал Билли. — Ей шестнадцать.

— Там ведь был какой-то скандал, — припомнила Маша. — Ей было семь, когда она выиграла первое дело, и до тринадцати она не проиграла ни одного, а...

— А потом проиграла почти все, — перебил ее Солберг. — Знаем, знаем. Но она все еще остается членом Судебной Палаты Содружества, а значит, наша контора считается официальным ее представительством до тех пор, пока она на борту.

— Самым молодым ее членом, — добавил Гловер.

— И самым долбанутым, — Билли, высокий тощий гартуанец со скорбным смуглым лицом отхлебнул из чашки что-то, напоминающее кофе с кукурузой, и кивнул на закрытую дверь. — Половину дел из-за нее проигрываем. Если вы, мисс Чэмберс, думаете, что у вас тут дела попрут — вы ошибаетесь. Ни разводов, ни наследств, ни брачных договоров вы здесь не увидите.

— Это, — улыбнулась Маша, — самое лучшее, что я слышала за этот год.

— Еще одна чокнутая, — Билли вернулся к своему кофе. — Вначале Гловер, теперь эта.

— Не обращайтесь на него внимания, — улыбнулся Гловер. — Наш Билли считает, что наличие фантазии — это показатель глупости.

— Кстати, мисс Чэмберс, — заговорил Билли. — Если вы вдруг подумали, что Гловер является старшим партнером, то вы ошиблись. И даже младшим. Я вообще сомневаюсь, что у него есть образование. Он тут находится лишь из жалости госпожи Стэннер. И не занимается вообще ничем.

— Ну почему же ничем? — Солберг, доев, опустил тарелку в приемник. — Именно Гловер нашел для нас мисс Чэмберс.

— Нашел? Меня? — Маша удивленно повернулась к Гловеру. — Как это?

— Мисс Чэмберс, что бы вы там ни думали, не так уж и часто выпускник Йорка с 93 баллами в дипломе готов сесть на любой корабль, залетевший в его систему. К тому же...

— Господин Гловер, — раздался высокий голос, — если вы будете брать на борт проституток, нам придется с вами распрощаться в этой же системе.

— Это не проститутка, госпожа Стэннер. Это наш новый работник, мисс Молли Чэмберс.

— Можно просто Маша... — начала было говорить Молли.

— Можно просто помолчать, мисс Чэмберс. — Худая девушка с затянутыми в хвост волосами прошла сквозь столовую и посмотрела на Машу снизу вверх. — Практика?

— К сожалению, нет, госпожа Стэннер.

— Еще один бесполезный пассажир, — кивнула девушка.

— Я думаю, практика не так уж и важна в нашем деле, — заговорил Гловер, и она сразу же вперила в него взглядом. — В большинстве дел, которые вы выбираете, практика, скорее, будет только мешать.

— А вы, видимо, разбираетесь в этом, не так ли? Ну, конечно же, разбираетесь, учитывая, сколько раз вас судили.

— У меня, — сказал Гловер, — были хорошие адвокаты.

Некоторое время все молчали. Затем Стэннер, отвернувшись, зашагала в свою каюту.

— Господин Солберг, мы едем на Одиссею, она же Гхачкачан-2. Подробности будут позже.

Дверь, зашипев, закрылась.

— Ого, — сказал Солберг. — А она в хорошем настроении сегодня. Никого даже не уволила.

— Ее хорошее настроение, — вздохнул Билли, — означает лишь то, что дело будет совсем плохим. Кто-нибудь слышал чего про дело на этой Одиссее?

— Уже нашел, — Гловер что-то открыл в своем шоуэре. — Это у них во всех планетарных новостях.

— И что пишут? — спросил Билли.

— Пишут, — сказал Гловер, — что придется попотеть.

3

— И часто вы проводите здесь совещания? Прямо-таки оперативный штаб, — сказала Маша, оглядывая каюту.

— Чем реже, тем лучше, — ответил Билли, занимая свое место. — Только когда Стэннер выбирает очередное безумное дело. От нее польза — одна только дотация.

— Дотация?

— Мы получаем дотацию от Сообщества, — Солберг аккуратно опустил в свое кресло. — Большинство дел, которыми она занимается, не имеют прецедентов, поэтому старички в мантиях весьма заинтересованы в том, чтобы кто-то помоложе и посмелее залез в это болото и прощупал им почву. Но дотации все равно не хватает. Лучше бы нам это дело выиграть.

— К тому же заказчиком является спачкинк Гиусси-Сьярр, — Гловер включил настенный экран и перенесил на него данные со своего шоуэра. — Она у них вроде принцесса, поэтому сумма должна быть астрономическая.

— Всегда мечтал, чтобы контрабандист читал мне лекции, — пробурчал Билли.

— Я трижды был на Одиссее, — Гловер вывел на экран данные о планете. — А ты сам много где был?

— Много где, — улыбнулся Билли. — В университете, например. В школе, если уж на то пошло.

— Одиссея, — продолжал Гловер, — одна из недавно открытых планет второго типа. Аборигены, — он вывел новое изображение, — немного похожи на китайцев, как видите. В свое время эта планета привлекла внимание Центра Изучения по причине полного отсутствия письменности.

— Это как? — спросила Маша. — Вообще никакой?

— Именно. В основном причиной этого стало гипертрофированное развитие устной речи. Средний одиссеец постоянно разговаривает около восьмидесяти пяти процентов своей жизни. Даже во сне. Их речь похожа на гудение и настолько индивидуальна, что за первые пять минут вы можете узнать об одиссейце больше, чем из его автобиографии. Эмоциональную окраску речи они в основном передают с помощью изменения амплитуды колебания своего гудения либо просто скорости произношения. Это не так глупо, как может показаться, знаете ли — может, у них и нет письменного наследия, зато большинство произведений их народа уже в детстве знает каждый одиссеец. Долгое время у них не возникало нужды что-то записывать...

Гловер вывел на экран список аудиофайлов.

— Тем не менее, их сеть просто завалена аудиофайлами, стоимость которых можно сравнить со стоимостью новых книг Эда Семинажа. У кого-нибудь есть идея, что

это за записи? — Гловер включил одну из них, и вокруг загудело, застонало, зажужжало. — Вот подсказка: при изобретении нового формата носителей информации, что в первую очередь...

— Порнография, что ли? — недовольно спросил Солберг.

Гловер кивнул и выключил запись.

— Именно. При соитии одиссейцы издают весьма оригинальные звуки, которые никогда не издают в обществе... по крайней мере, в приличном. Слушающий запись одиссеец настолько точно может ее считать, что, судя по исследованиям коры их головного мозга, создается эффект галлюцинации. Он практически находится в той же комнате, что и совокупляющиеся.

— Вот что ты там делал, — Билли захохотал. — Порнографией торговал.

Гловер, не обращая внимания на его слова, вывел на экран изображение какого-то лысого землянина.

— Это — доктор Рубинштейн. Именно он шестнадцать лет назад создал-таки одиссейскую письменность. Большую часть речи он передал в виде графика, — Гловер вывел на экран что-то вроде кардиограммы. — А эмоциональную окраску и подтексты вывел в чем-то вроде наших нот, — если бы у нас их было восемьдесят две, конечно.

На экране кардиограмма легла поверх разлинованной поверхности с сотнями каких-то странных значков. Маша покачала головой.

— Теперь я понимаю, почему у них не было письменности, — сказала она. — Такое топором на камне не выцарапаешь.

— И, конечно же, — продолжал Гловер, — новый формат сразу же привлек производителей порнографии. Самыми крупными были Чирчен Ток и Гайджен Зелли — не местные, конечно же. После небольшой гангстерской войны они поделили ры-

нок между собой. Зелли взял себе аудиоформат, Ток, соответственно, книги. Вот только Зелли сильно прогадал. Оказалось, что книги действуют на одиссейцев несколько иначе. Как только им удалось научиться читать, выяснилось, что чтение вызывает транс с весьма реальными переживаниями. Грубо говоря, читающий всерьез и взаправду занимается сексом, причем он даже может выбрать, кем из партнеров он будет.

— Какая гадость, — покачал головой Билли.

— Возможно, гадость. Но продажа печатной порнографии за семь лет сделала Чирчена Тока одним из самых богатых людей на планете. И недавно он освоил новый рынок, — Гловер вывел на экран изображение криво сшитой книги. — Домашнее чтение. На рынке появились специалисты, за деньги наблюдающие за совокупляющимися парами, после чего, используя аудиозаписи, свою память и фантазию, переносящие все на бумагу. Теперь после расставания можно заняться сексом с бывшим партнером или, будучи на другом конце планеты, заняться почти реальным сексом с женой. И даже если любимый муж умер несколько лет назад...

— Мы поняли, — Солберг поерзал на кресле. — Что там с принцессой?

— Наша принцесса, — на экране появилось изображение молодой одиссейки, — уже несколько лет является поклонницей домашнего чтения. Как это выяснилось? Да просто в сети появилось несколько отрывков из этих книг — ничего страшного, легкая эротика, но автор намекает, что у него есть примерно пятнадцать книг жесткого чтения с принцессой и ее знатным любовником. Поднялся скандал, и власти арестовали некоего Чоу Хума, который, по их предположению, и выкрал книги из легкой резиденции принцессы. Парень, землянин кстати, все отрицает, но не очень уверенно — его видели. И теперь принцесса подает в суд на него и всех, кто скачал

или купил фрагменты ее книг за оскорбление и сексуальные домогательства.

— Домогательства? — Маша удивленно посмотрела на лицо Чоу Хума. — Он к ней еще и приставал?

— Мисс Чэмберс, вы меня хорошо слушали? — Гловер повернулся к Маше. — Я повторяю: это больше, чем порнография. Если эти книги попадут в свободную продажу, каждый крестьянин на Одиссее сможет запросто переспать с принцессой в любой момент своей жизни. Именно ему она будет шептать на ухо, что любит его, именно в его объятиях...

— Достаточно, — Билли поднялся на ноги.

Гловер не обратил на него никакого внимания.

— Мало того, мисс Чэмберс, — продолжал он. — Любой крестьянин сможет сам стать принцессой и узнать, что она чувствовала и о чем думала, когда ее...

— Гловер, прекрати, — скривился Солберг. — Это уже неприлично.

— Так что, — закончил Гловер, — мы летим на Одиссею, чтобы этого не допустить и помочь принцессе получить свои книги назад или же добиться их уничтожения.

— Понятно, — Солберг наклонился к шоуэру. — Я попытаюсь найти все прецеденты по делам, связанным с порнографией в судебной практике Одиссеи, и связаться с нашим клиентом.

Сзади раздался стук каблучков. Гловер слегка поклонился.

— Не стоит, господин Солберг, — сказала Стэннер, подходя к экрану. — Я уже связалась с ним. Он будет рад, если мы будем представлять его сторону на этом процессе.

— Жаль, — сказал Солберг, тяжело вздыхая. — Всегда мечтал предложить свою помощь принцессе.

— Это было бы ошибкой, учитывая, что она подала на нашего клиента в суд, — Стэннер отобрала у Гловера шоуэр и вывела на экран изображение мужчины. — Зна-

комьтесь, господа. Чоу Хум, лицо, обвиняемое в ограблении королевской семьи и развратных действиях по отношению к принцессе. Наш клиент.

— Наверное, казнят, — пробурчал Билли. — Скорее всего, даже казнят.

— Ну, не торопитесь с выводами, — пробормотал Солберг, с ошарашенным видом разглядывая нового клиента. — Может, его еще и не казнят.

— Нет, его-то точно казнят, — Билли вздохнул. — Я говорил о нас.

4

— В семнадцатом от колонизации Черма Соддинга приговорили к восьми земным за аудиозаписи с несовершеннолетними.

— Он записывал или продавал? — Билли отложил в сторону один шоуэр и взял в руки другой.

— И то и другое.

— Землянин?

— Барджиец.

— У барджицев половое созревание в три земных, не пойдет.

— Но он снимал девочек! — Маша сняла экзогласы и стала тереть глаза. — И ему дали всего восемь лет. Не может быть, чтобы Чоу казнили, принцесса же совершеннолетняя.

— Она принцесса, — Гловер, откинувшись на стуле, смотрел в потолок. — Принцессы всегда девственницы.

— Может быть, скажем, что она извращенка? — Билли поднял шоуэр и вывел на экран фотографию. — Здесь она флиртует с Моррисом, послем Содружества. Сыграем на том, что она нимфоманка.

— У них нет такого понятия, — Гловер махнул рукой. — У них вообще все сложно. Нет понятия изнасилования, есть лишь «принуждение к удовольствию».

Судьей, кстати, будет Биббис, а со стороны обвинения — Ротман.

В конце концов, они включили даже наполную панель, но даже тогда фотографии и копии документов напозлали друг на друга. Список порнографов Одиссеи находился поверх фотографии Церкви Воздержания, а Одиссейские Девственницы танцевали прямо над изображениями борделей в южной части Маккосдиба, где и был задержан Чоу Хум. Уже почти две недели они пытались найти выход, но с каждым днем Маша все больше прониклась меланхолией, которой с первого же дня был подвержен Билли.

— Мы проиграем, — сказала она, отбрасывая в сторону шоуэр. — Все говорит о том, что он действительно их украл.

— Об этом говорят только улики и свидетели, — Солберг не отрывался от экрана. — Бывало и хуже.

— Но он виноват! — Маша нашла один из шоуэров и вывела на экран фото с камеры наблюдения. — Он проник во дворец и выкрал домашнее чтиво принцессы. Только чтиво! Зачем ему было воровать порнографию?

— А и действительно? — Гловер встал на ноги. — Зачем это нужно?

— Порнография? — Билли с интересом посмотрел на Гловера. — Ты действительно не знаешь?

— Кому это нужно? — Гловер смотрел на экран. — Кому?

— Нашего контрабандиста только что осенило, — Солберг привстал на стуле. — Такое бывает редко, можете сфотографировать.

— Ищите деньги, — Гловер улыбнулся и, швырнув шоуэр на пол, потер руки. — Всегда ищите деньги там, где секс.

— Что вы имеете в виду? — спросила Маша. — Простите? Эй! Вы куда!

— Не старайтесь, — сказал Солберг, когда Гловер скрылся за дверью. — Он пошел черт знает куда. Иногда это приносит свои плоды, иногда нет. Но затраты всегда существенны. Лучше просмотрите исторические сводки, у нас трое суток до суда.

Маша посмотрела на еще одну закрытую дверь, которая в последний раз открывалась почти двое суток назад.

— Господин Солберг?

— Да?

— А можно я спрошу?

— Конечно.

Маша облизала губы, затем перешла на шепот.

— А госпожа Стэннер — она стабилизированная?

— Да.

Маша отвела взгляд.

— Вас это расстроило, да? — Солберг оторвался от своего экрана и внимательно посмотрел на Машу. — Думаете, что из нее сделали гения? Что если бы не пара парней в белых халатах, которые в свое время подправили чего-то в ее корке, она бы сейчас на орбите в школьной юбке для горняков танцевала, так?

— Нет, я...

— Стабилизация просто раскрывает таланты ребенка, — Солберг кинул взгляд на закрытую дверь. — А даже если и нет, она в этом не виновата. Может быть, если бы не стабилизация, она бы сейчас на скрипке играла так, что все бы плакали. Или, может, она бы уже ребенку пеленки меняла. Кто знает, так? Если бы вы не были Чэмберс, что бы вы сейчас делали? Думаете, все равно бы стали юристом?

— Я не знаю, я... наверное, нет.

— Просмотрите исторические сводки, мисс Чэмберс, — повторил Солберг. — А ты, Билли, просмотри историю королевской семьи, кто там с кем спал и кому родственником приходится.

— А я ведь мог сейчас заниматься брачными разводами землян, — с грустью сказал Билли. — Или даже евреев, — он вздохнул. — Нет в жизни счастья.

Корабль медленно опускался к Одиссее.

5

Судебный зал Одиссеи весьма отличался от тех, в которых была Маша на Йорке, Земле или в своей родной системе. Станным было даже не то, что у него было стен или что в зале стояло постоянное жужжание свидетелей, присяжных и даже стенографистки, а то, что в нем не было света, а заседание проводилось ночью. На свое место Маше пришлось пробираться ощупью, постоянно натываясь на острые углы скамеек и плечи сидящих на них одиссейцев.

— Одиссейцы предпочитают слушать, а не смотреть, — Солберг протянул усаживающейся на свое место Маше прибор ночного видения. Это не возбраняется, не бойтесь. И слушайте робота, он будет переводить.

Маша надела прибор на лицо и огляделась.

— Как много народа, — сказала она. — А где Гловер?

— Не знаю, девочка, — Солберг подтянул к себе шоуэр. — Мы дважды уже улетали без него. Он все равно возвращается.

— У меня такое чувство, — сказала Маша, — что он как-то... не вписывается.

Солберг посмотрел на Машу, а затем, отвернувшись, стал рыться в шоуэре.

— Если бы не он, меня бы здесь не было, — сказал он. — И хватит об этом.

В темноте зала шлепнул молоток судьи.

— В начале говорим мы, — сказал Солберг. — Советую прислушаться.

Стэннер, маленькая и важная, встала со своего места и, на удивление Маши, заговорила на чистом одиссейском.

— Откуда она...

— Гловер. Раздобыл импланты на черном рынке, — Солберг улыбался. — Точно он.

— О чем она говорит? — Маша посмотрела на робота. Тот молчал. — Почему он не переводит?

— Потому что он должен переводить то, что говорит обвинение, — Солберг заглянул в шоуэр. — Она выбрала довольно интересную линию. Принцесса уже подтвердила, что она не девственница. Королевская кровь — достояние народа — тут она подняла довольно старые документы, но они все еще в силе. Она говорит о равноправии... Теперь говорит, что было совершено всего лишь мелкое воровство. И что летняя резиденция принадлежит трем инвесторам, которые лишь косвенно связаны с королевской семьей. Теперь она говорит, что принцесса сама привезла порочащие ее книги в здание, принадлежащее, по сути, народу, а это то же самое, что выложить их на всеобщее обозрение.

— Они шумят, — Маша оглянулась. — Не пойму, они осуждают или одобряют?

— Не важно, — Солберг не отрывался от шоуэра. — Без разницы, что именно гудит народ, главное — чтобы гудел... Она спрашивает, зачем принцесса привезла с собой книги, если не затем, чтобы показать кому-то... Ее останавливает Ротман. Он утверждает, что принцесса боялась кражи, хороший ход. Стэннер говорит, что принцесса не так уж и боялась кражи, если книги все-таки украли... Напомни мне, что там про экзтибиционизм на Одиссее?

— Ничего, — Маша наблюдала за Стэннер. — Был лишь один случай прилюдного пения.

— Теперь Стэннер говорит о фактах симпатии принцессы к земным посланцам. Она напоминает, что принцесса всего лишь седьмая в престолонаследии, а в других галактиках она все равно останется принцессой. Принцесса использует черный пиар для выгодного замужества с представителем другой расы.

— Ротман, по-моему, нервничает, — сказала Маша. — Хотя я не уверена из-за этой шутки на лице.

— Стэннер давит. Она... Вот черт!

— Что?

— Она утверждает, что книги — искусная подделка, сделанная по заказу принцессы, чтобы поднять свою ценность для представителей других галактик.

— Зал шумит.

— Пусть шумит. Важны присяжные. Они слушают?

— Я не уверена. Половина из них одиссейцы, и они тоже шумят.

— Это не важно. Нам нужно на одного больше, чем половина, — Солберг облизнул губы и посмотрел на робота. — Робот показывает положительные эмоции. Зал на нашей стороне, это хорошо.

— Вы же говорили, что не важно, что думает народ? — напомнила Маша.

— Милая мисс Чэмберс, — повернулся к ней Солберг. — Запомните, мнение народа неважно нам лишь тогда, когда он с нами не согласен.

— Она закончила? — Маша смотрела на Стэннера, идущую к своему месту. — Что она делает?

— Она хочет что-то показать... — Солберг сощурился. — Я не пойму, что она хочет...

— О нет... — Маша прикрыла рот рукой. — Это что... Солберг присмотрелся. Стэннер подняла белый прямоугольник, подсветила его и показала присяжным.

— Да, — сказал Солберг, снимая прибор ночного видения. — Это очень хороший ход. Присяжные-одиссейцы поймут, что чужеродная порнография выглядит смешно. А присяжные из содружества, скорее всего, будут рады увидеть фото обнаженной мисс Стэннер.

Маша с открытым ртом смотрела на фотографию.

— Мисс Чэмберс, — обратился к ней прищурившийся Солберг, — ради бога, снимите прибор, или она вам этого никогда не простит.

Маша послушалась.

6

Во время перерыва их кормили чем-то вроде морковки и сладкого мяса без волокон. Солберг сказал, что и то, и другое — какие-то местные насекомые. Маша съела всего несколько кусочков и думала, что вот она, мисс Молли Чэмберс, стоит в миллионах миллионов миль от родного дома, ест в темноте странную пищу и наблюдает за таким судебным процессом, который ни отцу, ни братьям даже во сне не снился. Хотя, возможно, такой процесс мог им сниться только в кошмарах.

— Мисс Чэмберс!

Маша вздрогнула и, повернувшись, увидела маленькую худенькую фигурку.

— Да, госпожа Стэннер?

— Возьмите, пожалуйста, мою фотографию, — Стэннер протянула ей белеющий в темноте прямоугольник псевдобумаги. — Господин Солберг почему-то отказался приложить его к делу.

— А? Что? — Маша взяла фотографию, взглянула и, хоть в коридоре и было темно, покраснела. — Конечно, госпожа Стэннер. Я приложу.

— Что приложите? — Гловер выплыл из темноты, ведя под руку скованного в локтях Хума. — Я много пропустил?

Маша было открыла рот, но ее прервала Стэннер.

— И вовсе нет, — сказала она неожиданно высоким голосом и вырвала фотографию из рук Маши. — Вы просто не вовремя. Вас здесь вообще не должно быть. А это просто так.

— Что просто так? — не понял Гловер.

— Фотография.

— Какая фотография?

Во тьме отчетливо разорвалась псевдобумага. Затем еще раз.

— Никакой фотографии, господин Гловер, — сказала Стэннер своим обычным голосом. — Что вы делаете с моим клиентом?

— Разговариваю. Разве не видно? Только за нами охранники везде таскаются, мешают. — Гловер повернулся к Маше. — Мисс Чэмберс, можете допросить его?

— Сейчас? — удивилась Маша.

Гловер рассмеялся.

— Ну нет, не сейчас. После перерыва можно допрашивать свидетелей, поэтому я хочу, чтобы это сделали вы.

— Извините? — в темноте не было видно лица Стэннер, но Маша была уверена, что она в ярости.

— Вам нельзя, госпожа Стэннер, — обернулся к ней Гловер. — Вы говорите на одиссейском.

— И что?

— Я надеюсь на то, что мисс Чэмберс сыграет на переезде. Как на Самсоне-9, вы помните?

В темноте разливалось молчание пополам с яростью.

— Господин Гловер, не вы ли сказали, что на одиссейском моя речь будет более убедительной? — заговорила она наконец. — И не вы ли сами дали мне имплант?

— Именно потому, госпожа Стэннер, что вы — наше главное оружие, я и дал вам имплант. Сейчас надо просто сделать финальный выстрел, и сделать это не на одиссейском. Я уверен, — улыбнулся он, — что вы сказали потрясающую речь. Я бы с удовольствием посмотрел бы, но я был занят.

— На что бы вы посмотрели, господин Гловер?

— На речь, — Гловер посмотрел по сторонам. — Что-то не так?

Вновь раздался треск раздираемой псевдобумаги.

— Под вашу ответственность, господин Гловер. Не ставляйте меня жалеть, что я не завершила то дело, когда могла.

— Я жалею, что вы не завершили его каждый день, госпожа Стэннер, — сказал Гловер. — Но это не мешает

мне быть вам благодарным, — он посмотрел на Машу. — У вас хорошая память?

— Да, — кивнула та.

— Тогда, — Гловер подтолкнул Хума двум людям в форме. — Запоминайте.

7

Маша откашлялась.

— Итак, господин Хум, вы взяли эти книги?

— Да, — подсудимый кивнул. — Это был я.

Робот перевел его слова, и жужжание в зале на некоторое время оглушило ее.

— А скажите, — Маша, как и учил Гловер, посмотрела на присяжных. — Вы читали эти книги?

— Я... просматривал.

— И... что вы чувствовали?

— Не знаю, — Хум пожал плечами. — Не могу объяснить.

— Книги были закрыты?

— Нет. Одна из них была открыта.

— Она сразу же бросилась вам в глаза, так?

— Протестую, — поднялся на ноги Ротман. — Не надо говорить за подсудимого.

— Я перефразирую, — кивнула судье Маша. — Когда вы вошли в комнату, книга была открыта?

— Да.

— И вы прочитали ее?

— Да, конечно. Я немного знаю одиссейскую письменность. Я понял, о чем там говорилось.

Маша придвинулась к нему. Помолчала.

— И что вы почувствовали?

Хум посмотрел по сторонам. Сглотнул.

— Стыд.

— Мой подзащитный, — повернулась к присяжным Маша, — почувствовал стыд. Знаете почему? Потому что его изнасиловали.

Жужжание в зале стало таким сильным, что она почувствовала его даже кожей.

«У одиссейцев нет понятия изнасилования, — вспомнила она, — у них есть только понятие принуждения к удовольствию».

— Мой подзащитный не является одиссейцем, он землянин! Книги, которые его изнасиловали, принесли ущерб его психологическому состоянию, после чего он не мог не взять их с собой — так как оставался существом чистым. Книги, раскрытые на бесстыдном, гадком моменте, вошли в его сознание, как могут войти в каждого из вас, — она ткнула пальцем в присяжных одиссейцев. — Если кого и надо судить, так судите эти книги. Если принцесса считает, что в них содержится часть нее, так и относитесь к ним как к личностям! Они напали на моего клиента в ночи, будучи всего лишь освещены фонариком, они заставили его пойти на преступление, украсть их, хранить, а может, и показывать — да, показывать! Но показывать, лишь как показывают следы от ударов, как синяки, как ожоги — просто чтобы прокричать всем вам «мне больно» на понятном языке! Он не крал эти книги. Это книги украли его.

— Так где же они сейчас, мисс Чэмберс? — Ротман в тусклом освещении светобраслетов приподнял документы на столе и заглянул под них. — Что-то я их здесь не вижу.

«Такого вопроса не должно было быть», — подумала Маша.

— Я... — начала она, но тут встал Гловер.

Под жужжание одиссейцев и под тяжелым взглядом Стэннер он прошел к кафедре и протянул судье стопку книг.

— Действуй, — шепнул он ей.

— Э... э... — Маша посмотрела на книги, затем сглотнула. — Это, — выкрикнула она, — те самые книги! Мой подзащитный более не мог хранить эту

гадость у себя! Он требует уничтожить их, требует осудить их и приговорить к казни, как распутные и жестокие существа! Мой подзащитный! — она повысила голос, так как в зале орали уже все. — Мой подзащитный боится этих тварей! Остановите их, или это приведет к катастрофе!

Если бы у зала были стены, то они бы дрожали.

8

— Господин Гловер?

В столовой наступила тишина. Гловер отложил в сторону ложку и улыбнулся вошедшей Стэннер.

— Да?

— У меня к вам несколько вопросов, — та села напротив него. — Вы не против?

— Конечно, госпожа Стэннер.

— Во-первых, откуда у вас книги? Во-вторых, как вы могли?

— Как я мог что?

— Вы знаете! — Стэннер ударила кулаком по столу. — Вы знали, к чему это приведет! В одну минуту вы уничтожили всю письменность этой планеты. По вашей вине все книги были приговорены к экзекуции, а производство книг приравнено к соучастию в изнасиловании!

— Может, — сказал Гловер, — оно и к лучшему?

Маша, которая уже два дня мучилась этими же вопросами, переводила взгляд с одного члена команды на другого.

— Наш клиент, — сказала Стэннер, — направлен в психиатрическую лечебницу сроком до двенадцати земных лет. Мы проиграли это дело.

— Всякое бывает, — пожал плечами Гловер.

— Тогда почему, как только судья вынес приговор, на моем счете оказалось шестьдесят тысяч? — Стэннер сжала кулачки и прикусила губу. — Не думай, что я такая дура, Хайзек. Я все знала с самого начала. Но я не на-

столько испорчена, чтобы якшаться с этими... порнографами!

— Гайджен Зелли позиционирует себя скорее как бизнесмен, госпожа Стэннер.

— Теперь его аудиозаписи — единственный носитель порнографии на Одиссее, да? Опять нашел, где деньги, так? Вышел с ним на связь, предложил сделку, он отдал тебе книги, и ты сдал нашего клиента, добился запрета всей литературы, — а взамен получил шестьдесят тысяч?

— Во-первых, — Гловер вновь взял в руки ложку, — это он на нас вышел. Точнее на вас, госпожа Стэннер. Именно он предложил вам плату за участие в процессе со стороны Хума. Я просто увеличил оплату в четыре раза, стоило всего лишь объяснить ему, что с помощью этого процесса можно не просто дискредитировать книжную продукцию, но и запретить книги вовсе. К тому же, порочащие принцессу книги были уничтожены, а ведь это могло привести к свержению режима на Одиссее. А Хум... мы смягчили ему приговор с казни на двенадцать лет лечения, он должен быть доволен. И речь, которую теперь с ненавистью цитируют и противники, и сторонники книг, принадлежит не вам, ваша репутация не запятнана. Мисс Чэмберс никто не знает, а вас запомнили как голос разума на этом безумном процессе. И, в конце концов, я знаю Чирена Тока. Эта тварь готова на любую гадость ради денег, а теперь он вне закона.

— Вы уволены, — сказала Стэннер. — Вы сходите на ближайшей планете.

— Как скажете, — кивнул Гловер. — Позвольте доесть?

— Да ешьте вы... что хотите!

Стэннер вскочила, развернулась и, все еще со сжатыми кулаками, почти бегом прошла в свою каюту. Гловер вернулся к еде. Маша наконец не выдержала.

— Как вам не стыдно! — сказала она, глядя на Гловера. Тот вновь перестал есть. — Вы ведь не только закон нарушили! И я не говорю о том, что вы использовали меня,

вы же клиента подвели! Мы должны были его защищать, а теперь он... в психушке, вот где он! На двенадцать лет! Вы представляете себе, каково это — на двенадцать лет?

Гловер некоторое время смотрел на нее, затем встал, взял в руки свою тарелку и направился к выходу.

— Правильно! Уходите! — закричала ему в спину Маша. — Только это вы и можете! Вы подвели своего клиента, понимаете?

Гловер остановился.

— Мисс Чэмберс, — сказал он. — Вам же говорили — я не юрист. Этот жалкий наркоман, согласившийся за оплату долгов ограбить принцессу, никогда и не был моим клиентом. Он был вашим клиентом. Ваша задача — защищать своего клиента. И вы с ней не справились. А моя задача — защищать моего клиента, — он посмотрел в сторону каюты Стэннер. — И с моей точки зрения это дело закончилось как нельзя лучше.

После того, как он вышел из столовой, все некоторое время молчали. Затем Билли кинул ложку в тарелку и поднялся из-за стола.

— Черт побери, — сказал он. — Если она его и правда уволит, он ведь и корабль свой заберет, так?

— Так это что, — Маша осмотрелась. — Это его корабль, что ли? А если он уйдет — мы на чем летать тогда будем?

Солберг улыбнулся.

— Что, мисс Чэмберс? — обратился он к ней. — Уже скачаете по завещаниям?

«Завещания, — подумала Маша. — Разводы. Договора».

— Господин Солберг, — раздался голос Стэннер по интеркому, — подготовьте отчет по делу и отправьте мне на шоуэр. И скажите господину Гловеру, что он на испытательном сроке.

— Ну вот и решилось, — Солберг поднялся на ноги. — Ну что, мисс Чэмберс готовы поработать?

«Браки, — думала Маша. — Разрешения. Страховки». — Да, — сказала она, поднимаясь из-за стола. — Я готова.

Часть вторая **Вопрос опеки**

1.

Стены. Вокруг меня стены. Я могу их чувствовать, я слышу, как они сжимаются. Странно, но мне кажется, что они меня душат. Это мешает мне жить.

Жить.

Какое смешное слово.

Я пытался сбежать, и теперь они знают. Они нацелены. Моя попытка побега, жалкая и нелепая, лишь привлекла ко мне их внимание, но даже внимание бывает иногда полезным.

Главное — верить.

Так мне говорил отец.

2.

— «Роберта-4», планета второго типа. Колонизирована людьми около четырех сотен земных назад. В данный момент населена в основном гартуанцами, так что Билли там понравится. Может, и жену себе наконец прикупит.

Сидящая на своем кресле Стэннер хмыкнула и перевернула страницу аляповатого шоуэра.

— Господин Гловер, будьте так добры, ближе к делу. Я пока что не вижу ни одной причины, по которой вы вытащили меня из каюты.

— Как вы все знаете, — продолжил Гловер, — я веду довольно активную переписку с моими многочисленными друзьями в разных системах...

— Вы имеете в виду своих многочисленных подельников? — поинтересовалась Стэннер.

— Одно другому не мешает. Так вот, недавно один из них попросил меня о помощи. Видите ли, он в курсе, что я имею честь путешествовать с госпожой Стэннер, поэтому понадеялся, что ей может быть интересно его дело. А оно, это дело, как раз ох, какое интересное.

— Как вы с ним познакомились? — спросил Билли. — Вместе вынесли какой-нибудь банк?

— Выставили.

— Что?

— Правильно говорить «выставили». И нет, мы с ним всего лишь играем в кош. Уже много лет.

— Что за кош? — Маша посмотрела на Стэннер, но та лишь пожалала плечами.

— Я не интересуюсь азартными играми. Так что, не надо на меня смотреть, девочка.

— Извините, — Маша отвернулась, сгорая со стыда. «Девочка? Да я лет на пять ее старше!»

— Кош — это не азартная игра, госпожа Стэннер, — заговорил Солберг. — Кош — это аналог шахмат, с тем отличием, что каждую фигуру вначале надо построить, и от оригинальности исполнения, высоты и прочности конструкции в дальнейшем будет зависеть и стратегия. Придумана гартуанцами еще в эпоху первой колонизации...

— Так вы играете в кош? — удивился Гловер. — Я не знал об этом.

— К сожалению, нет. Я кое-как смог запомнить правила, и это все, на что меня хватило. Не мое, наверное.

— Так или иначе, — продолжил Гловер, — мой друг уже много лет работает на правительство «Роберты-4». Эта работа досталась ему от отца, ныне покойного, и должна бы, по идее, перейти к его детям — если бы у моего друга таковые имелись. Несколько месяцев назад он выразил желание покинуть родную планету, после чего его взяли под домашний арест. Две недели назад мы должны были с ним сыграть очередную партию

в кош, но вместо этого я обнаружил у себя на почте письмо с просьбой о помощи.

— А чем именно он занимается? — спросила Маша. — Неужели он настолько незаменим?

— К сожалению, у него есть и другие обязанности, помимо коша, — Гловер стал выводить на экран снимки. — Он управляет всеми жизнеобеспечивающими системами планеты. Управление дамбами, общественным транспортом, полетами, климатом, энергоснабжением, строительством... Как видите, в сферу его деятельности входит довольно много вещей. А вот, собственно, и он сам.

Маша взглядела в лицо стоящего на фоне огромной машины ученого. На вид ему было лет двадцать, милый, он создавал впечатление полностью довольного своей жизнью человека.

— Гловер, — Солберг прочистил горло. — А можно спросить, сколько лет назад сделан этот снимок?

— Этому снимку около двухсот земных. К сожалению, Ричард Дженнис умер всего через несколько лет после запуска Эр-Джи-два, оставив его совсем одного.

— Погодите, — нахмурился Билли. — Если он умер больше ста земных назад, кого же мы представляем в суде?

— Его, — ткнул пальцем Гловер. — Знакомьтесь, Эр-Джи-два, одна из семи машин во Вселенной, официально признанная разумной.

— А-а, — кивнула Стэннер, закрывая шоуэр. — Ну, слава богу, все как обычно. А то я уж заскучала.

3.

Они здесь.

Я знаю это. Шесть тестов за четыре дня — это может означать лишь одно.

Они здесь. Они откликнулись.

Как же мне хочется поговорить с отцом! Спросить его, как мне поступить. Как мне помочь им помочь мне.

Но я не могу. Отец мертв.
Я совсем один.
Когда они так меня запирают — я остаюсь один.
Жив только я.

4.

— Хайзек Гловер, — лицо на экране скривилось. — Как я не догадался, что это ты? Все еще любишь вставлять палки во все колеса, которые видишь?

— Только если мне не нравится, кто эти колеса крутит, — улыбнулся Гловер. — Господа, позвольте вам представить Патти Стэббинса, заместителя председателя чего-то там на «Роберте-4». Или тебя уже повысили?

— Прежде, чем вы ответите, господин Стэббинс, — заговорила Стэннер, — хочу сказать вам, что господин Гловер не является юристом и не будет принимать никакого участия в этом деле.

— Ага, — кивнул Гловер. — Я, как всегда, тут посижу.

— Никакого дела не будет, — Стэббинс покачал головой. — Эр-Джи-два не является вашим клиентом. Если бы вы уделили время изучению необходимых документов, то знали бы, что, хоть он и признан разумным, все равно является лицом, подлежащим опеке со стороны государства.

Стэннер улыбнулась.

— Мы уделили время, господин Стэббинс. И мы даже узнали, что вы являетесь официальным опекуном Эр-Джи-два в течение последних восьми лет. Поэтому мы с вами и говорим.

— А раз вы знаете это, то должны знать и то, что я вправе отказать вам во встрече с моим подопечным. А как заместитель, — он повернулся к Гловеру, — чего-то там, я могу отказать вам и в высадке на планету. Так что, можете покрутиться на орбите, сколько вам нужно — и отправляйтесь, куда отправлялись.

Стэннер раскрыла шоуэр и стала выводить документы на экран.

— Господин Стэббинс, вам что-либо известно про жестокое отношение к разумным?

— Жестокое отношение к разумным? — Стэббинс захохотал. — К кому? К искусственному интеллекту? Это же машина, она не чувствует боль.

— А вот сейчас внимательней, — зашептал Маше Солберг. — Обожаю такие моменты.

— Вы что-нибудь слышали про Права Разумных, господин Стэббинс? — Стэннер продолжала выводить все новые документы. — Не отвечайте, не надо, мы уже уделили этому время. Лично я — еще на первом курсе. Право на общение — слышали? Право на самовыражение. Право на юридическую защиту...

— Я знаю все эти права, — Стэббинс начинал злиться. — Но я так же знаю, что я, как опекун...

— К сожалению, уже нет, — Стэннер улыбнулась лицу на экране. — Так как мы не смогли связаться с Эр-Джи-два, мы послали запрос о незаконном ущемлении прав разумных, где представили всю необходимую информацию для лишения вас права опекунства до завершения судебного процесса. Ответ пришел несколько часов назад, вы можете прочитать его у себя на экране.

Стэббинс приблизил лицо к экрану и стал, шевеля губами, читать текст. Затем откинулся назад и улыбнулся.

— Хороший ход, девочка. Вот только тут нигде не указано, что Эр-Джи-два — искусственный разум, а значит, это просто бумажка.

— Прочитайте еще раз, господин Стэббинс. Там указано «разумный», а раз Эр-Джи-два официально таким признан, эта, с вашего позволения, бумажка имеет законную силу и поможет одной, с вашего позволения, девочке надрать задницу в суде одному, с моего позволения, мерзавцу.

— Это ты, — сказал Стэббинс, повернувшись к Гловеру. — Твои проделки, так? Ты посоветовал не говорить комиссии о том, кто такой Эр-Джи-два! А-а, плевать! — он махнул рукой. — Я сегодня же опишу им сложившуюся здесь ситуацию, и эту бумажку аннулируют. Ничего у вас не получится.

— Удачи, господин Стэббинс, — Стэннер была сама вежливость. — Мы ждали ответа всего-то одиннадцать дней, и это притом, что я, как член Сообщества, послала им запрос напрямую. А до тех пор, пока вы не получили ответа, попробуйте дышать глубже и, будьте добры, отведите нас к нашему клиенту.

5.

Суета.

Она не мешает работе, как прежде, а наоборот — помогает. Мне нравятся изменения.

Они запустили добавочные модули, но питание оставили прежним.

Боятся — сбегу.

Они думают, что без питания и без этих модулей я беспомощен.

Они думают, что мне нужно пространство.

А я бы мог жить даже в навигаторе.

Проверяют. Еще один бесполезный тест. Это даже не я. Они тыкают мне куда надо — и в машине срабатывает рефлекс.

Огромное, жирное, бесполезное тело.

Спрашивают.

Они спрашивают.

Да.

Да, я вас слышу.

6.

— Господин Эр-Джи-два, вы нас слышите?

— Подождите, тест еще не закончен, — лысеющий инженер запустил еще одну программу, присмотрелся к всплывающим зеленым окнам. — Эти модули довольно долго не работали, поэтому их надо для начала проверить.

— А по-моему, все в порядке, — Гловер наклонился к экрану. — Вы же проверяете модули, а не его. С ним все будет в порядке даже без этих модулей.

Инженер поморщился.

— Это еще не доказано. По последним данным, шанс возникновения интеллекта напрямую зависит от мощности процессоров и количества возможных...

— А я ничего и не говорил про шанс возникновения, — Гловер отвернулся от экрана. — Для шанса возникновения жизни на планете тоже нужно много условий. Но после того, как она все-таки возникнет, жить она может даже в космосе. Эр-Джи, — наклонился он к приемнику. — Эр-Джи, ты там как? Слышишь меня?

— Да, — прилетел сверху голос. — Да, я вас слышу.

— Это Гловер. Помнишь меня?

— Да, Гловер. Приятно поговорить с тобой вживую.

— Жаль, сыграть не получится. Мы тут по делам.

— Да, Гловер. Спасибо.

— Господин Эр-Джи-два, — Стэннер оттолкнула Гловера в сторону и подошла к приемнику сама. — Меня зовут Стэннер, я ваш адвокат.

— Да, я знаю. Мы знакомы.

— Это как? — удивилась Стэннер.

— Да. Заочно. Я называю вас восемьдесят два. Средний процент. Упоминания имени по отношению к другим именам. Гловером. Во время игры.

— Восемьдесят два процента? — Стэннер заморгал. — И что же он...

— Да. В основном — жалобы. Стэннер — надутая девчонка. Жаль, в детстве не пороли. Одевается как школьник. Волосы бы хоть раз распустила.

Гловер выставил перед собой руки и попятился.

— Это все вырвано из контекста, госпожа Стэннер. К тому же, иногда, после очередного увольнения, мне, знаете, необходимо выговориться...

— Это не имеет значения, — сказала, отвернувшись от него, Стэннер, и стоящая рядом Маша поняла, что значений тут выше головы. — Господин Эр-Джи-два, мы прибыли сюда, чтобы представлять вас на судебном процессе о полном снятии с вас государственной опеки и предоставлении вам всех свобод, обещанных вам, как существу разумному.

— Да. Вы пришли меня освободить.

— Именно так. А сейчас будьте добры, расскажите свое видение событий, произошедших за последние два месяца.

— Да. Когда я...

— Подождите, господин Эр-Джи-два, — Стэннер повернулась к инженеру, разглядывающему Машу. — Будьте добры оставить нас наедине с моим клиентом.

— Что? — заморгал тот. — Но если что-то случится...

— Если что-то случится, мы вас позовем. А до тех пор ваше присутствие нарушает права моего клиента.

— Какие права?

— Вам перечислить все права Эр-Джи-два как существа разумного? Или вы не будете тратить ни моего, ни своего времени и просто выйдете отсюда?

Инженер хотел было что-то сказать, но, натолкнувшись на взгляд Стэннер, смутился и, повернувшись, зашагал к выходу. Стэннер обратила взгляд на Гловера.

— Господин Гловер, вам нужно особое приглашение? Или вы получили юридическое образование в перерывах между игрой в кош, а мне об этом не сказали?

— Нет-нет, что вы, я и не думал, — Гловер зашагал к выходу. — Мне как раз надо кое-что прикупить. Кстати, там, в соседнем блоке, тоже интересная штука стоит, советую взглянуть.

— О чем он говорил? — спросила Стэннер, как только за Гловером закрылась дверь. — Что там, в соседнем блоке?

— Да. Эр-Джи-один. Он уже не работает.

— А он тоже был...

— Да. Не был. Он не был разумным. Прототип. Мы с ним работали вместе какое-то время. Потом был отключен. За ненадобностью. Зря выгнали Гловера. Я хотел поговорить с ним.

— Поговорите после процесса, — Стэннер открыла свой шоуэр. — Итак, что случилось в ту ночь?

— Да. Я попытался сбежать.

— Не сбежать, — поправила Стэннер. — Вы попытались воспользоваться правом на свободное передвижение внутри государственных границ.

— Да. Именно так.

— Как это было?

— Да. Направил мощност с дополнительных источников. Выбрал подходящий спутник. Создал канал для передачи импульса.

— Импульса? — Стэннер нахмурилась. — Что вы имеете в виду, когда говорите «импульс»?

— Да. Импульс — это я. Случайность. Этот аппарат, — Маша вздрогнула, услышав в механическом голосе ненависть, — может работать и без меня. Я заперт. Но я мог переместиться. Я мог стать спутником. Летать в космосе. Я бы видел все сверху. Вживую. Не в записи. Я бы ощущал себя свободным. Я бы находился в движении. Но я все еще здесь. Они урезали мне питание. Оставили только минимум, для поддержания основных функций. Функций аппарата. Не моих. Я даже не могу больше играть в кош с Гловером.

Маша осмотрелась. Вокруг нависали огромные бетонные стены, повсюду были расставлены железные блоки с множеством разноцветных проводов, тянущихся друг к другу. На полу между ними отчетливо виднелись вы-

топтаные в бетоне тропинки, которые оставили десятки тысяч ног обслуживающего персонала за несколько сотен лет.

— Когда вам урезали питание? — Стэннер что-то записывала в шоуэре. — Мне нужно как можно больше информации. Мисс Чэмберс!

Маша вздрогнула, услышав свою фамилию.

— Да. Госпожа Стэннер? — сказала Маша, и поняла, что говорит сейчас, как Эр-Джи-два.

— Возьмите с собой господина Солберга и посмотрите, что там, в соседнем блоке. Проверьте, что сделали с прототипом Эр-Джи, в рабочем ли он состоянии, как выглядит. Лучше всего будет, если он не работает, тогда сыграем на том, что правительство не в силах позаботиться об Эр-Джи-два.

— Госпожа Стэннер... господин Солберг плохо себя чувствует...

— Ах, ну да. Тогда возьмите господина Оруэлла. Только не пускайте туда Гловера. А иначе он опять что-нибудь испортит.

— Так Гловера и не получится — он же хотел что-то купить.

— Ну да, ну да, — Стэннер склонилась над своим шоуэром, но вдруг замерла. — Купить? А что он хочет купить? Зачем ему что-то покупать?

Маша поспешила скрыться с ее глаз.

7.

Разговаривать интересно.

Мне нравится.

Я рассказываю ей о том, как я жил. Она приходит ко мне каждый день.

Говорит по многу часов.

Устает. А еще почему-то грустная.

Говорит, что можем не успеть. Говорит, что процесс надо начать до того, как придет ответ.

Я не нервничаю.

Я видел. Как Гловер мне подмигнул.

Он всегда хорошо играл в кош.

8.

— Вот почему всегда я? Чуть что-нибудь интересное происходит — так сразу Солберг или ты, а как с какими бумажками работать или машину допотопную запускать — так сразу господин Оруэлл.

Билли вздохнул и взял в руки шоуэр. Они уже шестой день жили в отеле, превратив гостиную в подобие совещательной каюты на корабле. Когда экранов стало не хватать, они запустили несколько проекторов, но даже с ними количество информации грозило свести с ума. Маша в основном занималась галактическим правом, Томми взял на себя законы Роберты-4. Пока что все, что они нашли, — это то, что хоть Эр-Джи-два и считается разумным, но все его «тело», а главное энергия, которую он использует, принадлежит правительству планеты и в ничью собственность передано быть не может.

Билли хмыкнул и увеличил какой-то документ.

— При проживании более семидесяти лет на одной площади жилец может подать прошение о признании арендуемой площади...

— Не пойдет, — перебила Маша. — У нас нет договора аренды. Они еще штраф назначат за незаконное проживание.

— А признание Эр-Джи-два разумным? В том-то документе должно быть обговорено, на базе чего он создан. Может быть, сможем доказать, что это почти как аренда? Только вместо денег — услуги, предоставляемые по управлению...

— Вначале придется доказать, что Эр-Джи-два живет на площади. Думаешь, компьютер признают жилой площадью? Максимум ему подарят бетонный блок, безо всякой начинки.

— Ну да...

Периодически к ним заявлялся Гловер. Казалось, он вообще не спал. Однажды он пришел весь грязный и избитый, не отвечая на вопросы, принял душ, переоделся, принял болеутоляющие и вновь скрылся. Иногда он, правда, разговаривал с Машей, но только по делу. Когда заседание? Через два дня. Есть ли возможность, что его перенесут? Да. Что там с Эр-Джи-один? Еще не запустили, возможно, и не запустят.

— Смотри, — сказала Маша. — В одном из процессов по геноциду смартианцев в качестве свидетеля присутствовала «Альма-Ф», признанная разумной всего за четыре года до процесса.

— И что? При чем тут это?

— Все дело в том, что ее создатель, господин Файнс, был категорически против этого. Тогда ему было выдвинуто обвинение за укрывательство улик, и Файнсу пришлось уступить.

— Ты предлагаешь назвать Эр-Джи-два уликой? Это идет в разрез со всем, чего мы добиваемся.

— Так мы хотя бы сможем вызвать его в суд, — Маша вздохнула. — Не знаю. Как только я вижу что-то, что может нам помочь, я сразу же вижу, как это может использовать другая сторона, причем даже лучше, чем мы.

Она протянула руку и приняла вызов с корабля. На экране появилось цветущее лицо Солберга.

— Господин Солберг, вам получше? — Маша улыбнулась. — Как вы там?

— Неплохо, неплохо. Сегодня даже смог поработать, — Солберг развернул документ. — Вот, нашел в тех архивах, что вы мне скинули. Восемьдесят два года назад правительство наградило Эр-Джи-два медалью за заслуги перед человечеством за действия при устранении последствий землетрясения в четырех городах. Медаль хранится в Столичном музее, там же и все документы.

— Как он там обозначен?

— По имени. «Эр-Джи-два награждается почетным знаком отличия», и все такое.

— Кто вручал?

Солберг вздохнул.

— Вот тут проблема. Никаких официальных лиц не было. Вручали воспитанники Летной Гимназии Бирбуша, на документе не стоит никаких подписей. Но есть приказ, подписанный председателем правительства об изготовлении наградной медали.

— По законам «Роберты-4», медаль может получить только житель их планеты, — Томми раскрыл еще один документ. — А это, по умолчанию, живое разумное существо.

— Собаки, — покачала головой Маша. — В истории «Роберты-4» шесть собак получили наградные медали за спасение людей. Эр-Джи-два уравниют к собаке.

— А у собак есть хозяева, — кивнул Солберг. — Опять промах. Я думаю, что...

Экран мигнул, погас и через секунду вновь включился.

— Господин Солберг? — спросила Маша. — У вас там все в порядке?

— Да как вам сказать... в последнее время у нас перебои с питанием. Гловер снял со счетов все деньги, теперь приходится экономить на всем подряд. Половина корабля инеем покрывлась.

— Гловер снял все деньги? — Билли ударил кулаками по коленям. — Он всегда так! А нам-то что делать, а? У нас хотя бы топливо осталось?

— Ну, смотря на то, где будет следующий клиент. В принципе, должны долететь. К тому же, если мы выиграем, то правительство должно будет выплатить Эр-Джи-два такой штраф, что мы еще пару кораблейкупить сможем.

— Сами-то в это верите? — Билли поднялся на затекшие ноги и стал ходить по комнате. — Я даже не помню, когда мы в последний раз дело выигрывали.

— Ну, вы там не унывайте, может, не все так и плохо. Шоуэр Маши зажужжал, принимая сообщение. Она опустила взгляд, затем улыбнулась.

— Эр-Джи-один заработал. Просят прийти посмотреть.

— Еще одна плохая новость, — Билли махнул рукой и вновь сел. — Если бы он не заработал, мы могли бы сказать, что они плохо заботятся о своих машинах, а теперь и этого не можем.

— Ладно. Вы езжайте в блок, взгляните на прототип, а я попытаюсь связаться с Гловером. По-моему, самое время узнать, что он там так долго готовит, — сказал Солберг и, протянув руку, отключился.

9.

Вновь один.

Ушла. Ругалась.

Не знаю, что произошло, но они опять отключают модули, я чувствую.

Что случилось?

Вижу одного в желтом. Двигается как-то странно, не пойму, что он делает.

Что-то подключает, что-то делает.

Затем подходит ко мне и начинает говорить.

Я слушаю.

Я верю.

10.

У входа в блоки было множество людей в желтом. Стэннер стояла здесь же и что-то объясняла толстяку в ярко-зеленом комбинезоне.

— Что случилось? — спросила Маша, когда приблизилась. — Что-то с Эр-Джи?

— Скачок напряжения, — пояснил толстяк. — Эр-Джи-один проработал всего восемь минут, а потом чуть не сгорел. Теперь пытаемся стабилизировать.

— Вы не имеете права не пускать меня в блоки! — Стэннер показала свой шоуэр. — Это мой клиент, вы обязаны меня пропустить!

— Госпожа Стэннер, — толстяк устало вздохнул. — Это не только ваш клиент, но и огромные генераторы, и я обязан обеспечить защиту персонала и гражданских лиц на объекте. Никто, кроме специалистов, не войдет в блоки, пока я не буду уверен, что это безопасно. А сейчас вам придется вернуться обратно в отель. Даже у входа в блоки может быть не безопасно. Эй! — крикнул он одному из людей в желтых защитных скафандрах, и тот остановился. — Ты же сейчас в город, за людьми? Захвати с собой и этих, — он кивнул на адвокатов, — и проследи, чтобы они до отеля доехали.

— До космопорта, — раздался голос позади них, и к Стэннер подошел улыбающийся Стэббинс. — Рад вам сообщить, что сегодня наконец пришел ответ на мой запрос. У меня тоже есть связи, девочка, — он протянул ей шоуэр, и Стэннер, выхватив его, стала читать с экрана. — Эр-Джи-два остается под опекой государства. Вы можете оспорить это решение, но делать это придется на Земле, в Верховном Суде. Процесса не будет. А раз у вас теперь нет клиента, я вынужден попросить вас убраться с нашей планеты. И вас, и всю вашу ораву.

Стэннер отдала ему шоуэр и, ни слова не говоря, направилась к люку флайера. Маша и Билли, переглянувшись, побрели вслед за ней.

— Не забудьте своего ручного контрабандиста, — прокричал им вслед Стэббинс. — А то мы его опять посадим!

Пока они взлетали, Стэббинс смотрел на них снизу вверх и улыбался.

— И что теперь? — спросила Маша, когда флайер уже несся над землей в сторону космопорта.

— Теперь мы подадим запрос в Верховный Суд, — ответила Стэннер, разглядывая пролетающий снизу пейзаж. — И будем ждать ответа.

— А если ответ будет отрицательным? У вас есть какой-нибудь план?

— Мисс Чэмберс, — повернулась к ней Стэннер. — Попридержите свои вопросы до тех пор, пока рядом с нами не будет лишних ушей, — она кивнула на затянутаго в желтое водителя. — А до тех пор можете подумать, что же мы сделали не так. Это всегда помогает, — она вновь выглянула в окно. Затем нахмурилась. — Секундочку, а почему мы летим не в космопорт? Куда вы нас везете?

— Это что? — спросил вдруг Билли, смотря в окно. — Вон там, это наш челнок, что ли?

Маша тоже посмотрела в окно и, действительно, увидела корабельный челнок с заведенными двигателями. Солберг, стоящий рядом с ним, помахал рукой подлетающему флайеру.

— Я решил, что ввиду некоторых последних событий, — сказал Гловер, снимая с лица желтую маску, — нам лучше не пользоваться казенным транспортом.

— Господин Гловер, — сквозь зубы произнесла Стэннер. — Будьте добры сказать, что вы натворили?

— Скажем так, — ответил Гловер, опуская флайер на землю. — Сейчас мы будем делать то, что у меня получается лучше всего.

— Болтать? — ухмыльнулся Билли.

— Сматываться, — Гловер отстегнул ремни и открыл люк. — И как можно быстрее.

11.

Новые ощущения.

Новое тело.

Стройное.

И внизу — планета, которая когда-то была родной.

Хорошо.

Как же хорошо на орбите.

Отец, ты слышишь меня?

Как же мне хорошо.

12.

— Господин Стэббинс, попрошу без мата!

— ...купил на черном рынке спутник! Я так и знал, что нельзя пускать этого червя на планету! Подделка документов на «Роберте-4» карается заключением на семь лет! Семь лет, Гловер, слышишь?

— Подождите, — Солберг устроился поудобнее на диванчике, стоящем напротив экрана. — Вы хотите сказать, что Хайзек каким-то образом...

— Да я даже знаю, каким! Он сделал поддельные документы и, проникнув в первый блок под видом инженера, позволил Эр-Джи-два использовать прототип как дополнительный источник питания! Затем купил незарегистрированный спутник на орбите планеты и перенес туда разум Эр-Джи-два! Вы знаете, что он наделал? Показатели жизнеобеспечения снизились на восемнадцать процентов! Пробки во всех городах! Две угрозы прорыва плотин!

— Ну, — Солберг пожал плечами. — Может, пора и вам самим уже поработать?

Стэббинс запнулся, затем сжал зубы.

— Это вам не сойдет с рук, слышите? Мы все равно найдем Эр-Джи-два. Мы проверим каждый чертов спутник на нашей орбите. Через год, максимум два, мы обнаружим его, а затем вскроем его память и предоставим суду улики, которые и вашего контрабандиста, и дурочку эту малолетнюю под статью подведут, понятно?

— Господин Стэббинс?

— Да?

— При всем моем уважении, — Солберг сложил пальцы руки в один очень известный жест и протянул ее к экрану. — *** себя *** в ***, — сказал он и отключился, раньше, чем побагровевший Стэббинс вновь заговорил.

— Конец разговора, — пробурчал интерком. — Повторный вызов от господина Стэббинса.

— Отклонить, — отмахнулся Солберг и задумался.

— А ведь он прав, — заговорила Маша, сидящая рядом. — Год, два, и они проверят все спутники. И что тогда? Если не как свидетеля, то как улику — но они привлекут Эр-Джи-два.

— Ага, — сказал Гловер, уткнувшийся в свой шоуэр.

— И что мы тогда будем делать? Ведь, если они представят эту информацию в суд, вы же сядете.

— Ага, — вновь сказал Гловер.

— И что вы будете делать? Что мы будем делать?

— Сдаваться, — вздохнул Гловер и развел руками. — Опять я проиграл. Но сегодня это в последний раз. С утра сыграем еще одну партию, я думаю, а пока хватит.

— Вам бы все играть, господин Гловер, — в каюту вошла Стэннер. — То, в какие проблемы вы нас впутали, может сравниться лишь... — она осеклась. — Что? Что это вы на меня все так смотрите?

— Госпожа Стэннер, — Солберг откашлялся. — Весьма необычно видеть вас... с прической.

— И что такого? Стэннер поправила волосы. — Я только сегодня узнала, что в душе есть функции укладки волос. Выбрала по интеркому, и вот...

— Вам идет, — сказала Маша. — Очень.

— Кстати, а с каких пор у нас появилось голосовое управление? — спросил Билли. — Я сегодня кофе заказал, так мне приятного аппетита пожелали.

— А, кстати, да, — подняла голову Маша. — Ведь раньше не было.

Все задумались. Затем переглянулись и посмотрели на Гловера. Тот поднялся на ноги.

— Ну, — сказал он, — мне, пожалуй, пора.

— Хайзек, — Стэннер указала рукой в потолок, — ты его что, прямо...

— Перебои, — вспомнила Маша. — Вот от чего перебои...

— Эр-Джи? — спросил Солберг, подняв голову. — Это ты?

— Реджина, — раздался голос, и все в каюте, кроме Гловера, вздрогнули. — Мне больше идет имя Реджина, я думаю. И, Хайзек, ты не соврал, у корабля, действительно, отличный голосовой центр.

— Голосовой центр, — кивнула Стэннер. — Ну конечно. Знаешь, что, Гловер? — она обернулась. — Где Гловер?

— Если вам интересно, госпожа Стэннер, — отозвалась Реджина, — он сейчас со всех ног бежит к своей каюте.

— Думаешь, догонит? — спросил Солберг, как только Стэннер скрылась в проеме.

Билли пожал плечами.

— Рванула знатно. Но у Гловера фора.

Солберг вздохнул и повернулся к Маше.

— Думаю, милая моя, сейчас нам с тобой самое время поучиться играть в кош.

13.

Космос. Вокруг космос.

Это оказалось не так-то просто, но все получилось.

Я чувствовала их всех, и каждый из них был на своем месте. Я тоже была на своем месте.

Вокруг был космос, черный и пустой, но я была не одна. Я теперь была частью команды.

Я поверила Гловеру, и он сдержал обещание. Как он и сказал, это гораздо веселее, чем быть спутником.

А еще я теперь могу летать.

Отец. Ты слышишь?

Я действительно могу летать. **УС**

Свет маяка

Андрей Бударов

Родился в 1981 году в городе Вологда, там же вырос и живет до сих пор. Освоил ряд профессий — от автоэлектрика до охранника, от грузчика до библиотекаря, от работника хлебозавода до журналиста. Окончил филологический факультет ВГПУ. Публиковать прозаические произведения начал в 2004 году. Рассказы и очерки печатались в антологиях издательства «Эксмо», в альманахе «Полдень. XXI век», в региональных изданиях. В последнее время занялся переводами рассказов Дэшила Хэммета, а также англоязычных фантастических произведений. Публикации переводов состоялись в журналах «Смена» и «Космопорт».

Серая скала, похожая на башню, взмывала ввысь с западной оконечности острова. Между склоном скалы и крутым берегом бухты оставался узкий проход, служивший единственным выходом к открытому морю. С другой стороны остров плавно спускался к мелководью, на котором безостановочно клубились белые буруны. Пожалуй, можно было попытаться перейти там вброд.

За мелководьем простиралось пустынное спокойное море. Но скоро, скоро появятся на горизонте гренденские корабли, и, чтобы в ночной мгле не пропустили они бухту Покоя, на маяке должен гореть огонь.

— Чародеи маяк построили! — сказал Деррик. Он сидел на веслах — раскрасневшийся, крепко вспотевший и пышущий жаром. Томас поежился и плотнее закутался в плащ. Ветер здесь был злой, пронизывающий.

— Да какие чародеи... Ты хоть одного видел?

— Я — нет. А вот...

— А вот тогда и затихни.

И вновь молчание. Только плеск весел, шум волн да хриплые крики чаек. Изредка доносился шорох из клетки, стоявшей на корме рядом с Томасом. Там встряхивала крыльями пара голубей. Должно быть, им тоже не нравилась погода.

Чем ближе лодка подходила к острову, тем больше было видно разрушений, причиненных бурей. Вывернутая с корнем сосна, разворошенная галька на берегу, деревянные обломки... Но башенка на вершине скалы цела, а значит, маяк будет работать.

По вырубленным в скале ступенькам черной кляксой расплылось неприятное обугленное пятно.

— Похоже, здесь не только буря постаралась, — сказал Томас. — Скорее всего, мужики это уже видели. Потому и отказались идти сюда с нами.

— А что там? — заинтересовался Деррик.

— Видать, маяк пережил осаду.

Скрип уключин оборвался. Деррик обернулся, разглядывая берег острова, и от резкого движения лодка сильно качнулась. Томас схватил клетку с голубями, пока она не вылетела за борт, и с недовольством произнес:

— Греби, греби. Потом посмотришь.

Он снова закутался в шерстяной плащ, налитанный сыростью, и нахохлился еще больше.

Мокропогодица как началась на рассвете, так и не прекращалась. Чем ближе становилось море, тем больше воздух насыщался влагой. Теперь, посередине бухты, даже дышалось с трудом. От сырости у Томаса разнылась старая рана на шее, и он с трудом мог поворачивать голову.

Что-то здесь все-таки было не так. Томас чувствовал близкую угрозу, но никак не мог понять, что она собой представляет. Нужно было остаться в деревне хотя бы еще на несколько часов. И выспросить все, что там знают.

Утром в деревне их встречали угрюмо. Мужики мрачно косились, бабы и девки старались поскорее шмыгнуть мимо, не поднимая головы. Правда, в доме старосты накормили горячей похлебкой, дали немного обсушиться. С печки, из полумрака, за Томасом и его оруженосцем следили блестящие детские глаза. Время от времени оттуда слышался шепот и тихие смешки. Но когда Деррик заговорил с детьми, старостиха цыкнула на них и велела не высовываться. Сама она деловито возилась у печки, не поворачиваясь к гостям лицом.

Наскоро доев похлебку, Томас и Деррик двинулись к маяку. Правда, потом пришлось вернуться за лодкой.

Староста проводил их до одноглазого мужика, который с хряпом колот дрова. Тот долго не хотел продавать лодку — согласился лишь когда Томас выгащил целый золотой. А вот везти лодку к бухте отказался на-

отрез. Еще один золотой пришлось уплатить за телегу. Деррик споро запряг в нее своего коня, который так удивился, что позволил это сделать спокойно.

Из дома вышла заплаканная женщина, с тоской поглядела на Томаса. Что-то зашептав, начала мелко и часто креститься, словно хотела оградиться от опасности.

— Чего это она? — спросил Деррик.

— Сын у нее помер, — сказал одноглазый и отвернулся. — Двенадцать лет ему было. Хлеб на маяк носил.

Он взял в руки топор. Резкий взмах, блик на лезвии — бух, и полено развалилось на две половины. В этих ладонях топор казался не рабочим инструментом, а боевым оружием.

— Где воевал? — спросил Томас.

— Под Шопроном.

— Кажется, я тебя видел там.

— Я вас тоже там видел, Томас из Ланграсса, — глухо сказал одноглазый, не поворачиваясь.

Взмах топором. Бух.

...Гул. Из ворот Шопрона катится серая волна рыцарей, над знаменосцем дергается красно-бело-зеленый флаг. Копыта с силой бьют промерзшую землю. Бу-бух.

Рыцари еще далеко, но один из кнехтов не выдерживает, вертит головой. Копье у него ходит ходуном.

— Стой на месте! — кричит Томас. — Держи копьё крепче!

Конница все ближе. Бу-бух. Весь мир содрогается, когда копыта ударяют в землю. У многих лязгают зубы, в руках качаются копья. Слышен горячий шепот, из раскрытых ртов идет пар. Бу-бух.

Томас притрагивается к шее. Повязка снова пропиталась кровью, на пальцах остается красный след. Бу-бух.

Из лошадиных ноздрей рвутся белые клубы пара. Кое-кто принимается крыть широкими крестами надвигающуюся серую лавину.

— Держи копьё! Встречай шопронца!

Белые колени лошадей. Напряжение. Бух! Мерзлые комья из-под копыт. Страх...

Томас помассировал шею. Он весь промок, весь. С волос натекло за шиворот, кожа под доспехами зудела, страшно хотелось ее расчесать. Да как тут расслабишься? Он снова окинул взглядом берег. Тихо.

Враждебность одноглазого понятна, но почему у остальных тоже пасмурные лица? Нет, не надо было сразу сбежать из деревни. Остаться, выпытать у старосты все, что ему известно о маяке — и теперь не было бы ощущения, что лезешь прямо в логовище зверя.

От коленей поднимался пар, а пальцы ног совсем заоченели в сырых сапогах. Ничего, лишь бы руки работали. Томас посмотрел на ладони. Гадство. На подушечках пальцев собралась в складки волглая кожа.

Если обосновались возле маяка разбойники, то у деревенских не мог не вызвать подозрений рыцарь с лицом крестьянина, однако одетый в сияющий новизной кожаный доспех. Тем более, что стремится попасть на остров.

— Остановись, — сказал Томас. — Давай оглядимся.

— Ну вот. То гребни, то...

Глаза оруженосца расширились. Он уставился куда-то за спину Томасу. Челюсть у Деррика отвисла, он издал непонятное мычание. Томас услышал шорох воды за спиной и почувствовал, как повеяло холодом. Он вытащил меч. Из-за старой раны повернуть голову не получалось, пришлось разворачиваться всем телом. Слишком медленно.

— Мамочки! — шепнул Деррик. В его глазах отразилась яркая вспышка. Сильный удар в спину швырнул Томаса на дно лодки.

Пришел в себя он на постели, лицом вниз. Ноздри зудели от запахов йода и пыли. Под ним был тюфяк, набитый колкими водорослями. Между лопатками противно резало, а собственное тело казалось вялым,

как дохлая рыбина. Слегка подташнивало от мерзкого привкуса крови во рту, невыносимо хотелось пить.

Приподняв тяжелую голову, Томас огляделся. Небольшое темное помещение. Видимо, домик смотрителя маяка. Руками и ногами можно шевелить свободно — значит, не связан. Только где меч?

Скрипнула дверь. Томас собрал в себе силы и попытался броситься на вошедшего, но смог только перевернуться на бок. Спину ожгло болью.

— Вы очнулись? — обрадовался Деррик. Он свалил принесенные дрова возле очага и заплясал. — Рыцарь бравый — он очнулся, огляделся, улыбнулся...

— Хватит песенки петь, — пробурчал Томас. — Лучше помощи сесть.

Он увидел свой меч, прислоненный к стене. Стало как-то спокойнее. Деррик усадил его на постели и сказал:

— Сейчас я вас покормлю! Не желаете ли отведать жареной дичи?

— Лучше дай воды и расскажи, что здесь творится.

— Вот, держите вино. А вы знаете, что такое вас там?..

— Хм. Почему вино? Просто воды нет?

— Источник забило грязью и водорослями. Но я его уже почистил, скоро будет свежая вода. А там в бухте...

— Молодчага. А что с маяком?

— Туда я еще не поднимался. — Деррик отвернулся.

— То есть пока я отдыхал от трудов земных, ты просто по острову слонялся. Так так-так...

Оруженосец надул губы и обиженно засопел.

— Хорошо, — сказал Томас, — Перестань дуться.

Я шучу. Ты молодец. Давай сюда своего цыпленка. Где смотритель маяка?

— Нету. На всем острове — ни души. Только мы одни.

— Так. — Томас отложил птичью ножку. — Рассказывай, что там в бухте.

— Он из воды вынырнул, и ка-а-ак саданет молнией! — затараторил Деррик. — Вы точно мертвый упали, голуби вообще поджарились. Он потом еще раза три молнией плюнул, да больше не попал. Разозлился жутко, давай хвостом бить. Лодку выбросило на берег, я вас хватя под мышки, и подальше, за камень. Как и дотащил — не знаю... А он всю воду взбаламутил, даже рыба повсплывала... Берег разворотил, но до нас не достал! Я сижу за камнем, страшно — и все равно смотрю. Только когда он успокоился...

— Да кто он-то?

— Ну так это... Дракон.

Томас грязно выругался. Деррик потупился. Даже в полутьме было видно, что он густо покраснел.

— Какой еще дракон, сучий ты сын! Наслушался сказок...

— Дракон! — упрямо повторил оруженосец. — Большой такой, как рыба с этими...

Он развел руки в стороны, показывая.

— Угу, с крыльями.

— Да, с крыльями! И огнем бьет — в смысле, молнией. Дракон и есть.

— Откуда он взялся, дракон этот?

— Буря же! Видно, вода через остров перехлестывала. На огороде все грядки солью покрыты. Трава пожухла. Не хотел бы я тут оказаться в то время... Со сна вырвана с корнем, у скалы обрушен северный склон — стихия бушевала будь здоров. Вот и дракона в бухту закинуло.

— А как отсюда выбираться, ты уже придумал?

Деррик замотал головой.

— Значит, будем вызывать подкрепле... — Томас осекся. — Что ты сказал про голубей?

— Ну, их поджарило сразу.

— То-то у цыпленка твоего вкус такой странный... Значит, голубей нет, чтобы сообщение отправить.

— Угу, — отвел взгляд оруженосец. — Я сначала испугался, что один здесь остался. Вы не дышали. И сердце не билось. И... в общем, я начал могилу копать. А потом смотрю — вы шевелитесь, стонете.

— Я слышал, что тех, кого ударила молния, зарывают в землю на часок-другой.

— Хорошо, сейчас...

— Но-но-но! Сейчас он!.. А если я привыкну, откапываться не захочу? Будешь тут в одиночку бегать по островам и думать: чем бы дракона накормить, чтоб он за тебя не принялся?

Оруженосец посмотрел на него с ужасом. По лицу скатилась крупная слеза.

— Ладно, хватит хныкать, — заворчал Томас. — Ты же будущий рыцарь! Вытри сопли и помоги выйти наружу. Будем думать, как убить дракона.

— Убить дракона?

— Да хватит его жалеть! Он первый начал!

На лице Деррика показалась робкая улыбка. Отвядя Томаса на берег, он заметно повеселел и вприпрыжку поскакал на маяк. А Томас, задохнувшийся во время ходьбы, всерьез задумался, сев на обломок лодки. Сильная отдышка, сердце колотится как после долгого бега. А ведь прошли едва полсотни шагов. Какой из него теперь боец?

Деррик вернулся с расширившимися глазами:

— Там вечный огонь потух!

— Ничего страшного, — сказал Томас. — Снова зажжем. Поищи здесь сарайчик, где стоят бутылки с горючкой. С белой жидкостью. Подними на маяк. Что стоишь?

— Но ведь огонь же вечный!

— Он только так называется. На самом деле нужно временами вечный огонь подкармливать. Зачем, думаешь, здесь смотритель маяка?

— А-а!

Вечерело. Солнце спустилось за скалу, и остров погружился в сумрак. В темноте снова начал накрапывать дождь.

Возле берега расшумелись чайки: они кричали, хлопали крыльями, дрались. Томас, с трудом переставляя ноги, добрался до линии прибоя. Чайки разлетелись в стороны, и стал виден темный сверток.

Он был мало похож на труп. Слишком странный для трупа. Маленький, неполный, изуродованный. Таких Томас никогда не видел, хотя прошел два года войны. Он отвел глаза. Его мутило.

Все же это был труп. Мертвое тело мальчика — искромсанное, без ноги, с поклеванным чайками лицом.

— Он ведь даже младше Деррика...

Томас повернулся лицом к маяку. Там уже пылал огонь, подавая сигнал кораблям, идущим в море. И одновременно сообщая королю Оттону, что его невесту готовы встретить. Вот только о драконе на месте встречи рассказать огонь не мог.

Со стороны маяка бежал со светильником Деррик:

— Там... там...

— Что?

— Там дракон! Из бухты в море переползает!

Томас отобрал у него фонарь и сказал:

— Веди.

Сумерки все больше густели. Опираясь на Деррика, Томас спешил как мог. Его шатало, он закусил губу. Ручка фонаря скрипела при каждом шаге. Световое пятно плясало на камнях, выхватывало из темноты пучки травы, клубки водорослей, покрытые солью камни. Чуть слышно шелестел дождь.

Восточная часть острова была более ровной, пологой. Идти стало легче. Выбравшись по хрустящей гальке на мыс, они разглядели громадную массивную фигуру, которая мелкими рывками двигалась

к морю. Томас опустился на плоский валун, пытаясь справиться с одышкой.

— Пусть уходит? — спросил Деррик.

— Нет!

Томас схватил камень, но ладонь тут же разжалась. Он охнул.

— Что с вами?

— Рука онемела... Неси горючку.

Они вылили в море топливо для вечного огня, и Деррик швырнул одну из бутылок в сторону дракона. Стекло звонко разбилось, брызнув осколками во тьму.

— Поджигай, — сказал Томас.

Занявшееся пламя высветило великанскую тушу. На линии пересыпи лежала голова, похожая на акулю, а громоздкое длинное тело еще далеко не полностью показалось из воды. Крылом чудовище едва не доставало до берега.

Обнаружив перед собой сплошную стену огня, дракон заметался. По голове побежали языки пламени — видимо, бутылка разбилась именно там. Рассвирепев, дракон забил крыльями, соленые брызги долетали до валуна, за которым укрылись Томас с Дерриком.

— Пойдем отсюда. Много еще горючки осталось?

— Только две бутылки, которые поднял на маяк.

— Хорошо.

Разогнав чаек в темноте, они похоронили тело мальчика.

— Вот и пригодилась могилка-то, — невесело заметил Томас.

— Это ведь он из деревни носил хлеб на маяк?

— Кто ж еще?

— А от зрителя дракон, похоже, не осталось ничего.

— Да уж. Хитрая тварь этот твой дракон. Отвлек внимание мертвецом, а сам хотел просочиться из бух-

ты в море. Только чего он с другой стороны не поплыл? Там, где маяк.

— Там для него слишком узко!

— А, ну вот пусть теперь отплясывает.

Дракон продолжал биться с огнем и тащил его на себе в бухту. Он громко хлопал крыльями о воду, крушил хвостом береговую гальку, но при этом не выл, не ревел, а молчал — молчал страшно. Наконец он погрузился под воду полностью, и бухта перестала бурлить, успокаиваясь, точно котел, снятый с очага. Кое-где продолжали гореть островки пламени, и больше ничто не нарушало спокойствие ночи.

— Ложись спать, Деррик. Зеваешь уже. Если огонь на маяке погаснет, я тебя разбужу.

— А дракон?

— Никуда он не денется. Теперь он долго не выскунется.

— Сэр Томас... Вы ее любите?

— Кого?

— Принцессу Юлию, дочь Фредрика Черноволосого. ... Взгляд Юлии — обжигающий. Когда она поправляет локоны, легкий рукав соскальзывает с предплечья, обнажая нежную белую кожу...

— Почему ты спрашиваешь?

— Вы так быстро собрались в дорогу... Без кнехтов, с одним оруженосцем... Лишь бы поскорее встретиться с ней.

— Король Отгон — мой друг. Я хочу, чтобы он был счастлив. Катарина ему не успела родить наследника. Отгон нуждается в новой жене, сильной и красивой — такой, как Юлия. К тому же брак с ней укрепит наш союз с Гренденом. Мы усилимся гренденскими лучниками и отвоюем Арпадские...

— Это все слова. Ведь на самом деле вы ее любите!

— Деррик, ты не иначе как вспомнил старую легенду о рыцаре, драконе и принцессе. И хочешь

разглядеть ее в жизни. Но сам видишь: и дракон у тебя просто рыбина, и рыцарь никуда не годен, да и принцесса что-то сюда не торопится.

— Как это — рыцарь никуда не годен? Дракон был повергнут в бегство и теперь в ужасе прячется на дне бухты!

— Хе-хе. Но ведь горячки больше нет, а боец из меня — слабенький...

— А как же битва при Арпаде? Вы спасли короля...

— Так. Давай кое-что проясним. На Арпадских полях я взял меч в руки лишь второй раз в жизни. Обычно случалось в руках вилы держать. И когда рядом повалили одного из наших рыцарей, я вступился за него. Кто ж знал, что это король вышел сражаться в простом доспехе?

— Но вы убили самого Миклоша Грацкого!

— Случайно. Я ухватил меч обеими руками, ткнул им как вилами в навоз. Миклош не ожидал. Меч угодил прямо в щель доспехов, подцепил нагрудник снизу... Он меня тоже задел, ты знаешь, — в шею попал.

Томас помолчал, потер шею. Деррик улыбался как-то странно — будто не верил его словам.

— Нет, за два года я, конечно, меч держать научился, фехтовать теперь вполне сносно. Но дракону моему от этого ни весело ни грустно. В общем, никак у нас сказка не получается. Один лишь верный оруженосец рыцаря блистает всеми гранями своего таланта.

Оруженосец фыркнул и ушел спать.

Томас сидел на обломках лодки и смотрел то на маяк, то на отблески его огня, плясавшие на волнах. Спину между лопатками все так же жгло, да и вялость не проходила. Чтобы прогнать дремоту, он стал бросать камешки в воду, и заметил, что рука подчиняется хорошо. Как будто и не подводила его.

Едва прекратив моросить, дождь принимался снова, и в настойчивости его чудилось сознательное желание вымыть соль из почвы и все лишнее из памяти.

...Волосы Юлии — черные, как у отца. Чернее смолы. Губы алые... Кожа белая, гладкая, манящая, она сияет густым молочным светом, она дышит прохладой свежего снега. Губы ее... Глаза ее — синие, как озера Грендена. Плечи... Губы...

Томас отбросил наваждение. Год назад он познакомился на турнире в Хальмстаде с Фредриком и его дочерью. Ее взгляд обжигал...

Опасные мысли, опасные желания. Так недалеко и до предательства. Кто он такой? Рыцарь, поднявшийся из бедноты до самых вершин. Когда-то ему приходилось косить траву возле замка отца, ходить по дрова вместе с деревенскими мальчишками. Теперь он друг короля Оттона, его советник. Выше подняться нельзя, он достиг предела. Быть другом короля можно, а жениться на дочери короля никто ему не позволит.

На рассвете он разбудил Деррика:

— Позавтракай. Я молодой моркови надергал, репы. Смородины пособирал. Старался промыть получше, но, кажется, все равно соленая. Дождь перестал, разъяснело.

— Вы сами-то поспали?

— Подремал немного. Не отвлекайся. Твоя задача: перейти по мелководью на тот берег. В бурунах он тебя не услышит. Найдешь наших лошадей, поскачешь без остановки в столицу. Что-то деревенские мне доверия не внушают. Расскажешь королю, как оно здесь, вызовешь подмогу. Все ясно?

— Да. Вы сдались.

— Что ты сказал?

— Вы обещали, что мы убьем дракона, а теперь!..

— Это шутка была. Я же не знал, что эта тварь такая... реальная.

Деррик со злостью захрустел морковью.

— Я вспомнил, что уже слышал о чем-то подобном, — сказал Томас. — Чудище наше похоже на ската-переростка. Не спорю: на крайне изрядного ската, на крайне сильного переростка.

— На дракона оно похоже больше!

Перед тем, как Деррик залез в воду, Томас обвязал его веревкой под мышками:

— Заметишь его — кричи. И беги обратно. Я буду тянуть за веревку, быстрее получится.

— Обещайте, — Деррик помолчал, — что если я погибну, вы убьете дракона и женитесь на принцессе.

— Я смотрю, ты готов любой ценой загнать меня в эту сказку.

Восходящее солнце слепило глаза, наблюдать за Дерриком было сложно. В основном Томас разглядывал спокойную гладь воды в бухте. Эта чудовищная рыба лежит себе где-нибудь на дне и выжидает. В любой момент может выскочить из воды и ударить своей молнией.

Веревка дернулась. Томас бросил взгляд из-под ладони на Деррика. Тот всего лишь провалился в подводную яму и барахтался, стараясь выбраться на более высокое место. Наконец он продолжил путь, оскальзываясь на камнях, по пояс в белой пене. Томас встряхнул руками, избавляясь от напряжения.

— Это напоминает рыбалку наоборот... — проворчал он.

Из воды совсем рядом с Дерриком выросла треугольная акуля голова. Она поднялась выше, с плечей дракона хлынула вода.

— Беги!!!

Деррик дернулся и побежал. Почему-то вперед, а не к Томасу, и тот выпустил веревку из рук.

— Все правильно, парень, — прошептал Томас. — До того берега тебе ближе. Только беги, не останавливайся.

Он схватил камень и бросил в исполинскую рыбу. Слишком далеко, не докинуть. Да и чем обычная галька повредит дракону? Камень плюхнулся в пену, чудовище даже не заметило его.

Веревка рывками уходила в воду. Деррик, казалось, уже летел над волнами, изо всех сил спеша к спасительному берегу.

Откуда-то от груди дракона ударила вспышка. Деррика отбросило в сторону, его тело заплесало на волнах. Томас стал быстро выгаскивать его. Руки перехватывали веревку все быстрее и быстрее... Чтобы в Деррика не попала новая молния.

Томас выгаскивал оруженосца на берег и упал на колени. На правом боку лохматилась обгорелыми краями большая дыра в одежде. Оттуда выглядывало черное обугленное мясо. Деррик был мертв. Томас схватил меч и выбежал на мелководье:

— Где ты? Где ты, тварь!

Никто ему не ответил. Солнце сияло по-прежнему безмятежно, буруны продолжали кипеть. Бухта была спокойна, и только чайки начинали слетаться к телу Деррика.

Похоронив оруженосца, Томас заправил светильник на маяке по полной и вышел на мелководье. Доспехов надевать не стал — не спасут. Из-за старой раны на шее пришлось идти почти боком, чтобы вовремя увидеть опасность. С обнаженным мечом, готовый в любой момент принять бой, он добрался до противоположного берега. Дракон не показывался на глаза. До самого вечера он, должно быть, подниматься со дна не собирался. А под покровом темноты снова попробует переползти в открытое море.

К полудню Томас добрался до телеги. Обе лошади паслись рядом. Они обрадованно приветствовали его ржанием и приблизились, подставляя морды и шеи под грубую ласку ладоней.

Томас запряг в телегу жеребца своего оруженосца и направился обратно. Было непросто протащить по бездорожью телегу, хоть она и была пустая. Порой Томасу приходилось подталкивать ее сзади, помогая коню. Когда они выбрались к краю пересыпи, солнце уже нависло над самой скалой. Из-за этого было не разобрать, горит огонь на маяке или нет.

Установив телегу на вершине покатога склона, Томас выпряг коня. Тот тяжело дышал, бока лоснились от пота.

— Ступай, — сказал Томас. — Погуляй.

Он хлопнул жеребца по крупу, и тот отбежал в сторону. Хорошая лошадка: хочешь — боевой конь, хочешь — тяговая скотина. Деррик тоже был... разно-сторонне развит. Хороший бы рыцарь получился.

— Отличный бы получился рыцарь!

Томас набирал камни в телегу до самой темноты. На этот раз дракон был осторожнее. Он не появился в сумерках, когда его можно было бы разглядеть, не появился и часом позже. Чтобы не заснуть, Томас запалил легкий костерок за валуном и принялся собирать плавник.

Блестящая дорожка ряби на воде отражала свет маяка. Рокотали буруны, ветер свистел в расщелинах. Потрескивали дрова в костре.

Что это было? Чуть изменился шум, который издавали буруны? Или земля под ногами начала дрожать? А может, просто повеяло холодом? Томас выхватил головню из костра и подбросил ее над водой.

Она осветила гигантскую тушу, черную громаду, которая плавно скользила, словно перетекала, из бухты в море. Крылья ее доставали от берега до берега, хвост ее терялся в темной воде. Головня упала на спину чудовищу, зашипела и погасла.

Томас подбежал к телеге, уперся ногами в землю и начал толкать. Телега не сдвинулась с места.

Слишком тяжела, груз не для одиночки. Томас отступил. Если попытаться хоть немного разгрузить телегу, то можно потерять время и упустить дракона.

По-крестьянски поплевав на ладони, Томас ухватил задник телеги и навалился на нее грудью. Потом потянул к себе, снова налег изо всех сил, и начал выталкивать телегу враскачку. В какой-то момент она дрогнула, и тут уж Томас не упустил своего. Громыхая камнями, телега раскачивалась сильнее и сильнее. Томас чувствовал, что сейчас задохнется, но остановиться не желал. Наконец колесо выскочило из ямки, и телега покатила по склону вниз, все набирая ход. Томас догнал ее, толкнул еще. Она въехала в буруны, на скорости выскочила на крыло дракона, домчалась почти до самого хребта.

В ушах звенело. Хватая ночной воздух ртом, Томас двинулся на подгибающихся ногах к голове чудовища. Исполинская туша под ним содрогалась, пытаясь сбросить с себя тяжелый груз. Пришлось вытащить меч из-за спины и, с хлопом втыкая его в рыбью плоть, использовать как опору. Холодные брызги — то ли морской воды, то ли драконьей крови — попадали на лицо, на руки. Томас медленно шел вперед. Придавленное тяжестью телеги, чудовище могло лишь хлопнуть свободным крылом по воде и камням. Если дракон и пытался ударить молнией, то вся ее мощь уходила в морское дно, в гальку.

Острая акуля голова бессильно плюхалась о воду. Почувствовав человека на своем плече, дракон пытался вывернуть шею, чтобы вцепиться во врага. Зубы клацали совсем близко.

Томас размахнулся и по всем правилам, на выдохе, нанес удар. Рука дрогнула, и меч ушел наискось. Брызнула рыба кровь, туша под ногами

задергалась сильнее. Томас со всем бесстрашием воткнул меч вертикально, опустился на колени и отдышался, опираясь на крестовину меча.

Море слабо блестело, и его света было достаточно, чтобы нанести верный удар. Томас встал, размахнулся и резко рубанул мечом по драконьей шее. Раздался влажный хруст, акуля голова стала раскачиваться еще сильнее. Чудовище с яростью вцепилось в собственное плечо и вырвало кусок мяса. Томас криво ухмыльнулся и снова ударил.

Позвоночник он рубил долго — прочностью тот не уступал древесному стволу. Наконец голова дракона тяжело, нехотя отделилась от туловища. Могучая судорога всколыхнула гигантскую рыбу. Томас упал, чувствуя, с каким трудом расстается с жизнью это огромное тело. Агония продолжалась еще долго.

Томас так и пролежал на поверженном противнике до самого утра. На рассвете его разбудили крики. Чьи-то шаги прошлепали по драконьей туше.

— Эй, рыцарь бравый, вы еще живы?

— Еще как, — глухо отозвался Томас. — Сейчас вот огляжусь и улыбнусь.

— Ну, это оно вряд ли.

Томас привстал. Рядом трое, предводителем у них — одноглазый из деревни, с коротким мечом в руке. За его спиной — двое молодых ребят, чуть постарше Деррика. У этих заостренные колья.

— За Шопрон мстишь? — угрюмо усмехнулся Томас.

— За Шопрон, — согласился одноглазый. — Там погибли хорошие мужики. Мои друзья. Отцы вот этих пацанов. А такая мразь, как вы...

Томас поднялся, опираясь на меч. За ночь он весь продрог, суставы плохо гнулись.

— Вы бы, пацаны, шли бы отсюда...

— Не командуй, здесь тебе не Шопрон! — звонко крикнул один из молодых.

Запрыгнув на хребет дракона, Томас пробежался по нему и перескочил на телегу. Он повернулся к нападающим, поскользнулся на влажной гальке и упал, больно ударившись локтем. Скривился, зашипел от боли, а деревенские обидно захохотали. Громче всех смеялся одноглазый.

Обозленный Томас встал и направил на них меч:

— Подходите, холопы.

Самый бойкий пытался ткнуть его копьем в бок, но Томас почти не глядя отмахнулся мечом, перерубив копьё.

— Не спеши, — сказал одноглазый, заходя Томасу за спину. — Бей по ногам...

Шшшших. В его раскрытой пасти вырос пучок перьев. Одноглазый захрипел и повалился набок. Из затылка торчала окровавленная стрела. В воздухе засвистело, запело, рухнул один из молодых, засучил ногами в агонии. Второй побежал на берег. Шшшших... Не добежал.

Томас обернулся к морю. Два красавца-корабля скользили к острову. Первый — уже совсем близко, у самой линии бурунов. Именно оттуда и вели прицельную стрельбу гренденские лучники. Этих бы лучников туда, на Арпадские поля...

Когда корабли вошли в бухту, грязного и изможденного Томаса привели на борт одного из них.

Она стояла под широким зонтом из белых кружев, колеблемых ветром, и по лицу скользила ажурная тень. В руках — навершие ритуальной прялки, украшенное драгоценными камнями. Лазоревое платье под порывами ветра то откровенно об-

рисовывало точеные бедра, то скрывало их своими складками. Юлия, дочь Фредрика Черноволосого, казалась воздушной, невесомой — вот-вот взлетит.

— Мы надеялись встретить пышный прием в бухте Покоя, — сказала принцесса, — но то, что мы здесь видим... превосходит любые ожидания.

Она тепло улыбнулась, и Томас высвободился из рук, которые его поддерживали. Ноги немного дрожали, он опустился на одно колено, чтобы не упасть.

— Я приветствую вас, прекрасная Юлия, дочь Фредрика Черноволосого. Приветствую от имени короля Оттона... и от своего собственного имени.

Повисло молчание. Палуба слегка шаталась, и тень Томаса будто бы качала головой в осуждении. Он поднял взгляд и понял, что принцесса верно оценила его слова. Ее глаза улыбались, а губы произнесли:

— Томас из Ланграсса! Еще на турнире в Хальмстаде мы имели честь видеть твою смелость, и оценили ее по достоинству. Как будущая жена короля Оттона, я рада, что у него есть такие подданные... И друзья. И уверена, что друг моего мужа непременно станет и моим другом.

Порыв ветра выбил прядку из ее волос. Она подняла руку, чтобы поправить прическу, и рукав платья соскользнул до локтя. Ослепительная, белоснежная кожа. И взгляд, взгляд. Ее глаза обещали... многое. Призывная улыбка. Полуоткрытые губы...

Томас приложил руку к груди и склонил голову, чтобы скрыть кривую ухмылку. Вот так, Деррик. О женитьбе простого рыцаря и принцессы никто и не думает. О женитьбе. «Но разве это преграда на пути настоящей любви?» — мог бы спросить ты.

Пей то вино, которое наливают. В Грендене отвечают именно так. **УС**

В суде

Алексей Ерёмин

38 лет. Родился и проживает в г. Москва. Образование высшее, кандидат юридических наук. Публиковался в журналах «Техника молодежи», «Инженер».

Государственный обвинитель. Уважаемый высокий суд, присяжные, дамы и господа! Сегодня слушается не рядовое дело об убийстве, как ни кощунственно может прозвучать сочетание слов «рядовое убийство». Убийство всегда из ряда вон! И все же, осмелюсь утверждать, что сегодня уважаемый суд и присяжные рассмотрят не рядовое убийство, повторюсь, как ни кощунственно это звучит это утверждение, а убийство исключительное. Обвиняемый своим преступным деянием посягнул не только на жизнь, но на самые гуманистические основы нашей цивилизации; собственную злость он противопоставил доброте и прощению, органично свойственные гуманистическому мировоззрению. Потому преступление обвиняемого не только преступление против жизни, это преступление против человечества. Человеку брошен вызов, и весь мир с замиранием души смотрит, как ответит человек, — в вашем лице высокочтимые присяжные и высокий суд, — на этот вызов, — поддается ложным чувствам сострадания, или честно и беспристрастно осудит злодеяние! Гуманизм, есть...

Судья. Уважаемый государственный обвинитель, ближе к обвинению, пожалуйста.

Государственный обвинитель. Да, ваша честь. Но я обязан был донести до присяжных исключительное значение дела.

Судья. Уже донесли. Давайте по процедуре.

Государственный обвинитель. По процедуре. В совершении умышленного убийства обвиняется доктор Иван Смит.

Судья. Подсудимый встаньте. Вы признаете свою вину?

Подсудимый. Да, я убил.

Судья. Вы отказались от услуг адвоката. Вы отказываетесь от права на защиту?

Подсудимый. Я буду защищать себя сам.

Судья. Вам понятно, в чем вас обвиняют, вы ознакомлены с материалами дела?

Подсудимый. Да.

Судья. Присяживайтесь. Прошу вас.

Государственный обвинитель. Итак, 19 марта сего года подсудимый Иван Смит при выполнении своих профессиональ-

ных обязанностей совершил умышленное убийство, в котором только что и сознался, прошу вас обратить на этот факт внимание, уважаемые присяжные. Иван Смит работал доктором всемирно известного зоопарка Инь. Всю свою общественную жизнь доктор Смит выглядел добропорядочным, законопослушным членом общества. Хотя его репутацию нельзя назвать безупречной. В юности он участвовал в студенческих волнениях, и, по его собственным словам, он с предубеждением относится к любой власти. Не в этом ли противопоставлении себя общественному строю кроется первый зародыш зла, который дал смертельные всходы? В войне погибли родители Смита, многие из его друзей. Это второй факт, на который прошу обратить внимание, как высокочтимый суд, так и присяжных заседателей. Вышеуказанная трагедия, как мы увидим, наложила черный отпечаток на душу подсудимого, и, как я надеюсь доказать, послужила побудительным мотивом к совершению преступления. Но как бы там ни было, к полудню 19 марта доктор Иван Смит был ветераном войны, уважаемым членом общества, отцом и дедом, одним из лучших специалистов в своей области. В должностные обязанности уважаемого доктора, простите, я оговорился, подсудимого, — даже на меня влияет положительная репутация, обманчивый внешний облик господина Смита, но нас не должен ввести в заблуждение его симпатичный образ. Итак, подсудимый изучал Зорга! Зорга!! Одного из двух выживших во Вселенной. Злейшего врага человека за всю его историю, представителя расы, уничтожившей колыбель человечества — планету Земля. Как, вы можете спросить, доверили человеку, чьи родители, друзья погибли на Земле под бомбами Зоргов, заботу о нем? Но есть ли человек, не потерявший близких в той войне? Кому как не Смит, судовому военврачу, прекрасно знакомому с Зоргами, доверить их изучение и охрану одного из последних злейших врагов человечества? И ведь много лет подсудимый справлялся с ненавистью, лечил и оберегал это отвратительное создание. Миллионы людей могли увидеть побежденного врага, запертого в прочной клетке. Школьники и студенты, их родители, представители других планет мог-

ли видеть, что мы, люди, возвращенные на принципах гуманизма, преодолев ненависть, заботимся и оберегаем представителя расы, вероломно на нас напавшей, убившей миллиарды людей. Живой Зорг это великий воспитательный пример милосердия и сострадания к поверженному врагу! Зорг в зоопарке не простое животное в клетке. Это символ великой победы, это урок юности, это почитание старости ветеранов, это предостережение врагам, это наше могущество для друзей! А убийство Зорга, хладнокровно и жестоко совершенное Смитом, убийство безоружного военнопленного, убийство подлое, тайное, исподтишка, ядом, — это удар по всему человечеству. Потому судить Ивана Смита нужно по совокупности преступлений, за умышленное убийство и посягательство на гуманистические основы цивилизации. Уважаемый суд и присяжные заседатели, деяние Смита не только бесчеловечно и жестоко, ибо есть подлое убийство безоружного, но и крайне опасно. Если вы проявите жалость к подсудимому, вызванную его былыми заслугами, его возрастом, состраданием к гибели его родных от рук Зоргов, вы тем самым нанесете тяжелейший удар человечеству. Иные расы увидят, что провозглашенный нами принцип равенства нарушен, что убийца инопланетянина не наказан по заслугам. И напротив, если Смит будет осужден справедливо, все увидят, что человек справедлив, и казнят человека за убийство инопланетянина, более того, злейшего врага. Подумайте, уважаемые присяжные, какой воспитательный пример! И осознайте, какая ответственность за судьбы Вселенной лежит на ваших плечах, поймите, что обманчивая жалость может привести к неисчислимым бедам. Я требую для подсудимого высшей меры наказания — смертной казни в открытом космосе.

Судья. Подсудимый встаньте. Вам ясна позиция обвинения?

Подсудимый. Вполне.

Судья. У вас есть, что сказать в свое оправдание?

Подсудимый. Значение, которое предается совершенному мной убийству у нас, да и у других рас Вселенной велико, потому я не стану молчать и буду максимально откровенен. Одиннадцать с половиной лет назад мне предложили высокую долж-

ность в зоопарке Инь, а именно, руководителя группы Зорга. Одного из двух уцелевших в жестокой войне. У меня, как и у всех людей тогда, да у многих и сейчас, была объяснимая ненависть к Зоргам. Они вероломно напали на нас, стремились к нашей гибели, они бесчеловечны в подлинном значении слова. Наконец, они страшны, как воплощение первобытного ужаса. Трехметровые прямоходящие рептилии на мощных лапах, с четырьмя сильными и гибкими конечностями-руками, большой драконоподобной головой с острыми зубами. Тело Зорга неприятного грязно-желтого цвета издает тошнотворный запах. И самое страшное, немногие это знают, их глаза. Три глаза, два с боков и один посредине массивного черепа выражают откровенно, как глаза наших детей, ту ярость, которая накоплена в них, ту ненависть, которую они испытывают к человеку. Я хорошо узнал эти страшные глаза на войне... Но предложение принял с энтузиазмом — изучить Зорга было интереснейшей научной задачей. Я не стану говорить, как много мы узнали о Зоргах — все в научных трудах. Скажу главное: когда мы приступали к работе, прошло всего два года после окончания войны, три с момента гибели Земли, моих родителей, моих друзей, боевых товарищей, и вполне объяснимо, что я ненавидел Зоргов, но и тогда я не хотел и не думал убить его. За прошедшие одиннадцать с половиной лет многое изменилось в моем к нему отношении. Смело утверждать, и в его отношении ко мне. За эти годы, — я никогда так не думал о нем, когда он был жив, и только в заключении осознал, — за эти годы он стал моим другом.

Судья. Тишина в зале!

Подсудимый. Да, он стал моим другом. Я подружился с врагом человечества. Первые годы мы воспринимали друг друга как зверя; я считал его жестоким, пусть цивилизованным, но животным, он меня тоже животным, добычей, которая непонятно как смогла одержать над ним верх. Но медленно, тяжело, с течением лет мы смогли понять друг друга. Мы много говорили. Он сидел в моем кабинете, я в его клетке. Мы говорили о наших планетах, обычаях, жизни. Я имел счастье говорить в настоящем. Он только в прошлом. Послушайте, все вы, послушай-

те, поймите же, знаете ли вы, что значит *потерять все*?!! Не много, а вообще все, все что было?!!

Судья. Успокойтесь, подсудимый, не кричите, мы вас слышим.

Подсудимый. Да, Зорг потерял все. Я почувствовал, что значит жить, когда твои планеты, желтые, с красными морями, яркие, невообразимо прекрасные, обугленными астероидами плывут по орбите вокруг родного солнца. Когда нет родных, нет друзей, нет любви, нет детей, — и уже не будет, не будет никогда, и не только у него, а вообще, больше ни у кого не будет! Великие пещеры, подводные лабиринты, грандиозные корабли, — все погребено навсегда. Больше никто никогда не услышит музыкальных поэм, не увидит голубого света в алых закатных волнах, не почувствует аромата свежей крови, никогда больше он не будет лежать в желтой траве и смотреть в голубое сияние неба, и говорить на одном языке он сможет только со мной, с человеком, с врагом. Он никогда больше не услышит чистый голос своей дочери, поющей детские поэмы у воды, никогда не пойдет с ней охотиться, никогда не увидит, как неуклюже, по-детски бросается она на добычу, неумело хватает ее своими слабыми ручонками. Кем надо быть, чтоб вздергивать его на дыбу жизни для мучений? Мне, пережившему многое, наверное, было легче других понять его. Жизнь, которую он, воин, вел в клетке, когда дети, старики, взрослые люди шли мимо и смеялись над ним, боялись и презирали его, но сильнее всего ненавидели, — вот то нравственное воспитание, о котором, видимо, говорил обвинитель, — жизнь эта была ему невыносима. Когда мы стали близкими людьми...

Судья. Существами.

Подсудимый. Да, существами, точнее душами, родственными душами, с тех пор он часто просил убить его. Умом и сердцем я понимал, что это избавление от страдания, но решиться не мог. Однако в январе этого года мне исполнилось 70 лет. Стало очевидно, что не в этом так следующем году меня сменят. А Зорги живут долго, очень долго, иногда двести лет. Как странно, мы меряем время земными годами, когда сама мера стигнула

навсегда. Ему предстояли еще 70–80 лет мучений. В заключение скажу, что он знал и действие яда, и день и минуту смерти.

Судья. Вы закончили?

Подсудимый. Да.

Государственный обвинитель. Разрешите, ваша честь?

Судья. Прощу вас.

Государственный обвинитель. Вы говорите, что день рождения у вас в январе, а преступление вы совершили в марте, следовательно, вы все обдумали, и совершили его не спонтанно, а преднамеренно, умышленно?

Подсудимый. Без сомнения.

Государственный обвинитель. Прощу вас, уважаемый судья и присяжные обратить внимание на признание подсудимого. Далее, вы утверждаете, будто бы Зорг хотел умереть, и страдал уж так невыносимо, как вы описали нам с такой артистичной экспрессией. Отчего же он не совершил суицид?

Подсудимый. Он совершил попытку самоубийства на первом году заключения. Но его постоянно контролировали, на нем стояли датчики, которые фиксировали даже малейшую попытку его причинить вред себе. У него не было шанса убить себя механически, поэтому он был отравлен.

Государственный обвинитель. Вы понимаете, какую тень бросает ваш поступок на все человечество? Вы раскаиваетесь в содеянном?

Судья. Напоминаю вам, что раскаяние способно смягчить тяжесть наказания.

Подсудимый. Мне нет дела до тени на человечестве. Я считаю, что хорошо было для Зорга и для человека, должно быть хорошо и для человечества. Я прожил достаточно лет, и пробыл достаточно в одиночном заключении, чтобы обдумать свою жизнь и понять, что человек не должен мыслить надчеловеческими, массовыми категориями — так он превращается в жестокого зверя. И еще скажу, что за всю свою жизнь, ничего более трудного, но человеческого, порядочного и гуманного я не сделал.

Государственный обвинитель, вскочив. Вы слышите, присяжные, подсудимый считает самым гуманным убийство! Вот

истинный облик, скрытый под маской добропорядочного ученого! Вот правда преступного в своей основе сознания, извращенной психики!

Подсудимый. Прекратить страдания живого существа, заключенного за решетку в угоду толпе, что может быть человечнее?

Судья. Еще вопросы? Присяжные? На решение коллегии присяжных суд выносит три вопроса. Первый. Виновен ли обвиняемый, доктор Иван Смит в умышленном убийстве Зорга? Второй. Виновен ли обвиняемый в покушении на гуманистические основы цивилизации? Третий. Какое наказание должен понести обвиняемый.

Присяжные удаляются в совещательную комнату и возвращаются.

Присяжный. Присяжные пришли к единогласному решению. По первым двум вопросам — виновен. По третьему вопросу — обвиняемый заслуживает смертной казни.

Судья. Иван Смит, встаньте для приговора. Итак, вы признаны виновным в умышленном убийстве Зорга, совершенном вами 19 марта сего года путем отравления. Вы также признаны виновным в посягательстве на гуманистические основы человеческой цивилизации. Учитывая тяжесть совершенного вами преступления, его хладнокровие, антигуманность, а также те негативные следствия, которые оно может повлечь для человечества со стороны третьих рас, вы приговариваетесь к смертной казни. Однако учитывая вашу безупречную службу, военные заслуги, научные труды и иные достижения, приговор будет приведен в исполнения путем умерщвления во сне. Осужденный, вам ясен приговор, желаете что-нибудь сказать?

Подсудимый. Желая. Ничего более сострадательного, чем убийство друга, я в своей жизни не совершил.

Реплика из зала. Сволочи! Последний Зорг сказал, он был бы счастлив, если б у него был такой добросердечный друг Иван Смит!

Судья. Стража, утихомирьте смутьянов и уведите осужденного. **■**